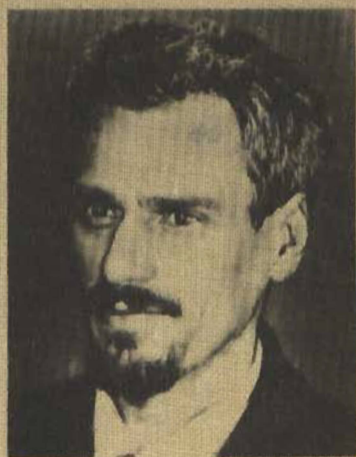

ЗЕМЛЯКИ

Ю. В. КОНДРАТЮК
(А. И. ШАРГЕЙ)

Александр
Раппопорт
ТРАЕКТОРИЯ
СУДЬБЫ

ЗЕМЛЯКИ

**Ю. В. КОНДРАТЮК
(А. И. ШАРГЕЙ)**

Александр
Раппопорт

**ТРАЕКТОРИЯ
СУДЬБЫ**

Документальная
повесть

НОВОСИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

ББК 39.62
P23

Раппопорт А. Г.:
P23 Траектория судьбы.— Новосибирск: Новоси-
бирское книжное издательство, 1990.— 200 с.
ISBN 5—7620—0406—6

Книга посвящена А. И. Шаргею — Ю. В. Кондратьюку, чье имя носит кратер на Луне, одна из площадей Новосибирска... Именно в нашем городе в 1929 году он издал главный труд своей жизни — книгу «Завоевание межпланетных пространств», содержащую конкретные расчеты всех стадий космических полетов. Спустя многие годы, его рекомендации и расчеты легли в основу мировой практической космонавтики.

Адресована широкому кругу читателей.

P 4702010204—067 2—90
M143(03)—90

ББК 39.82

ISBN 5—7620—0406—6

© Раппопорт А. Г., 1990
© Художник Зайцев Е. Ф., 1990

ОТ АВТОРА

— Площадь Кондратюка,— будничным голосом объявляет остановку водитель автобуса или троллейбуса.

Не берусь описать все те чувства, которые каждый раз испытываю при этом. Если бы меня в этот момент кто-нибудь вдруг спросил: «А кто это такой, Кондратюк, именем которого...»,— я был бы в отчаянии, потому что знаю: ответить на этот вопрос в двух словах — значит ничего не сказать. А знать жители и гости нашего города, конечно, имеют право, больше того, уверен, должны. Наверное, поэтому и написана эта книга.

В своих статьях, в письмах в разные инстанции я писал о необходимости назвать именем Юрия Кондратюка одну из улиц Новосибирска. Не один я писал и хлопотал об этом — у меня были предшественники и последователи, борьба за «улицу Кондратюка» длилась десятилетиями. Назвали не улицу — площадь! И разумеется, этому можно лишь радоваться. Улицы имени Юрия Кондратюка есть в Москве, в Киеве, на его родине — в Полтаве. А вот площадь — только в Новосибирске. Правда, есть еще один неординарный объект, носящий это имя,— кратер «Кондратюк». Но это совсем уже далеко — на Луне.

Просторная, красивая, расположенная в центральной части города, площадь Юрия Кондратюка напоминает светило с лучами-улицами, расходящимися во все стороны. «Светило», «светоч»,— слово, быть может, искусственно здесь притянутое, но к его имени имеющее самое прямое отношение. Мы к этому еще вернемся, не будем спешить.

Через площадь, скрещиваясь, как в фокусе линзы, и расходясь, проходят улицы Советская, Фрунзе, Сибирская и проспект Димитрова. Недалеко от площади, на углу Советской и Потанинской, стоит здание, в ко-

тором работал Ю. В. Кондратюк. Сейчас в нем собираются разместить выставку космической техники и посвященную ему музейную экспозицию. Неподалеку проходит и улица Нерчинская. Здесь он жил в деревянном одноэтажном домике, увы. не сохранившемся. В пяти минутах ходьбы от площади — улица Державина. «Новосибирск, ул. Державина, 7» — этот адрес Ю. В. Кондратюка увековечен на титульном листе его книги «Завоевание межпланетных пространств». Помимо адреса и даты, «1929 год», крупно набрано: «Издание автора». Эту книгу — главный труд своей жизни — Ю. В. Кондратюк издал на свои деньги и поэтому вместо адреса издательства указал свой собственный.

И Нерчинская, и Советская, и Потанинская, и Державина — все эти улицы могли бы претендовать на переименование в его честь. Переименовывать их не стали, а именем его назвали образовавшуюся в фокусе старых и новых улиц площадь. Так появилась в нашем городе еще одна площадь — имени Юрия Кондратюка.

Верю, что со временем воздвигнут памятник Ю. В. Кондратюку, для этого и место уже готово — в центре площади, среди разбитого цветника, где сейчас возвышается временное сооружение из арсенала «средств наглядной агитации и пропаганды». А на пьедестале памятника будут высечены две фамилии: Ю. В. Кондратюка и... его же, настоящая.

«Кондратюковедом» я стал 19 июля 1969 года. Уверенно называю точную дату, разглядывая сейчас пожелтевшую газетную вырезку с очерком Владимира Львова «Человек, который предвидел». В тот день, хорошо запомнившийся, утром я вынул из почтового ящика газеты, развернул свежую «Комсомолку», прочитал этот очерк, тут же перечитал и в волнении заходил по комнате, потеряв покой, как потом оказалось, навсегда. Очерк рассказывал о судьбе Юрия Васильевича Кондратюка, о судьбе его книги, выпущенной в 1929 году в Новосибирске и ставшей настольной книгой ученых, разрабатывающих проблемы космических полетов.

Снова и снова я брал в руки газету, отказываясь верить собственным глазам, и перечитывал: «Итак, мир может сейчас оценить по достоинству то, что сделал рабочий человек из Новосибирска, размах его мысли, ве-

личные его научного подвига... Этот советский человек был одним из гениальных пионеров космической эры...»

«Как же так,— думал я в смятении,— почему я, коренной сибиряк, новосибирец, ничего не знаю о гении из нашего города?! Так ли уж много их было за его небольшую историю? Почему не хожу по улице его имени, не останавливаюсь у его портрета — хотя бы в городском музее? И куда ж смотрят наши братья-журналисты?»

Нужно сказать, что к тому времени я уже сам всю «внештатничал» в местных газетах и, конечно, загорелся лично узнать подробности, каковы ленинградцу В. Львову, быть может, из-за его отдаленности, узнать не удалось. Ведь не случайно он пишет о жизни Ю. В. Кондратюка, как об «ожидающей еще своего биографа и историка!» Потом, спустя какое-то время, узнал, что о Кондратюке в Новосибирске писали (и довольно много!) еще десять лет назад, в 1959 году. Но в тот день я ринулся в редакцию «Вечерки» и стал спрашивать опытных газетных «волков». Но, увы, никто о Кондратюке ничего не знал, публикаций о нем не помнили.

В тот же день я обошел все места, где, по моим предположениям, мог работать в конце двадцатых годов Ю. В. Кондратюк. Вернулся еще больше взволнованным и не с пустыми руками: встретил людей, помнящих Кондратюка, послушал их рассказы. Мне даже нашли его фото, отыскали и старый пригласительный билет с его портретом на обложке и датами: «1900—1960». Билет приглашал на «расширенное заседание новосибирского отделения Всесоюзного астрономо-геодезического общества при АН СССР, новосибирского отделения общества «Знание» и Совета новосибирского планетария, посвященное 60-летию со дня рождения деятеля космонавтики Ю. В. Кондратюка». Из повестки дня, опубликованной в том же билете, я узнал, что с сообщением о том, «как в Новосибирске собирали материалы о жизни ученого-астронавта Ю. В. Кондратюка», на заседании выступал «инженер Я. Е. Шаевич». Впоследствии я разыскал Якова Ефимовича, оказавшегося автором крупных публикаций о Кондратюке в журнале «Сибирские огни», он очень помог в моих дальнейших разысканиях.

Как Я. Шаевич, В. Львов и другие публикаторы того времени, в своих первых газетных очерках о Кон-

дартюке датой его рождения я указывал 1900 год, местом рождения — город Луцк, то есть следовал известной тогда биографической версии.

Но кое-что в биографии Юрия Васильевича было запутано, вызывало серьезные сомнения. Например, свою первую рукопись с поразительными прозрениями о завоевании космических пространств человечеством он пометил 1916 годом. Выходило, что он написал ее в 16 лет! Смущали и «белые пятна» в его жизни, и то, что сам Кондратюк неуклонно обходил их в автобиографии: «полагая, что чисто личные стороны моей жизни не представляют особого интереса...» Словом, вопросы копилась, «узелки», не развязавшись, сплетались в тугий клубок, который на долгое время откатился от меня, оставив в руках лишь ниточку, которую я, к счастью, не бросил. Постепенно она привела меня к ошеломляющей «информации к размышлению».

Человек, собственноручно написавший во всех анкетах, которые довелось видеть, «фамилия — Кондратюк, имя — Юрий, отчество — Васильевич, год рождения — 1900, место рождения — Луцк», оказывается, на самом деле был:

а) не Кондратюком, б) не Юрием, в) не Васильевичем, г) не 1900 года рождения и д) не уроженцем Луцка.

Все это, записанное в его анкетах его рукой и потому, естественно, не подлежащее ранее сомнению, оказалось «липой». Начинался детектив...

Но плотина загадки уже была прорвана, и поток ответов нарастал. До самой эпохи гласности эти ответы оставались невостребованными. И хотя в энциклопедических статьях о Кондратюке изменили дату рождения, что свидетельствовало о том, что подлинное его имя и биография стали известны биографам, правду не спешили предавать огласке и бдительно следили за тем, чтобы она нигде не просачивалась. Писать о Кондратюке вообще «не рекомендовали». Публикации о нем разрешались лишь в случае, если изложенные факты «не выходили из рамок энциклопедической статьи о нем». Но тогда какой же в них был смысл — «пережевывать» общеизвестное?

«Буду рад, если Вам удастся преодолеть цензурные затруднения, о которых вы пишете», — ответил мне в своем письме академик Валентин Петрович Глушко¹. Его горячая и заинтересованная поддержка способство-

вала появлению фильма «Хлеб и Луна», посвященного Ю. В. Кондратюку, а затем и обширной публикации документов, писем, воспоминаний. Зная подлинную биографию Кондратюка, я старался максимально точно следовать ей, избегал, повествуя о детстве героя, использовать имя, которое он в те годы не носил. Но главное «табу» так и не удавалось снять.

«О книге, «в которой будет все названо своими именами», сейчас еще не может быть и речи,— писали мне из Москвы двоюродный брат Кондратюка Александр Владимирович Доценко* и его жена Людмила Ивановна Спрыгина,— неоднократно ведущие лица предупредили, что это делать сейчас нельзя, особенно просили предупредить работников «на местах», ибо это вызовет сугубую закрытость». Шел 1980 год.

И вот на дворе «иные времена, иные нравы». С трудом, но все же вышел на телевизионные экраны страны телефильм «Что в имени тебе моем?», сценарий которого написал летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза В. И. Севастьянов. Миллионы телезрителей впервые услышали имя Александра Игнатьевича Шаргея — подлинное имя «Юрия Васильевича Кондратюка», узнали некоторые трагические страницы его биографии.

«Правда» сообщила о том, что в статье энциклопедии, посвященной Ю. В. Кондратюку, будет, наконец, сделана поправка.

Вековая мечта разрешится технически просто,
И взлетят корабли,

засигналят в космической мгле...

Но не будет тебе ни звезды,

ни креста,

ни погоста,

Даже имя

чужое

ты оставишь родимой земле.

В этом стихотворении «Памяти Ю. В. Кондратюка» опубликованном новосибирским поэтом Александром Кухно**, последняя процитированная строчка была им

---

* Буква «о» в фамилии Александра Владимировича, в отличие от других членов семьи, появилась из-за неверной записи в паспорте.

** Кухно Александр Антонович (1932—1978), член Союза писателей СССР.

с сожалением заменена — шел 1975 год... Теперь ее необходимо восстановить.

Что еще требуется сделать? Многое. Но главное сейчас — донести до людей ничем не искаженную правду о гениальном человеке с трагической судьбой, рассказать о нем без утайки и недомолвок, породивших столько нелепых слухов в недоброй памяти застойные времена.

Эта книга об Александре Игнатьевиче Шаргее (Ю. В. Кондратюке) — малый вклад в уплату нашего общего неоплатного долга перед ним.

Пользуясь случаем, выражаю глубочайшую признательность и благодарю всех тех, кто поделился со мной материалами, воспоминаниями, помогал, направлял и поправлял в этой работе. Особую благодарность за предоставленные ценные материалы хочется выразить Людмиле Ивановне Спрыгиной, Анатолию Владимировичу Даценко и Борису Ивановичу Романенко.

Часть I

ЗАДОЛГО ДО СТАРТА

Чужая жизнь — безжалостней моей —
Зовет меня... И что мне делать с ней?
Ведь можно лишь рукою великана
В лазоревой высокогорной мгле
Куском нефрита выбить на скале
Рассказ о гордом подвиге...

С. Марков

ДВА СНИМКА И ПЯТЬ ВИТКОВ

Для первого знакомства с героем этой книги предлагаю сравнить две его фотографии — они помещены здесь: самую раннюю из сохранившихся и одну из последних.

На первой он запечатлен за чаепитием вместе с бабушкой и «неродным дедушкой». Он сидит в центре и, отставив стакан, смотрит прямо в объектив. Ему 13 лет, одет в летнюю гимназическую блузу. Короткие темные волосы, отросшие после стрижки наголо, умное милое лицо, еще по-детски округлое, чуть задумчивый взгляд...

На второй изображен пожилой мужчина — высокий, немного сутуловатый, седой. Он стоит на фоне цветущего дерева, правой рукой прижимая к бедру портфель. Пиджак расстегнут, темный галстук, небрежно повязанный косым узлом, выбился и на фоне белой рубашки висит двумя длинными хвостами. На исхудавшем лице с ввалившимися щеками видны следы усталости, даже измученности. Линию рта скрывают посеребренные седinouй небольшая борода и усы. Брови у переносицы, горестно сойдясь, собрали на лбу складки невеселых дум. Взгляд, обращенный к нам, кажется, полон грустной мольбы и надежды: «Поймите меня, люди!» Он выглядит шестидесятилетним, на самом деле ему едва за сорок.

На первой фотографии перед нами гимназист Александр Шаргей. На второй — инженер Юрий Кондратюк, один из гениев человечества. Правда, при жизни его так

не называли, слава пришла к нему через много лет после гибели, с началом космической эры, но все, что его прославило, он к тому времени, к которому относится снимок, уже совершил. Это его имя с благодарностью вспомнили американцы, осуществляя программу «Аполлон»,— ведь именно он первым подробно разработал вариант экспедиции на Луну через окололунную орбиту, доказав его удобство и экономичность. В программе «Аполлон» даже функции каждого космонавта оказались predeterminedены им почти за сорок лет до самого полета. Он стал автором книги «Завоевание межпланетных пространств» и других трудов по космонавтике и ракетной технике, в то время не опубликованных.

В промежутке времени между этими двумя фотографиями лежит целая жизнь. И какая!

Не ковровой дорожкой —

О которых ни в сказке сказать, прошедший сквозь годы такие,

Ты причислен посмертно к великим ученым России, ни пером написать,—

Не оплачут тебя, а прославят

русские небеса.

А Кухно

Узнать в седом мужчине юного гимназиста нелегко. Однажды, уже в начале семидесятых годов, это сходство было тщательнейшим образом изучено специальной экспертизой. И тождество Александра Игнатьевича Шаргея с Юрием Васильевичем Кондратюком было «установлено всеми современными методами следовательской работы». Взгляните еще раз на снимки.

Наш герой расстался со своим именем, отчеством, фамилией, изменил, сообразно новой «легенде», год и место своего рождения, до конца жизни скрывал свою настоящую биографию, но изменить столь же кардинально внешность он не смог, хотя повзрослел, отпустил усы и бородку. На всю жизнь он был отмечен природой не меняющейся деталью, ставшей его особой приметой,— формой ушей. Разумеется, экспертиза установила тождество и по другим приметам. Но первая, думаю, будет очевидна и вам.

После второго снимка у Юрия Васильевича Кондратюка (мы будем называть его так, как называли его в соответствующие периоды жизни) были последние годы, занятые сугубо земной деятельностью, фронт, гибель.

Тринадцать лет жизни, детства, омраченного потерей

матери и, по существу, окончившегося со смертью отца и поступлением в 3-й класс второй Полтавской мужской гимназии, условно можно назвать первым витком его жизни.

Затем следует второй — часть той главной жизни, что прошла между двумя щелчками затвора, запечатлевшими осиротевшего, впервые всерьез задумавшегося о будущей жизни гимназиста и заканчивающего свой земной путь мечтателя, указавшего человечеству путь в неизведанные глубины космоса. Второй виток его жизни — это определение для себя жизненной цели, дерзкая, неустанная работа мысли, принесшая первые плоды: решение грандиозных задач, которые по плечу лишь таким гениям, как Циолковский! Теперь он знает, что в его жизни есть Главное Дело, которое он должен сделать любой ценой... А жизнь пытается занять его другим, вкручивает в бурный водоворот событий. Миру, его Родине совсем не до полетов к Луне! Спасая себя и свое Дело, он совершает переломное событие в своей жизни — меняет имя, фамилию, биографию, обращает свое прошлое в тайну, начинает жить по «легенде». Эту тайну и эту легенду будут хранить он и его родные еще долгие-долгие годы и даже спустя десятилетия после его смерти...

Его третий виток судьбы — самый трудный во всех отношениях, трагический. Это жизнь под чужим именем, вплоть до гибели. Он вынужден опасаться встреч с теми, кто может его узнать, скрывается, уезжает далеко в Сибирь, но и там вынужден быть всегда настороже. Представьте себя в подобной жизненной ситуации, в роли, принятой навсегда в 24 года! Пронесенной через двадцатые и тридцатые годы, через арест и заключение в 1930 году, через 1937 год. Играть каждый день, каждую минуту, потому что раскрытие тайны — буквально смерти подобно. Издать гениальный труд и своими руками поставить на нем чужое имя. Заинтересовать собою крупнейших ученых и не иметь возможности написать им о себе правду. Да как же его хватило на все это?! Непредставимо... Но именно на этом витке судьбы он заставил «сработать» последнюю ступень в работе над Делом, и главный труд всей его жизни навсегда вышел на орбиту известности. Вообще-то, книга — вещь долговечная. Но время ее известности определяется ее ценностью. Труд Юрия Кондратюка стал книгой на века, века штурма космических пространств.

Кроме того, есть и четвертый виток его судьбы — его

жизнь после смерти, посмертная слава, посмертные признания — и замалчивания, публикации о нем — и их запреты, слухи и домыслы о его жизни, породившие настороженность ответственных за публикации лиц и чуть не перекрывшие все пути информации о нем вообще. Значит ли это, что на посмертном уже отрезке судьбы он продолжал для всех существовать под чужим именем? Нет, его мифическая тайна уже к 1970 году была раскрыта. Но сам миф в ту эпоху был удобнее правды.

И наконец, нынешняя его судьба — ее пятый по счету и, видимо, последний виток. Срастаются вместе и навсегда очищаются от шелухи вымысла и слухов куски его биографии, виток за витком, подобно изображенной на обложке его книги траектории разгона по спирали, раскручивается тугая и стремительная траектория его судьбы, ложась на точный и окончательный курс. Предаются гласности все без исключения этапы его жизни, все называется своими именами — и назван своим именем он сам. Мы отдавали дань признательности ему, но называли при этом чужое имя. Теперь столь же мощно зазвучит и его собственное. На весь мир.

Сегодня есть возможность без утомительной борьбы за каждое слово, обстоятельно и не торопясь осмыслить каждый из пяти витков траектории судьбы Александра Игнатьевича Шаргея, проследить хронику его жизни и даже — до некоторой степени — родословную.

КОНТУРЫ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ДРЕВА

У человека, столь тщательно скрывавшего свое прошлое и даже пустившего биографов по ложному пути «легенды», удалось выявить подлинных родителей. И не только их. Генеалогическое древо Александра Шаргея причудливо разрослось, но о многих его ветвях, к сожалению, мы знаем немного.

Начинать рассказ о великом человеке перечислением его родни, пожалуй, негоже. Читатель начнет скучать, проявлять нетерпение и рыскать взглядом по страницам в поисках сакраментального: «Он родился...» Ну, что ж.

Итак, он родился 21 июня (9 по старому стилю) 1897 года. Городом, где это произошло, была Полтава, а не Луцк, который указывал в анкетах Юрий Васильевич Кондратюк. Луцк соответствовал его «легенде». Впрочем, забудем пока и о «легенде», и о фамилии «Кондратюк» — все это будет еще не скоро.

Пока же есть Полтава, есть отец и мать — Игнатий Бенедиктович и Людмила Львовна Шаргей. У них родился сын, которого назвали Александром. Александр Игнатьевич Шаргей.

Девичья фамилия Людмилы Львовны редкая — Шлиппенбах. Стоит поставить рядом фамилию Шлиппенбах и место действия — Полтаву, как память начинает извлекать это сочетание «Полтава — Шлиппенбах» из чего-то очень знакомого... Ну, конечно, — из пушкинской «Полтавы»:

...Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлиппенбах...

И что же с ним стало, с «пылким Шлиппенбахом» — известным генералом шведского короля Карла XII? Петр Великий тут же в шатре на недавнем поле брани пирует, угощая при этом «своих вождей, вождей чужих»,

И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает...

Чтобы не отсылать читателей к первоисточнику, процитирую и то, что по-французски записал А. С. Пушкин в собственных примечаниях к поэме: «...Тогда, взяв стакан вина, он сказал: «За здоровье моих учителей в военном искусстве!» Реншильд спросил его, кого он почитил таким славным титулом. «Вас, господа шведские генералы», — ответил царь. «В таком случае, ваше величество, — сказал граф, — вы очень неблагодарны, раз так дурно обошлись со своими учителями».

В дальнейшем Петр обошелся со своими пленниками недурно. Шлиппенбах, сдавшийся под Полтавой, поступил на службу к русскому царю и стал тоже генералом, дворянином. Его многочисленное потомство записано в дворянских книгах Курляндской, Петербургской и Пензенской губерний. О роде Шлиппенбах можно прочитать в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона.

Являлась ли Людмила Львовна Шлиппенбах потомком этого датчанина, бывшего на службе у шведского короля Карла XII, а затем у русского царя Петра? Утверждать это с полной уверенностью не берусь, это лишь версия, вероятность которой, впрочем, довольно высока. Ведь корни ее фамилии явно тянутся издалека.

Жила Людмила Львовна до рождения сына в Киеве на Большой Васильковской улице, в доме № 109. Теперь — это улица Красноармейская, продолжение Крепчатика. В Киеве был в то время только один Лев Шлиппенбах — барон, полковник, чиновник по особым поручениям при киевском интендантстве. Лев Антонович Шлиппенбах, как рассказывают документы, обнаруженные в архивах, был в 1866 году награжден орденом Станислава II степени, а в 1868 ему присвоен чин полковника. По всей видимости, Лев Антонович — ее отец, дед нашего героя. Найдены сведения о его брате — бароне Павле Антоновиче Шлиппенбахе, бывшем капитане артиллерии. В книге Т. Г. Шевченко «Дневник. Автобиография. Автографы», выпущенной в 1972 году киевским издательством «Наукова думка», рассказывается о том, что П. А. Шлиппенбах после контузии в голову отличался большими странностями.

В Пензенском госархиве есть сведения о дворянине Антоне Андреевиче Шлиппенбахе (рождения около 1781 года). Он вышел в отставку в чине подполковника в 1819 году. Лев и Павел Антоновичи — его сыновья. Сопоставим эти данные с данными из «Энциклопедического словаря» о потомках «пылкого Шлиппенбаха». Пензенское происхождение, дворянское звание — все совпадает.

Что еще известно о матери героя?

В течение четырех лет, предшествовавших рождению сына, она преподавала французский язык и географию в Киево-Подольской женской гимназии, одном из учреждений ведомства императрицы Марии Александровны. Имела ли она высшее образование, или ее знания получены путем классического дворянского воспитания — неизвестно. Гимназия находилась на Подоле по адресу: Покровская улица, дом № 4, а канцелярия ее располагалась при Фундуклеевской гимназии. Где познакомилась Людмила Львовна со студентом Киевского университета св. Владимира Игнатием Шаргеем, при каких обстоятельствах — также остается невыясненным. 12 января 1897 года, очевидно по настоянию невесты, Игнатий Бенедиктович Шаргей принял крещение в киевском Софийском соборе. В том же месяце состоялась свадьба. А в июне родился их сын Александр.

Здесь самое время рассказать об отце. Игнатий Бенедиктович Шаргей родился 25 марта (по старому стилю) 1873 года в городе Бердичеве, в еврейской семье. Его отец — дед нашего героя, наделивший его необыч-

ной фамилией. — Бендыт Срулевич Шаргей — был родом из местечка Кронтингена Тельзского уезда Ковенской губернии — ныне это Кретинга Литовской ССР, неподалеку от Паланги. Видимо, «Бенедиктовичем» Игнатий Шаргей стал после крещения. Фамилия «Шаргей» — арамейского происхождения, это слово в иврите имеет синоним «меер» и в переводе означает «светоч». Как нельзя лучше оправдывает впоследствии значение своей фамилии Александр Игнатьевич Шаргей, но это будет потом, как раз в ту половину его жизни, когда он будет вынужден скрывать настоящую свою фамилию.

Мать Игнатия Бенедиктовича звали Фридриха Айзиковна, ее фамилия в девичестве — Розенфельд, по первому браку — Шаргей. Бендыт Срулевич рано скончался, оставив на ее руках двух маленьких сыновей и почти без средств к существованию. Один из сыновей, Александр, скончался еще в детстве — в его честь она потом назвала двух своих внуков, одним из которых был наш герой. Другой ее сын, Игнатий, вместе с ней позднее обрел новую семью в доме отчима Акима Никитича Даценко, земского врача. Выходя замуж за Акима Никитича, бабушка героя приняла крещение и новое имя — Екатерина Кирилловна. К ней мы еще вернемся на страницах этой книги. Пока же скажем, что она сделала все, чтобы дать хорошее образование сыну.

В 1891 году Игнатий Шаргей окончил Полтавскую гимназию и в августе следующего года был принят в Киевский университет на естественно-историческое отделение физико-математического факультета. В документах, сохранившихся до наших дней, сказано, что он посещал лекции в течение трех лет, то есть шести семестров, «из которых три семестра были ему засчитаны». 3 июня 1895 года он оставил университет, а в августе того же года «на основании разрешения господина попечителя Киевского учебного округа» был снова принят, но теперь уже на другое отделение — математическое. Почему для этого потребовалось разрешение попечителя учебного округа? Без него университетское начальство не решало таких вопросов лишь в том случае, если студент считался политически неблагонадежным. Очевидно, здесь был именно такой случай.хлопотами отчима, Акима Никитича Даценко, занимавшего в то время солидное служебное положение и имевшего обширные связи, дело было замято, и Игнатию Шаргею позднее даже выдали свидетельство, в котором говорилось о его «отличном поведении» в стенах университета.

4 марта 1897 года полиция разогнала в Петербурге собравшихся на площади у Казанского собора на панихиду по трагически погибшей в Петропавловской крепости народоволке Марии Ветровой. В знак протеста против тюремного режима она сожгла себя. Панихида вылилась в грозную демонстрацию протеста. В марте того же года «ветровская» демонстрация состоялась и в Киеве. Ее зачинщиками стали студенты. Полиция арестовала многих демонстрантов, в их число попала и Людмила Львовна Шаргей, вместе с мужем участвовавшая в демонстрации. В то время она уже ожидала ребенка. Игнатия, оттесненного в давке от жены, арест миновал. Людмилу Львовну вскоре отпустили, но нервное потрясение, связанное с этим арестом, впоследствии вылилось в психическое заболевание.

Весной того же года Игнатий Шаргей отвез жену, которой предстояли роды, в Полтаву к своей матери, так как Екатерина Кирилловна была образованной и опытной акушеркой.

БАБУШКА

И великие люди рождаются совсем маленькими. Добрые руки Екатерины Кирилловны умело приняли крохотное тельце. Младенец, криком оповестивший мир о своем появлении, оказался мальчиком, и это было привычно — у самой Екатерины Кирилловны были только сыновья, и во втором браке есть сын — Владимир, ему уже 14 лет, вместе с другими мужчинами он с нетерпением ожидает в соседней комнате — шутка ли, ему уже предстоит стать дядей!

Наконец, им показали новорожденного. В просторной гостиной собралось все семейство: Екатерина Кирилловна с мужем Акимом Никитичем, их сын Владимир и Игнатий Шаргей. Осторожно разглядывали малыша, обсуждали его сходство с родными, дивились точной резьбе его прижатых к головке ушек — им еще предстояло сыграть свою роль в далеком будущем. Бабушка попросила назвать мальчика Александром, в честь своего сына и родного брата Игнатия, так рано ушедшего из жизни. Имя все одобрили. Тут же на семейном совете решили, что, пока маленький Саша не подрастет, Людмила Львовна будет жить у них, а Игнатий пусть приезжает на каникулы — места в трехкомнатной квартире хватит всем.

Дом Акима Никитича Даценко — «собственный дом», как указывалось в полтавских «Адрес-календарях», — находился на Сретенской (ныне Комсомольской) улице. Здесь, в этом доме № 4, родился Александр Шаргей, здесь прошел его детские годы. Дом находился в глупине усадьбы. К высокому крыльцу от калитки шла дорожка через фруктовый сад, мимо цветочных клумб, красиво ограниченных беленым кирпичом, на которых младший Даценко выращивал розы и другие цветы, мимо сторожки и флигеля. В доме была обширная веранда, столовая-кабинет, гостиная и спальня. Дом этот сохранился, но после перепланировки бывшая квартира Даценко разделена на две, веранда переделана в дополнительную комнату. Комнаты и прежде были небольшие, но бабушка умела с комфортом устроить в них немалое число жильцов.

Екатерина Кирилловна вела хозяйство, следила за тем, чтобы в доме была и духовная пища, и чтобы ее потребляли, принимала гостей, ухаживала за внуком, воспитывала сына...

Она была старше мужа на 10 лет, Акиму Никитичу было 26, а ей 36, когда они поженились. В Полтаве она оказалась, видимо, не случайно. Вынужденная после смерти первого мужа зарабатывать на жизнь себе и своим малолетним сыновьям, бабушка, обладая волевым характером, не только работала, но и сумела получить медицинское образование. И все же без опоры в жизни ей было тяжело. Ударом для нее была и смерть малолетнего сына Саши. Все это, вероятно, и прибило ее к порогу родительского дома в Полтаве, где жил ее отец Айзик Розенфельд — владелец крохотного кустарного предприятия, делающего сальные свечи. Второе замужество отдалило ее от родных. Быть может, приняв христианство, бабушка разорвала отношения со своими родными, во всяком случае — никаких родственных отношений она ни с кем не поддерживала.

Сохранились две ее фотографии. На одной она — молода, привлекательна, даже красива: большие глаза, правильные черты лица, блестящие темные волосы. Она имела огромные косы, длиной почти до пят, требующие много времени для ухода за ними. После кончины первого мужа бабушка решительно отрезала косы и остриглась накоротко, но спустя некоторое время волосы отросли до прежней длины. Второй снимок с Акимом Никитичем и тринадцатилетним Сашей Шаргеем, запечатлел уже стареющую, но полную достоинства женщину,

в которой чувствуется и воля, и решительность, и ум, и, вероятно, властность.

Кроме фотографий в семейном архиве от бабушки осталась ее переписка. Здесь есть две любопытные открытки. Одна, по-видимому, написанная самой бабушкой, адресована некоему господину Пинскеру в город Кобург, в Германию. На другой знакомая бабушки спрашивает: не собирается ли она еще раз приехать в Кобург, из чего видно, что Екатерина Кирилловна там бывала. У кого?

В Кобурге у нее жил брат, по-видимому, не родной. Он занимался коммерцией, по торговым делам был связан с русской фирмой фарфоровых изделий Кузнецова. Позднее, после его смерти, бабушка, очевидно оставшаяся единственной его родственницей, получила из Германии урну с прахом брата. Было ли у него завещание, или бабушку разыскали его друзья — во всяком случае, ничего, кроме этой урны, в наследство от брата она не получила. Черного мрамора со светлыми прожилками урна стояла на особом постаменте в гостиной и с портрета на ней смотрел какой-то важный мужчина, внизу по-немецки было написано его имя «Адольф Генрихович Пинскер». Дети боялись, особенно вечером, ходить мимо. То ли во время переездов, то ли в период немецкой оккупации эта урна вместе с другими семейными реликвиями куда-то пропала.

В первые же каникулы после рождения сына Игнатий Шаргей приехал домой озабоченный. Университет он посетил еще раз лишь затем, чтобы взять справку и свидетельство о пребывании там. Она была выдана 18 августа 1898 года за подписью ректора. Сохранился этот документ в переводе на немецкий язык. Перевод и юридическое заверение его правильности сделаны в Берлине 2 октября 1898 года. Что заставило его, оставив молодую жену с годовалым сыном, уехать за границу? Все то же обстоятельство, из-за которого его уже исключали однажды из университета. Ярлык «политически неблагонадежного» не позволил ему завершить образование, да и просто оставаться на родине было опасно. Возрастал общий накал революционной борьбы, усилилось и студенческое движение, правительство закрывало беспокойные университеты, десятками и сотнями отправляло студентов в тюрьмы, а самых непокорных отдавало в солдаты.

В Киеве шли аресты. Здесь работала одна из самых

сильных организаций социал-демократов, имеющая два центра: интеллигентский и рабочий. Именно Киевская организация сыграла выдающуюся роль в созыве первого съезда РСДРП. Летом 1896 года Н. К. Крупская выехала из Петербурга для связи Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса с киевскими товарищами. Встреча произошла в Полтаве, где с Надеждой Константиновной беседовали Тучапский, Саммер, Румянцев. Было достигнуто соглашение об издании общей газеты и о созыве Всероссийского съезда социал-демократов. Весною 1897 года была предпринята первая попытка созвать съезд в Киеве. Она не удалась. Первый съезд, на котором была создана партия, состоялся в 1898 году в Минске. От Киевского «Союза борьбы» в нем участвовал П. Л. Тучапский. Его жене Вере Григорьевне Тучапской суждено было сыграть важную роль в жизни Александра Игнатьевича Шаргея. Но мы опять забегаем вперед.

Вернемся к роли Екатерины Кирилловны Даценко в судьбе своего сына, Игнатия Шаргея. Выезд его в Германию, по-видимому, осуществлен в расчете на помощь и поддержку ее брата. Не для того ли она, порвавшая былые связи, все же ездил в Кобург? Чем занимался в первые годы жизни в Германии Игнатий Бенедиктович — установить не удалось. Известно лишь, что в 1905 году он попросил очередную справку-свидетельство с места учебы. Она датирована 9 января 1905 года и удостоверяет, что «господин Игнац Шаргей... состоял в списке студентов с осени 1901 года до осени 1902 года... как студент электротехнического отделения великогерцогской Высшей технической школы в Дармштадте». Ездили ли к нему жена с малолетним сыном? Скорей всего — нет. Известно, что материально она тогда полностью зависела от семьи Даценко, на лето выезжала с сыном к подруге в город Смелу. Пытаясь чем-то заняться в свободное от воспитания Саши время, Людмила Львовна увлеклась переводами. Уже перед войной в 1940 году на чердаке даценковского дома обнаружили незаконченный перевод «Трактата о любви» мадам де Сталь. Психическое заболевание, обрушившееся на мать Саши, сделало невозможным ее пребывание в доме с маленьким ребенком, поэтому ее госпитализировали. Лечению болезнь Людмилы Львовны не поддавалась, и, хотя она прожила еще довольно долго, остаток ее жизни прошел в колонии для душев-

нобольных близ села Малые Будищи Полтавской губернии.

Так бабушке пришлось заменить маленькому внуку мать.

«НЕРОДНОЙ ДЕДУШКА»

Отец был далеко, смутные воспоминания о матери — то счастливые, то страшные — приходили все реже. Между тем, мальчик подрастал. Рядом с ним выросл, превращаясь в настоящего «дядю», Владимир Акимович, старели и два человека, заменившие ему родителей, — бабушка Екатерина Кирилловна и Аким Никитич, о котором позже в одной из автобиографических записей он упомянет, что его воспитывал «неродной дедушка». Запись эта — лишь констатация их «юридических» отношений. К внуку Аким Никитич относился с большой теплотой. И позднее, когда Владимир Акимович женился и в доме появился еще один, уже родной, внук Акима Никитича, также названный Сашей, он продолжал относиться к обоим тепло и одинаково требовательно.

По происхождению Аким Никитич был крестьянин и его рассказы о себе поражали мальчиков. Это были уроки нравственности, мужества, упорства в достижении желаемой цели. С отличием окончив деревенскую начальную школу, он как отличник был направлен в гимназию. Село, где он родился, было в Полтавской губернии, очевидно, и гимназию он окончил в Полтаве. Затем твердо решил поступить в университет на медицинский факультет. Денег не было — ни на билет до ближайшего университетского города, ни на жизнь там во время учения. Аким Никитич отправился в путь пешком. Он шел из Полтавы в Одессу, шагая босиком по проселкам. Сапоги были, но, подобно большинству деревенских парней того времени, Аким Никитич бегал их пуще ног — они покачивались за его спиной на палке с котомкой. Лишь на окраине города он обулся — идти босиком до самого университета не решился.

В Одессе Аким Никитич жил впроголодь, питался лишь хлебом и арбузами, благо последние были там очень дешевы. Его красочные рассказы о том, как он голодал в студенческие годы, повторялись в разное время со все новыми подробностями. Однажды, слушая деда, его пятилетний внук Саша Даценко воскликнул:

обращаясь к отцу: «Папа! Что ж мы дедушку к себе не взяли!...»

Переведясь затем в Киевский университет, Аким Никитич окончил его с отличием и получил звание лекаря. До 1894 года работал земским врачом, практиковал и позднее, но с этого года в его жизни и карьере произошла крутая перемена — он оставляет врачебную деятельность и становится чиновником в Министерстве финансов, начальником III-го отделения казенной палаты. В августе 1894 года его переводят в Варшавскую казенную палату чиновником особых поручений, с февраля следующего года назначен податным инспектором Кременчугского уезда, а с июня — начальником III-го отделения Полтавской казенной палаты. Чем вызвано подобное изменение в жизни? Врачом он был незаурядным, имел научные труды, публикации по медицинским проблемам. Возможно, столь решительный шаг Акима Никитича связан с какими-то его переживаниями, быть может, — трагическими событиями в практике, усталостью, разочарованием в своей работе.

Как чиновник Аким Никитич Даценко быстро продвигался вверх по служебной лестнице и вскоре занял весьма солидное положение. С 1899 года он имел «за выслугу лет» чин статского советника, в торжественных случаях должен был надевать шпагу и треуголку, к полному восхищению внуков.

Человек волевой и способный, Аким Никитич Даценко на всех поприщах добивался успеха. Его духовная жизнь резко отличалась от обычной в чиновничьей, обывательской среде. Он занимался большой общественной деятельностью, состоял секретарем полтавского отделения Общества попечительства императрицы Марии Александровны о слепых. Живо интересовался всем происходящим в городе, в стране, в мире. Тесная дружба связывала Акима Никитича с Афанасием Яковлевичем Рудченко — писателем Панасом Мирным. Афанасий Яковлевич был его коллегой по службе — начальником I-го отделения казенной палаты, в то время как Даценко был начальником III-го. Почти ежедневно А. Я. Рудченко приходил в дом Даценко к вечернему чаю — поговорить, обсудить книгу, событие. В кабинете Акима Никитича стояли на полках книги Панаса Мирного с его дружескими автографами и среди них русское и женевское издание романа «Пропащая сила».

Время вечернего чая — около 6 часов вечера — было тогда у полтавской интеллигенции чем-то вроде ча-

са неделовых встреч, своеобразными «клубными» вечерами. Можно было зайти друг к другу без приглашения, попить чай и поговорить. Нередко сам Аким Никитич — один или с Афанасием Яковлевичем — отправлялся на Малую Садовую улицу, где жил другой известный писатель, почетный академик Петербургской Академии наук и, быть может, самый уважаемый в Полтаве человек — Владимир Галактионович Короленко.

Дружба с выдающимися писателями, авторами острых произведений, обличающих пороки своего времени, не могла не сказаться на мировоззрении самого Акима Никитича. Во многом она определила и духовный уровень разговоров за вечерним чаем, к которым, подрастая, прислушивался и Саша Шаргей.

Когда бабушка, Екатерина Кирилловна, заболела — а она болела долго и тяжело, практически передвигалась только в кресле-каталке, — все заботы о ее внуке легли на Акима Никитича. Он не роптал на судьбу, был со всеми ровен, добр, относился к Саше внимательно, с уважением, и мальчик платил ему тем же

ПОЛТАВСКИЕ ЗОРИ

Его первые воспоминания, еще отрывочные, смутные связаны с матерью. Ее ласковые руки, ее голос, рассказывающий на ночь сказки... Летом его укладывали спать в саду, и, засыпая, он смотрел в черное южное небо, усыпанное яркими звездами, слушал негромкий голос матери, звезды и сказочные сюжеты одинаково волновали его фантазию.

Когда мать поместили в больницу, под огромным звездным куполом он почувствовал себя совсем одиноким. Домашние понимали это, старались уделять ему больше внимания. Иногда на заре его будил Володя, и они собирались на Ворсклу рыбачить. Запасались удочками, червями, которых набирали заранее, сачками. Мелких рыбок, пойманных сачком, приносили домой и пускали в аквариум, которым увлекался Володя. Рыбачили до тех пор, пока солнце не начинало припекать, потом купались, Володя учил Сашу плавать.

Аким Никитич, обратив внимание, что пятилетний Саша с интересом разглядывает в кабинете его бумаги со столбцами цифр, начал обучать внука счету, показывать буквы. Обучение продолжил Володя, и вскоре Саша умел уже бегло читать и считать, удивляя домашних довольно сложным счетом в уме, который произ-

водил очень быстро. Вскоре он самостоятельно читал книги из даценковской библиотеки, сам читал, пытаясь разобрать почерк, письма и открытки отца из Германии. Пытался представить его по фотографиям, на которых был изображен худощавый и пышноволосый молодой человек, задумывался о его жизни в далекой стране, где отец учился в Высшей технической школе, как писал. Мальчик мечтал скорее вырасти и тоже заняться техникой, быть во всем похожим на отца. Он просил деда найти в библиотеке что-нибудь «про технику», уединялся с книгой в саду, а потом часами что-то мастерил из палочек и проволоки.

Вечерами, после чая, дедушку просили завести граммофон. Саша любил слушать пластинки, которых в доме было немного, но это было со вкусом подобранное собрание. Обычно прослушивали все пластинки, некоторые, особенно нравившиеся, Саша просил повторить. Среди них была украинская песня: «Ворскла-ричка невеличка, тече здавна, дуже славно, не водою, а виїною, де швед полиг головою...» Саша представлял гром пушек и дым сражения над Ворсклой, но речка для него прочно ассоциировалась с тихими зорями, плеском воды, серебристыми рыбками, заплывающими в сачок. А война — это что-то очень далекое, от чего осталась только эта песня и высокая круглая колонна у входа в Корпусный сад, у которой любила гулять с ним мать и к которой он сам приходил с мальчишками, став постарше. На колонне сидел с распростертыми крыльями бронзовый орел, держащий в клюве лавровый венок, а в когтях — стрелы. Вместе с другими мальчишками Саша забирался на стволы встроенных в постамент пушек. Сидеть на них было весело и нестрашно, зная, что они никогда уже не выстрелят. Интересно, докуда долетел бы отсюда снаряд, если бы пушка была действующей, спорили мальчишки. Саша про себя решил обязательно прочитать где-нибудь про это или спросить в письме отца, он знает, наверное. Стрелы в клюве орла, как и вложенные в ножны мечи, из которых была сделана ограда вокруг памятника, его не интересовали — допотопная техника.

И еще его очень интересовал сам граммофон. Он менял иголки, крутил ручку, пытаясь на слух определить, в какой момент пластинка начинает крутиться медленнее, чем это необходимо. Однажды, когда граммофон сломался, Володя вскрыл его и на град Сашиных вопросов едва успевал отвечать: «Это — пружина, это —

муфта, это — шестеренчатая передача, она устроена так-то и так-то...» — «А нельзя ли сделать вместо пружины что-нибудь такое, чтобы завод никогда не кончался?» — «Нельзя, — терпеливо отвечал Володя, — вечных двигателей не бывает». И начал рассказывать, чертя на листке, какие типы вечных двигателей пытались построить человечество. Потом ему это наскучило, или он не мог вспомнить подробности, и тогда он попросту дал Саше свой старый гимназический учебник физики, ткнув в соответствующее место и добавив, что вряд ли Саша что-нибудь там поймет.

Но Саша прочитал и эту главку, и другие, и начал читать учебник сначала. Что же Володя говорит, что ему будет непонятно?! Это же все очень понятно и интересно!

С улицы Саша теперь нередко приходил, нагруженный очередной добычей: железками, проволокой, винтами. В сторожке усадьбы обнаружил давно уже сломанные и ненужные часы, а в соседском чулане откопал целое сокровище: сломанный насос для подачи воды, резиновые шланги, колеса, приводные ремни, подшипники. Теперь часами он что-то увлеченно мастерил, за едой был задумчив, мысли его где-то витали.

Нет, нельзя сказать, что он был нелюдим, что его совершенно не интересовали обычные детские игры и шалости. Он носился со сверстниками за футбольным мячом, и, когда это происходило у них во дворе, все нередко кончалось нагоняем от бабушки за разбитое стекло. Охотно участвовал и в других детских играх, рос крепким, подвижным. Но увлечение техникой не проходило, а наоборот — все усиливалось.

«ВЕЧНЫЙ СТУДЕНТ»

Володя Даценко учился в Москве на юридическом факультете Московского университета, у родных бывал лишь летом. Но, окончив университет, вернулся в Полтаву — и не один, с молодой женой. Худенькая стройная блондинка, Александра Даценко, в девичестве Фомина, вышла за него замуж, едва окончив гимназию. Поженились они в 1903 году, первые два года жили в Москве. Потом, после революционных событий 1905 года, в которых оба участвовали, Владимир Акимович был арестован и сидел в одиночке в Бутырской тюрьме, а Александра Александровна, из-за беременности избежавшая заключения, была выслана в Полтаву под

гласный надзор полиции. Сюда же после освобождения из тюрьмы приехал и Владимир Акимович. В марте 1906 года у них родился сын, которого назвали тоже Александром. Так в доме на Сретенской, 4, стало два Александра и одна Александра Александровна. Мальчиков звали с тех пор «Саша большой» и «Саша маленький».

А летом пришло письмо от Игнатия Бенедиктовича — отец сообщал, что возвращается в Россию, заключил контракт с какой-то частной немецкой фирмой и будет работать в ее статистическом учреждении в Петербурге.

Девятилетний мальчик с волнением ждал приезда отца. Каким он окажется? Ведь Саша Шаргей совсем не помнил его, а по редким письмам составить представление об отце было трудно.

Отец появился вскоре после получения от него письма уже из Петербурга, где сообщал о том, что у него все хорошо, работает, снял комнату неподалеку от места службы. За вечерним чаем Игнатий Бенедиктович отослал сына в сад, а сам подробно и долго расспрашивал Акима Никитича о состоянии своей жены, Людмилы Львовны. Наутро они поехали навестить ее, были там долго, отец вернулся мрачный и, как показалось Саше, заплаканный. Аким Никитич заверил его, что все, что в его силах будет возможно сделать для облегчения участи Людмилы Львовны, он сделает. Как врач, он понимал, что болезнь ее неизлечима, но сделал все, чтобы ее исследовали все светила психиатрии. Они подтвердили диагноз. Навещали ли Людмилу Львовну ее киевские родственники — неизвестно. Во всяком случае, они не стали переводить ее из окрестностей Полтавы в Киев, видимо, положившись на наблюдение Акима Никитича, который взвалил на себя и этот нелегкий долг.

Подолгу беседовал о чем-то Игнатий Бенедиктович с Владимиром Акимовичем. История женитьбы В. А. Даченко и рождения его сына живо напомнила ему собственную. Интересовался он и причинами, по которым выбрал Владимир Акимович юридическое поприще.

Аким Никитич предложил Игнатию остаться у них — места хватит, Владимиру Акимовичу с семьей сняли квартиру на той же, Сретенской, улице, только в противоположном конце, «за греблей». Но Игнатий Бенедиктович отказался — его ждет работа, к тому же он намерен продолжить образование в Петербурге. Сына

он решил взять с собой, чему Саша несказанно обрадовался — поехать с отцом в большой город, в столицу России, о которой столько читал и слышал!

С отцом у него быстро сложились замечательные отношения. Вначале, в первые дни, Саша немного стеснялся отца, присматривался к нему. К подаркам из Германии остался равнодушен — он не ребенок, чтобы радоваться этим безделушкам. Вот Владимиру Акимовичу достался хороший подарок — фотоаппарат, но ему Саша не завидовал — пусть себе щелкает! Отцу ему стало до слез жалко, когда тот вернулся из Малы Будниц с виноватым, погрустневшим, заплаканным лицом, молча обнял мальчика и долго сидел, не зажигая лампы, в сумерках, крепко стиснув сына в объятиях и отворачивая от него лицо.

Потом Саша, осмелев, стал демонстрировать ему свои «изобретения»: самодвижущийся пароход, мельницу, паровоз... Игнатий Бенедиктович дивился, с интересом приглядывался к сыну, неумело ласкал его, давал дельные советы. Вот уж не ожидал он, что ему придется вспоминать то, чему учился в Германии. И все для того, чтобы разобраться в идеях, овладевших душой девятилетнего ребенка!

В Петербург они уехали вдвоем. На полтавском вокзале их провожали Аким Никитич и Владимир Акимович, несший тяжелый немецкий чемодан, на три четверти заполненный книгами.

О петербургском житье-бытье Шаргеев известно не многое. Отец работал, мальчик в течение дня был часто предоставлен самому себе, но скучать он не умел: жадно читал недоступные в Полтаве книги, мастерил, в свободное время гулял с отцом по городу, делился с ним своими «изобретательскими» идеями, и отец, как мог, ему помогал. Столовались они у друзей. В том же, 1906, году отец познакомил Сашу со своей сослуживицей Еленой Петровной. Их, по-видимому, связывала не только служба в одной фирме, но и взаимный интерес друг к другу, который затем перешел в серьезное чувство. К мальчику Елена Петровна отнеслась ласково, у них завязались дружеские отношения. Теперь она часто приходила к Шаргеев, старалась развлечь Сашу различными играми — на сообразительность, на память, водила его на каток, учила кататься на коньках.

В августе 1907 года Игнатий Бенедиктович держал

экзамены на первый курс юридического факультета Петербургского университета и был принят. Его «юридический занос» продолжался ровно два года — в августе 1909 года он подает прошение с такой просьбой: «разрешить перевестись на первый семестр физико-математического факультета» — и вновь, уже в 36 лет, становится первокурсником.

В том же, 1909, году Игнатий Бенедиктович и Елена Петровна поженились, но, поскольку его брак с Людмилой Львовной не был еще расторгнут, официальной регистрации брака не было. Елена Петровна ожидала ребенка, когда внезапно Игнатий Бенедиктович тяжело заболел. Когда 27 февраля 1910 года родилась их дочь, Нина Игнатьевна Шаргей, ее с Сашей отец был приговорен врачами: «безнадежен».

Со смертельно больным мужем и крохотной дочкой (Саша был отправлен в Полтаву раньше) Елена Петровна приехала к Акиму Никитичу и Екатерине Кирилловне. Едва успели взять разрешение на развод (Людмила Львовна была еще жива и по-прежнему неизлечима) и оформить брак официально, как Игнатия Бенедиктовича не стало.

В «выписке из книги смертей за 1910 год», выданной родственникам в 1919 году, указано, что скончался он «от нефмохизы, осложнившейся гнилостным заражением крови».

Чтобы дать родившейся за 4 месяца до его смерти дочери отчество и фамилию отца, потребовались свидетельские показания, среди которых главными оказались показания Екатерины Кирилловны, признавшей Нину дочерью своего сына.

Игнатий Бенедиктович Шаргей был похоронен в Полтаве. Сохранился фотоснимок его могилы с памятником на ней, но сама могила затеряна, так как это старое кладбище ныне не существует.

В университете о его смерти, видимо, не знали, осенью в его деле появилась последняя запись: «Уволен за невнос платы». Тридцатисемилетний «вечный студент» ушел из жизни, так и не найдя себе в ней достойного места и поприща.

ГИМНАЗИЯ

Похоронив мужа, Елена Петровна с четырехмесячной Ниной вернулась в Петербург и поселилась у своей матери. Саша снова остался у бабушки с бабушкой — так было решено на семейном совете.

Смерть отца сделала тринадцатилетнего мальчика практически круглым сиротой — при еще живой матери. Правда, Елена Петровна звала пасынка с собой, со слезами прощалась с ним, но он понимал, что ей чуждо будет сейчас нелегко. Остаток лета он провел в усиленной подготовке по всему курсу начальной школы: осенью предстояло начать новую жизнь. В августе он прошел испытания и был зачислен в 3-й класс второй Полтавской мужской гимназии. Учился легко и с увлечением, особенно легко давались ему точные науки. По свидетельству бывшего учителя гимназии В. С. Оголевца — его успехи в этих науках объяснялись удивительными способностями.

Положение первого ученика — не самое выгодное в отношениях со сверстниками. «Школяров» и «зубрилок» не любят. А Саша, кроме обязательного школьного курса, жадно глотал попадавшие ему университетские учебники, научные статьи, книги, технические описания, философские труды... Перечень его упорных поисков себя в гимназические годы поражает, когда читаешь его позднее написанное, в 1929 году, письмо профессор Н. А. Рынину²:

«К этому времени мой научный и технический багаж состоял: незаконченное среднее образование плюс несколько несистематические дополнения, сделанные самостоятельно в сторону высшей математики, физики, общетеоретических основ техники со склонностью изобретательству и самостоятельным исследованиям более чем детальному изучению уже найденного и открытого.

Мною были «изобретены»: водяная турбина типа колеса Пельтона, взамен мельничных водяных колес считавшихся мною единственными водяными двигателями; гусеничный автомобиль для езды по мягким сыпучим грунтам; беспружинные центробежные рессоры, пневматические рессоры; автомобиль для езды по неровной местности; вакуум-насос особой конструкции; барометр; часы с длительным заводом; электрическая машина переменного тока высокой мощности; парортутная турбина и многое другое, вещи частью технически совершенно непрактичные, частью уже известные, частью и новые, заслуживающие дальнейшей разработки и осуществления. В математике — упорные исследования по геометрической аксиоматике (преимущественно постулату параллельных), «открытие» основных формул теории конечных разностей, некоторые неразвитые

однако, далее обобщения теории конечных разностей и анализа, и много менее значительных вещей, почти сплошь являвшихся открытием ранее известного. В химии и технике — основные элементарные представления. В физике — упорное стремление опровергнуть второй принцип термодинамики (характерно, что это, кажется, общая черта с К. Э. Циолковским³) — и даже в философии попытки построения логических систем, закончившиеся вместе с 99/100-ми самого интереса к философии «открытием» тяжело воспринятого принципа детерминизма».

Как сейчас выражаются его одноклассники, — не слабо, да?

Что же до его сверстников в то время, то мы можем лишь догадываться об отношении в классе и вообще в ребячьей среде к подобному вундеркинду. Позволю себе предположить, что некоторая отрешенность Саши Шаргея, его вошедшая в привычку сосредоточенность на собственной работе мысли, ставшая источником недоумений и веселых пересудов рассеянность, — тоже не способствовали дружбе на равных с одноклассниками.

О его рассеянности стоит сказать отдельно.

Честно говоря, когда услышал о ней впервые от людей, знавших взрослого Ю. В. Кондратюка, я вежливо улыбнулся и не поверил. Рассеянность ученых давно стала банальностью, вроде рассказов о профессоре, вежливо снимающем калоши перед входом в трамвай и оставляющем их на остановке. Милые старомодные анекдоты, в действительность которых сейчас верится с трудом! Но согласитесь, что не могли же договориться между собой совершенно не знающие друг друга люди — и те, кто знал гимназиста Сашу Шаргея, и те, кто знал его же как совершенно другого человека — Юрия Кондратюка! Можно привести многочисленные свидетельства поразительной рассеянности в поведении и того, и другого.

Но мы сейчас говорим о гимназисте Александре Шаргее. Поэтому не будем касаться поздних случаев, скажем о них в свое время. А пока я делаю это предупреждение для того, чтобы читатель не усмехнулся скептически, подобно мне самому. Итак, вот что вспоминают самые различные люди о гимназисте Шаргее.

Он мог, задумавшись, съесть за столом все печенье из вазы, предназначенное для коллективного чаепития. Мог есть щи с мороженым, если ему подсовывали их одновременно, не замечая несообразности этого.

Неподалеку от даценковского дома, на Сретенской, проходя мимо дома Носовых, где были окна со ставнями, при своем высоком росте он, задевая головой, закрывал ставни и шел дальше, совершенно не замечая этого. Носовы несколько раз жаловались на это Акиму Никитичу, но все было безрезультатно: дедушка просил Сашу быть внимательнее, тот обещал, но вскоре все опять повторялось, так что в конце концов все махнуло рукой.

Но ведь это больно — головой, как же он не замечал? — как и я тогда, наверное, подумаете вы. Ну тут не удержусь и добавлю сюда же более поздний пример. В тридцатых годах он приехал в Полтаву и зашел в дом Владимира Акимовича Даценко на Сретенской, 11. Мария Ивановна, вторая жена Владимира Акимовича, в момент появления гостя стряпала. Она вынула из духовки горячий пирог и положила его на стул. Войдя, гость тотчас уселся именно на этот стул и стал беседовать с ней. Дело, конечно, не в том, что он сел на пирог, а в том, что, сидя на пироге (горячем!), во время всего разговора даже не заметил этого!

Рассеянность Саши Шаргея стала в семье Даценко предметом веселых шуток и воспоминаний о самых курьезных случаях. Сам Саша ценил тонкий юмор, как ламбуры, шутки и веселился вместе со всеми. «Странность», «чуждаковатость», «рассеянность» и позднее фигурировали во всех без исключения воспоминаниях о нем.

Было бы, однако, несправедливо не рассказать и о других примечательных чертах Сашиного характера, выработавшихся еще тогда, в гимназические годы, о привычках, привнесенных затем во взрослую его жизнь. «Специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя», — этот афоризм К. Пруткова не относится к Александру Шаргею. Увлекаясь точными науками и техникой, он развивался на редкость гармонично, читал художественную и философскую литературу, с раннего возраста и на всю жизнь полюбил поэзию, музыку, театр.

Рано осознав свое призвание, Александр Шаргей проявил поразительную целеустремленность, твердо выделив Главное Дело, которому посвятил всю жизнь. Быть может, его подхлестывал опыт всей жизни его отца, так и не определившего свое призвание.

Целеустремленные поиски себя сочетались с огромным упорством, фантастической работоспособностью, которые, будучи помноженными на незаурядный ум и

талант, привели к блестящим результатам и вывели гимназиста Шаргея на старт еще неизвестного человечеству пути — пути в космос.

«С шестнадцатилетнего возраста,— с тех пор, как я определил осуществимость вылета с Земли,— достижение этого стало целью моей жизни»,— писал он впоследствии К. Э. Циолковскому.

Юноша сознавал, что это нелегкая задача, которая потребует немало сил, умственного напряжения и, быть может, многих лет жизни. Для этого ему приходилось думать и о том, чтобы быть всегда «в форме». Где-то он прочитал или услышал, что активной работе мозга способствует сахар — и стал принципиальным сладкоежкой, постоянно носил в карманах конфеты, ел сладкое в больших количествах, любил тонизирующий и прогоняющий дремоту крепкий чай. Еще одна странность, которую приписывали его любви к спартанскому образу жизни: он прочитал, что тело и мозг наилучшим способом отдыхают, если спать нагим в хорошо греющей постели. С тех пор он спал только в теплом спальном мешке, забираясь в него раздетым донага.

Он знал толк в отдыхе, ценил тишину и слияние с природой, но в такие минуты необходимо было отключать свой мозг от утомительной, ежеминутной, напряженной работы. Предпочитал ходить на природу не в одиночку — с Сашей маленьким (Александром Владимировичем Даценко), с Владимиром Акимовичем уходили на Ворсклу — Саша греб, сидя на веслах, Саша маленький с удовольствием катался в лодке с двоюродным братом, Владимир Акимович разбирался с провиантом — чаще всего на прогулку брали спелейший арбуз, который с аппетитом съедали потом, а пока, чтобы охладить, спускали в воду за корму, и он плыл на буксире.

Съедали арбуз уже на берегу, предварительно искупавшись, впитывая всем телом лучи горячего южного солнца, неторопливо беседуя. Загар ровно ложился на смуглые тела мальчиков, они не заботились о его цвете, не стремились находиться на солнце как можно дольше: у южных мальчишек не было такого «вида спорта» — кто загорит сильнее.

На реке родились некоторые «изобретения» Саши большого: «самодвижущийся пароход» с колесами-лопастями постепенно подвел к «водяной турбине типа колеса Пельтона». Сам принцип движения узконосой лодки, рассекающей водную гладь и гонимой веслами,

отталкивающими назад воду, он вспоминал потом все чаще в связи с поисками необходимого транспорта в воздушной и безвоздушной среде.

Сохранились два снимка, сделанных Владимиром Акимовичем на Ворскле: Саша большой и Саша маленький в лодке, и они же, вернее, лишь их головы над водой, во время купания. На первом снимке Саша Шаргей высок, худ, коротко острижен. Ему на вид лет 16, об этом можно судить и по возрасту Саши маленького — он запечатлен мальчиком 6—7 лет, родился А. В. Даценко в 1906 году. Из Полтавы после развода родителей Саша маленький уезжал к матери, вернулся в 1913 году, чтобы поступить в гимназию. Значит, снимок относится к этому времени.

Еще они ходили в лес — не только «семейно», но и с друзьями. Тут следует вернуться к его отношениям с товарищами и сделать еще одно предположение — несмотря на все сказанное выше, Саша Шаргей не отличался замкнутостью, был крепок физически, мог прийти на помощь товарищу и всегда охотно делал это. Свидетельством того, что в детстве он имел друзей, является то обстоятельство, что и ему в трудную минуту жизни помог человек, назвавшийся другом детства... По воспоминаниям — Саша Шаргей дружил со своим соучеником Николаем Скрынкой, часто бывал у него дома.

С 1915 года Саша Шаргей жил не у бабушки, а в доме Владимира Акимовича Даценко, неподалеку от бабушкиного дома, на той же Сретенской улице, в доме № 11. Здесь у него была маленькая, но отдельная комната. В это время он явно был занят какой-то грандиозной работой. Огромные листы с чертежами, как вспоминают члены семьи Даценко, не помещались ни на столе, ни вообще в его комнате, они расстилались на полу в просторной гостиной. Не замечая никого и ничего вокруг, Саша колдовал над расчетами, что-то вычерчивал, стирал, снова чертил, ползая на коленках по полу. Несомненно, в это время он уже работал над своим трудом, посвященным проблеме космического полета. Когда же началась эта работа?

Сам автор оставил несколько ориентиров для датировки своей первой рукописи. Прежде всего, следует очевидно, сказать о том, что позднее сам он датировал ее 1916 годом. Казалось бы, что же тут еще можно добавить или уточнить? Но не будем забывать, что дата эта появилась в 1938 году, то есть в то время, когда

А. И. Шаргей уже жил по «легенде», взятой вместе с чужим именем, поэтому ко всяким, пусть и письменно указанным им самим, фактам и датам, относящимся к его биографии, приходится относиться с большой долей сомнения и обязательно проверять их.

Сама рукопись представляет собой четыре сшитые вместе ученические тетрадки в клеточку, общим объемом в 104 странички рукописного текста, выполненного карандашом. Заглавия она не имеет — это были первые записи овладевшей им идеи, о публикации своего «труда» пока, очевидно, не думал. В рукописи сам автор указывает, что все написанное им было придумано «приблизительно со дня переворота» (то есть с конца февраля и до 25 марта 1917 года). Рукопись до настоящего времени не опубликована, между тем, уже в ней А. И. Шаргей наметил последовательность освоения межпланетного пространства:

«1. Испробовать действие приспособления для подъема в атмосферу. 2. Полет не особенно далеко от земной поверхности — на несколько тысяч верст. 3. Полет на Луну без остановки там, собственно полет вокруг Луны. 4. Полет на Луну с остановкой».

Поразительно, но именно эти этапы прошло человечество, практически осваивая космическое пространство!

Много лет спустя, в письме профессору Н. А. Рынину. Ю. В. Кондратюк (А. И. Шаргей) писал:

«Достигнув в 1917 году в своей работе первых положительных результатов и не подозревая в то время, что я являюсь первым и единственным исследователем в этой области, я на некоторое время как бы «почил на лаврах» в ожидании возможности приступить к экспериментам, которую рассчитывал получить реализацией изобретений, держа в то же время свою работу в строгой секретности, так как, учитывая с самого начала огромность и неопределенность возможных последствий от выхода человека в межпланетные пространства, я в то же время наивно полагал, что достаточно опубликовать найденные основные принципы, как немедленно кто-нибудь, обладая достаточными материальными средствами, осуществит межпланетный полет».

Рукопись, помеченная впоследствии 1916 годом, явно носит характер незаконченной работы. Это черновые, предварительные фиксации мыслей, нередко ошибочных, нередко носящих характер азартного спора с самим собой, нередко и точных, изумляющих сегодня нас, современников космической эры, силой гениального пред-

видения. Здесь и уже упомянутые этапы освоения космического пространства, и детальная проработка способов посадки на Луну и другие планеты отделяющегося от космического корабля-матки посадочного модуля и, также ставшая для автора приоритетной, мысль о необходимости многоступенчатой ракеты, для вывода корабля за пределы земного притяжения.

«Когда мы израсходуем некоторую часть активного вещества, мы бросаем и тот сосуд, в котором она была. Поэтому лучше, а может быть, и необходимо не держать весь запас активного вещества в одном сосуде, а в нескольких, прогрессивно уменьшающихся», — писал А. Шаргей в своей первой рукописи, предлагая отбрасывать отработавшие ступени двигателя.

Он предлагает использовать атмосферу Земли для «аэродинамического спуска» возвращающегося на Землю космического корабля, думает о вариантах полета с сокращенным количеством топлива на борту...

Но мы увлеклись содержанием. Вернемся к датам. Точнее, к версиям, предложенным самим автором рукописи.

Итак, 1917 или 1916 год?

В уже цитированном письме К. Э. Циолковскому Ю. В. Кондратюк писал: «Над вопросами межпланетного сообщения я работаю уже 12 лет. С шестнадцатилетнего возраста, — с тех пор, как я определил осуществимость вылета с Земли, достижение этого стало целью моей жизни».

Этот отрывок из несохранившегося письма опубликован К. Э. Циолковским в книге «Научная этика», вышедшей в Калуге в 1930 году. Он — среди других отрывков из писем Кондратюка, явно относящихся к разным годам. Сам Константин Эдуардович, сделавший эти выписки из писем, пометил их все 1930 годом. Отсчитав 12 лет назад, получим 1918 год. Но при чем тут шестнадцатилетний Кондратюк? По версии «легенды», которой он вынужден был придерживаться, годом рождения считался 1900, значит, и 16 лет ему могло быть в 1916 году. Прошло «уже 12 лет». Логично предположить, что К. Э. Циолковский цитирует письмо, полученное им в 1928 году. Следовательно, оно отправлено ранее, чем издана в январе 1929 года книга «Завоевание межпланетных пространств».

В первом предисловии к ней Ю. В. Кондратюк указал, что «настоящая работа в своих основных частях была написана в 1916 году». Логично предположить,

что она действительно была написана «в основных частях» в 1916, а окончательно созрела в 1917 году, тогда же и завершена.

Нас интересует еще один немаловажный вопрос — когда же эта работа была начата? Уже ясно, что и «в основных частях» и в целом она написана не в шестнадцатилетнем возрасте. Но, может быть, тогда она уже замышлялась?

«Первоначально толкнуло мою мысль на работу в сторону овладения мировыми пространствами,— писал Ю. В. Кондратюк в письме Н. А. Рынину,— или, вернее, вообще в сторону грандиозных и необычных проектов — редкое по силе впечатление, произведенное прочитанной мною в юности талантливой индустриальной поэмой Келлермана⁴ «Туннель».

Роман этот в русском переводе вышел в 1913 году. Его герой — «сильная личность», инженер Мак-Аллан, ярчайшими красками воспроизведенная картина индустриальной техники и достижений человеческого гения, превращение родины гениального изобретателя в «самую великую державу мира» — все это не могло оставить равнодушным выбирающего свой жизненный путь Сашу Шаргея. Но было в этой книге и еще одно достоинство, увлекшее одаренного юношу,— почти зримая реальность изображенного в ней проекта.

«Впечатление от келлермановского «Туннеля» было таково,— писал Кондратюк Рынину,— что немедленно вслед за его прочтением я принялся обрабатывать, насколько позволяли мои силы, почти одновременно две темы: пробивка глубокой шахты для исследования недр Земли и утилизации теплоты ядра и — полет за пределы Земли. Любопытно, что читанные мною ранее фантастические романы Жюль Верна и Г. Уэллса, написанные непосредственно на тему межпланетных полетов, не произвели на меня особого впечатления — причиной этому, видимо, было то, что романы эти, написанные менее талантливо и ярко, чем роман Келлермана, являлись в то же время для меня явно несостоятельными с научно-технической точки зрения. Тема о глубокой шахте, после выработки основ некоторых предположительных вариантов, очень быстро уперлась в невозможность для меня провести соответствующую экспериментальную работу,— тема же о межпланетном полете оказалась много благодарнее, допуская значительные теоретические исследования, и овладела мною на продолжительное время, в течение которого я неоднократно к ней

возвращался... Первый период работы продолжался более полугода и включил в себя нахождение почти всех основных положений ракетного полета, вошедших в изданный труд...»

Итак, первый период работы продолжался, если верить сказанному в самой рукописи, помеченной 1916 годом,— менее месяца, если верить письму — полгода. Второй вариант явно более правдоподобен: за месяц столь сложные проблемы проработать практически невозможно.

Роман Бернхарда Келлермана Александр Шаргей прочитал, имея «к тому времени... незаконченное среднее образование». Когда это могло произойти? Если в том же 1913 или в первой половине 1914 года, то Саше действительно было тогда 16 лет.

Анатолий Владимирович Даценко, младший брат Александра Даценко, то есть Саши маленького, и двоюродный брат Александра Шаргея, исследователь его биографии, считает, что начало работы над проблемами межпланетного полета следует отнести к осени 1914 года. «По всей вероятности,— пишет Анатолий Владимирович,— роман Б. Келлермана... был прочитан юношей в июне 1914 года, во время каникул. Тема, посвященная исследованию и использованию недр Земли, прорабатывалась в июне — июле, а с осени 1914 года он занялся проблемой межпланетных сообщений... Осенью и зимой он находит и заносит карандашом в четыре сшитые воедино ученические тетрадки в клеточку основные положения космического полета. Затем — вынужденный перерыв в связи с подготовкой к переводным экзаменам в 8-й класс и сами экзамены. Летом 1915 года — поездка в Смелу, на отдых к друзьям покойной матери — Радзевичам, а с осени — дальнешая, более длительная обработка полученных результатов. Но близились выпускные экзамены, и волей-неволей пришлось оставить научные изыскания: длительный перерыв, о котором позже вспоминал ученый, приходился на зиму 1915/16 года и следующую весну».

Версию следует признать убедительной, но не могу не сделать и дополнительных предположений. В июне 1914 года Саше Шаргею исполнилось уже 17 лет, а он всюду подчеркивает, что идея межпланетных полетов овладела им в 16 лет. Логичнее, стало быть, предположить, что книга Келлермана была прочитана в конце 1913 — начале 1914 года, он начал разработку двух проектов, по его словам, «почти одновременно», то есть

первые шаги в работе над темой космического полета сделал тогда же, «немедленно вслед за... прочтением», а потом, быть может, осенью прекратил тему пробивки шахты для исследования недр Земли и полностью переключился на космический проект. При этом в его памяти запечатлелось, что начал он эту работу раньше, то есть в 16 лет. В версии А. В. Даценко вызывает сомнение и отдых от работы летом 1915 года во время поездки в Смелу — способен ли был Александр Шаргей отложить до осени начатую с таким увлечением работу?

Если более полугода — первый период работы над темой космоса — пришлось до лета 1914 года, то и слова его об определении цели в жизни в шестнадцатилетнем возрасте могут быть справедливо отнесены не только к «легенде», но и к истинной его биографии.

Впрочем, утверждать, что он прочитал роман Келлермана в тот же год, когда он появился в русском переводе, то есть в 1913 году, и тут же начал то, что стало целью и смыслом его жизни, со стопроцентной уверенностью, увы, не приходится. Это тоже всего лишь версия, хоть и заманчивая.

Убавив себе по «легенде» возраст на три года, взрослый А. И. Шаргей, то есть уже Ю. В. Кондратюк, писал в анкетах, что он учился в Полтавской гимназии «с сентября 1914 по январь 1918 года» и «ушел из 4-го класса». Таким образом, чтобы не предъявлять документа об образовании, в котором, разумеется, была бы указана его истинная фамилия, он предпочел слыть всю оставшуюся жизнь человеком «с незаконченным средним образованием». К тому же у него были причины куда-то «списать» весь период жизни, связанный с дальнейшей учебой.

На самом деле он учился с 1910 по 1916 год и гимназию успешно окончил. То ли сказалось его менее внимательное отношение к гуманитарным наукам, то ли виной всему была занятость юноши исследовательской работой перед выпускными экзаменами, но в Сашин аттестат попали-таки две оценки «хорошо»: по латинскому языку и по словесности. По остальным предметам оценки были «отлично». Аттестат зрелости, выданный выпускнику второй Полтавской мужской гимназии Александру Игнатьевичу Шаргею 28 мая 1916 года, гласил:

«Во внимание к постоянно отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в науках, особенно

в физико-математических, педагогический совет постановил наградить его серебряной медалью».

Медаль открывала путь к высшему образованию.

СНОВА В СТОЛИЦЕ

Саша выбрал себе специальность по душе и вполне соответствующую его занятиям — механику. Первого сентября 1916 года он стал студентом первого курса механического отделения Петроградского политехнического института.

В форменной студенческой шинели великолепного касторового сукна, сшитой стараниями родных, с тяжелым немецким чемоданом в руке — отцовским наследством — Саша появился на пороге квартиры, где жили мачеха и сестра. Встретили юношу радушно, предоставили в полное его распоряжение отдельную комнату. Здесь, на Васильевском острове, в доме № 31/33 по 14 линии, в квартире 17, он и обосновался.

Нина, которой шел тогда седьмой год, вспоминала впоследствии, как не хотела засыпать и как брат забавным способом уговорил лечь в постель: с самым серьезным видом он предложил ей поступить наоборот, то есть не ложиться... Утром она вбежала в комнату к Саше и «увидела, что из красного одеяла шит длинный узкий мешок и из него видна только голова брата». И еще она вспоминала, что «на его столе был невероятный беспорядок».

Саша очень привязался к своей утерянной было и вновь обретенной семье, где к нему относились как к родному сыну и брату, отвечал им любовью за любовь. Здесь уместно рассказать немного о том, что представляла собой его мачеха.

Елена Петровна Шаргей (в девичестве Гибberman, а во втором, кратком и неудачном, замужестве и впоследствии уже до конца жизни — Кареева) родилась в Киеве в семье юриста. Ее мать, у которой она жила первое время после смерти Игнатия Бенедиктовича Шаргея, была врачом-гинекологом. Еще в Петрограде жила ее тетка по отцу, которая была замужем за Василием Павловичем Воронцовым, видным петербургским экономистом, социологом и публицистом, одним из идеологов либеральных народников восьмидесятых — девяностых годов, со взглядами которого резко полемизировали Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. В. П. Ворон

дов был крестным отцом Нины Шаргей, часто бывал у Елены Петровны дома.

С И. Б. Шаргеем, Сашиным и Нининым отцом, Елена Петровна встретилась, когда ей было 19 лет. Он был на 14 лет старше ее. Как уже говорилось, познакомились они в частной немецкой фирме, где оба работали. Высшего образования Елена Петровна не получила — помешало замужество и рождение дочери, но круг ее знакомств, дружеские связи выдают в ней человека с широким диапазоном интересов, не лишенного культуры, ума, подлинной интеллигентности. Она была человеком знающим, добрым, порядочным, тянулась к интересным людям, и они тянулись к ней. При внешней мягкости, Елена Петровна была, по наблюдениям знавших ее людей, человеком собранным, волевым, умела организовать жизнь так, чтобы успевать как можно больше времени уделять маленькой дочери, а теперь еще и пасынку, заработать для всех троих на пропитание. А это в те годы было нелегко.

Война, которая вошла в историю под названием первой мировой, разгоралась — шел ее третий год. Россия, плохо подготовленная к войне и технически, и экономически, погружалась в разруху, голод и лишения. Фронт требовал все больше пушечного мяса.

Разговоры в доме Елены Петровны с каждым днем становились все тревожнее — в Петрограде начался голод, резко сократился подвоз хлеба, продовольственные магазины обросли гигантскими очередями. Вдобавок ко всему Саше угрожало призыв в армию — всех пригодных к воинской службе студентов забирали огромными партиями. Его очередь настала очень скоро — 11 ноября 1916 года.

Перед отправкой на фронт его зачислили в школу прапорщиков. Этим скороспелых «младших офицеров» военного времени готовили в течение нескольких месяцев при Петроградском юнкерском училище.

В редкие дни увольнений он спешил домой на Васильевский, к заветным тетрадкам. Нужно было торопиться, но времени катастрофически не хватало. Он почти бежал, но краем глаза все же видел бесконечные моторные обозы, везшие солдат по Большому Сампсониевскому проспекту, слышал женский плач, протяжный стон гармошки, свист и песни мобилизованных. На набережных Невы, у мостов скапливались колонны с пушками, зарядными ящиками, санитарными двуколками... Время от времени Александр наблюдал рабочие

демонстрации, шедшие с песнями и плакатами: «Долой войну! Долой казны!» Он знал, что многие заводы бастовали, останавливаясь возле митингующих, прислушивался, но, быстро спохватившись, уходил — его ждала работа. Главное Дело. Он должен был торопиться.

Однажды, в феврале 1917 года, выйдя из училища, он увидел ликующую толпу, услышал слова: «Революция!», «Свобода!»...

Свобода?! Он понимал ее как свободу заниматься самым нужным, главным! И, забыв обо всем на свете, он запирается дома над своими расчетами. Потом, вспоминая те дни, он напишет, что «почти все», вошедшее в его первую рукопись, было придумано «приблизительно со дня переворота и до 25 марта 1917 года». Это же время упоминается и в письме Н. А. Рынину: «Достигнув в 1917 году в своей работе первых положительных результатов...» Эта фраза свидетельствует о том, что он тогда успел. Работа не была завершена, но основные вопросы он успел проработать.

Обратимся еще раз к письму профессору Н. А. Рынину, этой творческой автобиографии А. И. Шаргея — Ю. В. Кондратюка:

«Основным материалом работы этого периода было выведение основной формулы ракеты, нахождение наиболее выгоднейшей траектории и некоторые общие положения из других глав.

Задавшись темой полета в межпланетные пространства, я сразу остановился на ракетном методе, «ракетном» в общем смысле этого слова согласно определения, данного мною в гл. I, отбросив артиллерийский, как явно технически чересчур громоздкий, а главное — не сулящий возвращения на землю и потому бессмысленный. Еще до выведения основной формулы мною было примерно рассчитано несколько механических вариантов, из которых самым последним и совершенным был быстро вращающийся барабан, с намотанным на нем стальным тросом, который должен был разматываться по инерции в одну сторону, сообщая барабану ускорение в противоположную; получив, разумеется, сразу же невероятно чудовищные значения для необходимого веса ракеты («п»), я перешел к комбинированным ракетно-артиллерийским вариантам: пушка выстреливает из себя ядро, которое в свою очередь является пушкой, выстреливающей ядро, и т. д. — и опять получил чудовищные размеры начального орудия, после этого я вторичную пушку (т. е. первое ядро) повер-

нул дулом назад, превратив ее в постоянный член ракеты, и заставил ее стрелять в обратную сторону более мелкими ядрами, т. е. увеличил активную массу заряда за счет пассивных масс,— и опять получил чудовищное значение для массы пушки-ракеты,— но тут заметил уже, что, чем больше увеличиваю массу активной части заряда за счет пассивных масс (ядер), тем выгоднее получаются формулы для массы этой ракеты,—отсюда нетрудно было логически перейти к чистой термохимической ракете, которую можно рассматривать как пушку, непрерывно стреляющую холостыми зарядами».

Из рассказа исследователя видно, что в то время, когда он решал столь сложные проблемы, по сути «изобретая велосипед» или ломаясь в открытые двери, он ничего не знал о трудах К. Э. Циолковского, А. П. Федорова⁵ и других, мучаясь и ошибаясь, самостоятельно искал правильный выход из всех, доступных человеку, перебирал варианты, считал, пересчитывал и — нашел! Повторив уже найденное другими, он вывел — опять-таки уже выведенные К. Э. Циолковским — основные уравнения движения ракеты, причем вывел по-своему, оригинальным методом, не используя дифференциальное исчисление, но пришел к тем же результатам!

Его описание своей работы над темой полно подлинной поэзии, выдает человека, бесконечно увлеченного и вдохновенного:

«...эта цифра 55 (отношение массы ракеты к полезному грузу.— А. Р.) меня уже сильно тревожила, но обаяние затронутой темы было таково, что, сам себя обманывая, я насильно считал эту цифру приемлемой до тех пор, пока не нашел в конце концов противоядия этим «55» в виде физико-математического обоснования возможности благополучного спуска на Землю за счет сопротивления атмосферы, а затем в развитии искусственным путем начальной скорости, организации межпланетной базы и ее ракетно-артиллерийском снабжении».

Почему срок работы он ограничил 25 марта? Далее работу пришлось прервать, так как Александр Шаргей, волею судьбы ставший прапорщиком, был направлен на фронт — Временное правительство и не думало прекращать войну, отправляя на бессмысленную бойню десятки тысяч новых солдат и офицеров. Оно объясняло Февральскую революцию выступлением масс не против войны вообще, а против поражений царской армии.

Главной задачей революции буржуазное правительство объявило «войну до победного конца», захват Константинополя и т. д. 23 марта министр иностранных дел Временного правительства Милюков заявил представителям газет:

«Если мы, русские, претендуем на обладание Константинополем и проливами, то этим мы ничуть не посягаем на национальные права Турции, и никто нам не вправе бросить упрек в захватных тенденциях. Обладание Царьградом всегда считалось исконной национальной задачей России». Вот для выполнения ее Александр Шаргей и был назначен на Кавказский фронт.

С невеселыми мыслями оторвался он от захватившей его работы, ставшей целью его жизни. Заветные тетрадки он отдал на сохранение Елене Петровне. Кто знает, чем обернется для него пребывание на фронте?.. Если останется жив, то вернется к работе, в крайнем случае — он все без труда восстановит: написанное цепко сидело в памяти.

По дороге на фронт он заехал к родным в Полтаву — попрощаться. Его появление в доме бабушки в военной форме произвело неожиданный эффект: бабушка при виде появившегося на пороге внука потеряла сознание. Придя в себя, она плакала и подтрунивала над собой, признавшись, что очень испугалась. Да и было от чего — Александр Шаргей был очень высок ростом, а его внезапное появление «во весь проем двустворчатых дверей», как вспоминают очевидцы, в папаче, в широкой лохматой бурке, с шашкой и револьвером произвело пугающее впечатление, особенно на бабушку, к тому времени очень больную, передвигающуюся в кресле на колесах.

Одиннадцатилетний Саша маленький (Александр Владимирович Даценко) запомнил тот приезд брата главным образом из-за револьвера, который пришлось от него прятать. Трехлетний Анатолий в тот приезд Александра Шаргея тоже видел и запомнил, что, сидя у него на плечах, свободно доставал до потолка. Больше они никогда своего двоюродного брата не видели и долгие годы ничего не знали о его судьбе, считая его тогда же и погибшим на фронте.

ЛИХОЛЕТЬЕ

Но А. Шаргей был жив и даже не был ранен. Кавказский фронт, на который он попал, тянулся от Черного моря до самой границы с Персией и был наиболее

оторванным от России участком военных действий. Но и сюда докатывалось эхо грозных предреволюционных событий.

18 июня, в день начала наступления русских войск на всех фронтах, объявленного Временным правительством, в Тифлисе, где находился штаб Кавказского фронта, как и в Петрограде и в почти двух десятках городов России, Украины, Белоруссии, прошла мощная демонстрация против Временного правительства под лозунгом «Вся власть Советам!»

Наступление на Кавказском фронте, запланированное как второстепенное по сравнению с наступлением на западных фронтах, развивалось вяло и вскоре совершенно захлебнулось. В русских воинских частях не хватало продовольствия, медикаментов, технически армия была оснащена из рук вон плохо, не хватало даже обычных ружейных патронов. Многие солдаты не умели стрелять из винтовок, так как новобранцев некогда было обучать. Особенно плохо была налажена связь с другими частями, с центром армии. Провал наступления вызван был нарастающим ропотом в армии.

«...Части отказываются занимать позиции и категорически высказываются против наступления, — телеграфировали Керенскому 23 июня. — В некоторых полках открыто заявляют, что для них, кроме Ленина, нет других авторитетов...»

На фронте А. И. Шаргей узнал об Октябрьской революции, о том, что в Петрограде к власти пришло правительство Ленина. Как встретил он эту весть? Какую позицию избрал?

Война еще продолжалась, но теперь появились реальные надежды на возвращение домой. И люди, выступавшие против этой бессмысленной бойни, целью которой был захват турецких земель и нажива буржуазии, вызывали его уважение и поддержку. Боевые действия на Кавказском фронте фактически уже давно прекратились, армия с нетерпением ждала приказа о демобилизации. Планы на дальнейшую жизнь у офицерства были разные: были и такие, кто, объединившись в Союз офицеров армии и флота, вынашивал планы переворота.

Александр Шаргей держался от офицеров особняком. С тревогой думал о непредсказуемых последствиях в том случае, если результаты его изысканий по ракетной технике достанутся людям воинственным, готовым на все ради собственного обогащения и удовлет-

ворения своих амбиций. Понимая, какой подлинный расцвет сулит человечеству его изобретение, он мечтал о расцвете индустриальной России, а это было возможно только в условиях мира и совместных усилий всего народа. Он хотел работать, а не воевать.

«Оставьте мне мои тетрадки с формулами, и я буду работать». Такими словами, по воспоминаниям, встретил победу Октября великий русский ученый, инженер, изобретатель Владимир Григорьевич Шухов. Те же слова — слово в слово — мог повторить тогда и Александр Игнатьевич Шаргей.

В марте 1918 года Советское правительство подписало Брестский договор о мире, и страна вышла из мировой войны. Кавказский фронт прекратил свое существование. Александр Шаргей был демобилизован и отправлен домой.

Только в этом долгом пути, пробираясь по ошеломленной событиями последнего времени Украине, по разрушенной, голодной, оккупированной и раздираемой на части земле, Шаргей понял всю тяжесть своего положения. Высокий, здоровый, молодой человек в форме офицера русской армии вызывал разные чувства и желания у белогвардейцев, «жовтоблакитников», немцев, махновцев. Не раз его пытались завербовать, мобилизовать, заставить воевать, но он, разумеется, не хотел — ни за «спасителей России», ни за «самостийну Украину», ни за «анархию — мать порядка». Однажды — это было еще на Северном Кавказе, его принудили вступить в белую армию, но при первой же возможности он бежал из нее.

В мае 1918 года с трудом он добрался до родной Полтавы. Дом бабушки опустел: бабушка скончалась летом 1917 года, а Аким Никитич, тяжелобольной, страдающий диабетом и сердечными болезнями, переехал на свою родину в село Малая Павловка, где жила его родная сестра.

Владимир Акимович, не желая сотрудничать ни с немцами, ни с петлюровцами, оставил службу и подрабатывал в правлении садового кооператива, снявшего в аренду бывший архиерейский сад. Саша маленький жил с матерью в Ромнах. Мария Ивановна — вторая жена Владимира Акимовича — с сыном Анатолием уехала из Полтавы подкормиться к знакомым, и Владимир Акимович дома почти не бывал, так как в усадьбе хозяйничали квартировавшие там немцы, а он встреч с ними избегал.

Александр Шаргей остановился у школьного друга Николая Скрыньки, жившего по улице Гоголя, 15. Он почти не выходил на улицу — это было опасно. Николай раздобыл для него одежду, обменяв его полевую шинель, разыскал Владимира Акимовича. Тот передал Александру немного денег и сообщил все, что знал о судьбе его родных, дал киевский адрес мачехи. Оказалось, что Елена Петровна с Ниной покинули голодный Петроград: уехали еще весной 1917 года «подкормиться» к родителям Елены Петровны в Киев, намереваясь вернуться, но не смогли — вначале напуганные слухами о небывалом голоде в Петрограде, а затем будучи отрезанными от него разразившейся гражданской войной.

Александр Шаргей собирается в путь. С большими предосторожностями, прячась от «желто-голубых», «белых» и «зеленых» вояк, передвигаясь в основном ночью и огибая населенные пункты, оккупированные разномастным «воинством», он добирается к концу июня 1918 года до Киева.

Первым делом, встретившись с мачехой и сестрой, спрашивает о судьбе своих тетрадок. «Целы, вот они», — отвечает Елена Петровна. Даже уезжая из Петрограда, как предполагала она, на время, не рискнула оставить их дома, так как знала, что они для него значат, выполняла данное ему слово. Александр жадно набрасывается на тетрадки, перечитывает раз, другой, в волнении, ероша рукой жесткие темные волосы, шагает из угла в угол по крохотной комнатухе, где живет теперь вся семья. Елена Петровна смотрит на пасынка с грустью, понимая, что очень скоро для него, кроме этой работы, опять никого и ничего не будет существовать. И действительно, вскоре юноша садится за новую рукопись.

Александр осознает: в том виде, в котором его труд существует, он слишком аморфен, неопределен, не завершен. Он должен опубликовать его в виде готового, хорошо разработанного проекта. Еще многое надо додумать, обсчитать, решить. А сколько времени ему отпущено, кто это может сейчас сказать? Надо торопиться. К тому же, его подстегнула крохотная заметка в журнале «Нива», который он, скучая, листал в библиотеке своего друга Николая Скрыньки. В ней сообщалось о «ракете г. Циолковского» для полета за пределы Земли! При этом «Нива» ссылалась на полностью опубликованную работу Циолковского в «Вестнике возду-

хоплавания» за 1911 год. Но где же сейчас добудешь этот журнал?!

Итак, у него есть соперники, конкуренты! И нет никакой возможности познакомиться с их работами, узнать, как далеко, по сравнению с ним, они продвинулись. Кому же в таком случае нужен весь его труд?!

Но колебание и смятение его были недолгими. Он-то знает теперь уже подробно, во многих деталях, как рассчитать траекторию корабля, уносящего человека к другим планетам, знает, как построить ракету, он решил и еще решит множество других немаловажных проблем, связанных с не виданным человечеством полетом. И в конце концов, если кто-то все это уже решил, то почему же не строят ракету, не летят к другим планетам? Не хватает средств? А может быть, дело в том, что еще не знают, как именно это сделать?

Итак, на первый вопрос самому себе — кому нужен его труд — А. И. Шаргей уже нашел ответ. Он обмакнул перо в черные чернила, разведенные в пузырьке, — карандашом писать работу, предназначенную для печати, негоже — и решительно вывел на первом листе:

«Тем, кто будет читать, чтобы строить».

КНЕВСКАЯ РУКОПИСЬ

Нужно иметь храбрость поверить в свои убеждения, иначе самое интересное, что могло прийти вам в голову, у вас из-под носа заберут другие, более отважные духом, но главное — это ведь единственное, ради чего по-настоящему стоит работать.

Норберт Винер

Позднее, передав эту рукопись вместе со всем своим научным архивом на сохранение профессору Б. Н. Воробьеву — редактору, издателю и хранителю творческого архива К. Э. Циолковского, автор датировал ее так: «1918—1919 годы».

Обращение к «тем, кто будет читать, чтобы строить», является первыми двумя строчками рукописи, после некоторого от них отступления следует текст. Это обращение можно считать своеобразным и многозначительным посвящением, но можно ли его рассматривать как заглавие, придуманное автором для своего труда?

За обращением следует такой текст:

«Прежде всего, чтобы вопрос этого труда сам по себе не пугал вас и не отклонял от мысли о возможности осуществления,— все время твердо помните, что с теоретической стороны полет на ракете в мировые пространства ничего удивительного и невероятного собой не представляет».

Резонно предположить, что «вопрос этого труда» читателям был сформулирован уже в заглавии. Однако в переданной Б. Н. Воробьеву рукописи никакого заглавия больше нет. И спустя 45 лет после написания, она была опубликована и вошла в обиход под названием-обращением.

Обращает на себя внимание тот факт, что три рукописи, написанные А. И. Шаргеем от руки,— первая, состоящая из четырех тетрадок, о которой уже упомянуто; настоящая, с названием-обращением; и более поздняя, помеченная им впоследствии 1920 годом,— все они названий не имеют. Что это — небрежность, невнимание или автор попросту не придавал этому значения? Думается, что дело здесь в другом. На рукописях, как легко можно обнаружить, нет и фамилии автора — А. И. Шаргея. Правда, стоит другая — «Юр. Кондратюк», но совершенно очевидно, что она написана позднее.

А не было ли у них титульных листов, на которых стояли и подлинная фамилия автора и название трудов? Эта гипотеза логично вытекает из того обстоятельства, что автор рукописей, не скрывавший своего имени в 1916—1920 годах, в дальнейшем вынужден был его скрывать и, соответственно, при передаче изъять компрометирующие его страницы.

Сомневаться в датах «1918—1919», поставленных на второй рукописи, не приходится, хотя автор датировал ее лишь в 1938 году. На верность дат в первую очередь указывает старая, дореволюционная орфография.

Сегодня, зная обстоятельства биографии А. И. Шаргея, можно уточнить даты работы над ней: июль (или конец июня) 1918 — ноябрь 1919 года. Работал он много, но с вынужденными перерывами — кроме работы над этой рукописью, приходилось еще и зарабатывать на жизнь.

Елена Петровна с Ниной едва сводили концы с концами, и Александр не мог, да и не хотел, быть для них обузой. Несмотря на опасность, он выходил в город в поисках работы: нанимался пилить и колоть дрова, ре-

монтировать садово-поливочную технику, электропроводку, иногда подрабатывал репетиторством.

«Частнокустарная работа по освещению и др. мелкие работы»,— так запишет он про свою деятельность в эти годы в анкетах тридцатых годов.

«Принимаясь за работу несколько раз с перерывами между репетиторством, колкой дров и работой смазчиком, мне удалось к 1925 году дополнить ее почти до настоящего ее вида»,— это из письма Н. А. Рынину. Смазчиком — это было уже позднее, в 1921-м...

Подробный научный анализ труда, созданного в Киеве, не входит в задачу настоящей книги. Достаточно подробно и квалифицированно это сделано в ряде научных статей. Здесь же мы лишь коснемся важнейших ее моментов, того нового, что появилось в ней по сравнению с первой, законченной в марте 1917 года.

А. И. Шаргей уделяет в этом варианте больше внимания будущим членам экипажа космического корабля, вопросам их безопасности. Он предлагает при отлете на участке больших ускорений «снаряда» использовать плотно облегающие, подогнанные по фигуре кресла для защиты людей от перегрузок, причем располагать их перпендикулярно направлению движения. Предлагает способы стабилизации вращения «снаряда» с помощью плавающих поплавковых гироскопов, а для разгона и торможения межпланетного корабля считает возможным использовать гравитационные силы небесных тел. Его заботит и возможный перегрев «снаряда» в атмосфере, поэтому для «аэродинамического спуска» применяет ракету с крыльями. При необходимости выхода экипажа в открытый космос автор рекомендует использовать шлюз, через который «выходить из камеры снаряда... в больших или меньших подобиях водолазных костюмов, имея при себе запасы воздуха...» Комментарии, думаю, излишни. По его мнению, на орбитах Земли и других планет необходимо создавать базы, которые могут стать базами-заправщиками для многочисленных кораблей «дальнего следования», снабжать их горючим, пищей, инструментами и т. д. С помощью расчетов убедительно показывает, что корабли, дозаправившиеся в космосе, могут иметь начальную массу более чем в два раза меньше.

Его рукопись разбита на главы-разделы, каждый из которых озаглавлен — еще один аргумент за то, что и рукопись в целом имела название.

В разделе, под названием «Теория полетов», Шар-

гей вновь, как и в первой рукописи, но более подробно обосновывая свою идею, предлагает при полетах на другую планету наиболее экономичный способ посадки, «остановки» на ее поверхности: «...не останавливать всего снаряда на этой планете, а пустить его спутником, и самому с такой частью снаряда, которая будет необходима для остановки на планете и обратного присоединения к снаряду, совершить эту остановку...»

Я представляю себе кадры художественного фильма о нем: высокий, худой, плохо одетый молодой человек, отложив тетрадку с расчетами, ходит из угла в угол комнаты, прищелкивая от возбуждения пальцами и ероша рукой прическу, и вслух высказывает мысль, которую тут же садится записывать,— любую из перечисленных идей, хотя бы полета на Луну с остановкой там по той самой точно реализованной в американской программе «Аполлон» схеме: два астронавта в «части снаряда» спускаются на Луну, один остается на окололунной орбите в «снаряде», ожидая их возвращения... Дав эти кадры, в следующих можно показать улицы Киева 1919 года, военную технику того времени — танки, пушки; деникинцев, разъезжающих на конях и расхаживающих по городу... Покажите это — и зрительская реакция будет сродни знаменитой реакции Станиславского: «Не верю!» Между тем, все это так и было, и муза истории — загадочная и непостижимая Клио — в очередной раз пошутила над нами, подбросив исторический факт, кажущийся более невероятным, чем откровенный вымысел.

Рукопись 1918—1919 годов, «киевская рукопись», выглядит вполне завершенной, хотя автор позднее еще много раз возвращался к ней, внося коррективы, дополняя, развивая. Передать ее для публикации он не успел или не решился? Так или иначе, но в ноябре 1919 года работа вновь была прервана, и причиной тому снова был бог войны, на сей раз войны гражданской.

Более года прожив в Киеве, А. Шаргей осмелел и, пренебрегая опасностью, слонялся по городу в поисках случайных заработков. А опасность все возрастала: под ударами Красной Армии деникинцы спешили мобилизовать все здоровое население. Однажды не миновал этого и Александр.

Был ноябрьский день 1919 года. Киев готовился к зиме и к приходу красных. Деникинская армия, уже с начала 1919 года отбросив лицемерное название «доб-

ровольческой», насильно угоняла молодых людей в «вооруженные силы юга России». Пытаясь спасти свое положение, агонизирующая белогвардейщина объявила «добровольную» запись в «дружины святого креста». Тех, кто отказывался или проявлял малейшее недовольство, прилюдно секли нагайками, арапниками, шомполами; заподозренных в сочувствии к большевикам расстреливали, вешали на телеграфных столбах, закапывали в землю живьем.

Александр посмотрелся на дела этих «освободителей России» в Киеве, знал, чего от них можно ожидать, и потому, когда его застигла беда, чтобы спасти себя и близких, выбрал единственно правильное решение.

Во дворе, где он пилил и колот дрова по договору с хозяином, появились деникинцы и потребовали от Шаргея документы. Он повел их домой, надеясь убежать по дороге, но за ним следили несколько дюжих сопровождающих, убежать не было возможности. Елена Петровна побледнела, все разом поняв. Александр нарочито долго искал документы, потом вынужден был их все же предъявить.

— Хо, да це ж наш! Ласкаво просимо до нас, пан офицер! — издевательски протянул дюжий хорунжий, пряча документы в свой карман.

На сборы ему дали чуть меньше получаса. Обнимая Елену Петровну, Александр шепнул ей:

— Не волнуйтесь, ждите от меня вестей. Я у них не задержусь. Бумаги мои сберегите!

На крыльце топтались, ожидая его, «попутчики».

ПОБЕГ

В толпе «мобилизованных» на сборном пункте Александр увидел знакомого. Это был Борис Арабажин, его детский товарищ, сын подруги Сашиной матери. Борис учился в Киеве на медицинском факультете, когда его, как и Шаргея, поймали деникинцы. Друзья поняли друг друга с полуслова — конечно, бежать, скрыться при первой же возможности. Договорились действовать, если получится, сообща.

Первым к офицеру, разбирающему призывников на партии, попал Борис.

— Студент-медик? Стало быть, врач... Так-так... Поедешь сопровождающим с больными и ранеными до Одессы. Дадим тебе четырех молодцов в санитары, пусть живей погрузят больных в вагон, там — разгру-

зят. и все — в штаб, за предписанием. Там уж вас и обмундируют.

Борис попросил взять в санитары знакомого.

— Бери,— махнул рукой офицер.— Ваши документы начальник поезда сдаст в штаб в Одессе.

Пока Александр с другими санитарями под бдительными взглядами офицера грузили в вагон больных, Борис успел забежать попрощаться к знакомой девушке. Много лет спустя Татьяна Иосифовна Маркевич рассказала:

«Весной 1920 года я кончала гимназию и была знакома с одним студентом-медиком. Пару раз он заходил за мной в гимназию, провожал домой. В конце 1919 года, месяц точно не помню, по-моему, это была поздняя осень, он пришел ко мне на квартиру и сказал, что зашел попрощаться: «Я и мой друг мобилизованы. Но меня как врача назначили сопровождать вагон с больными и ранеными до Одессы. Я там удеру, и месяца через два, думаю, мы встретимся. Я очень спешу, так как хочу помочь удрать другу детства. Он, конечно, тоже не хочет оставаться у них. Я доведу его до станции Бобринская и сброшу у своих родителей».

Потом она узнала, кто был этим «другом детства» Бориса,— судьба свела их позднее под одной крышей на довольно долгое время, познакомила.

Почему Борис сам не остался у родителей по дороге? Вероятно, он надеялся выволить в Одессе свои и Сашины документы, а потом уже бежать. Зимой того же года он заболел сыпным тифом и умер.

А Шаргей «отстал» от эшелона на станции Бобринская. Отсюда совсем рядом была Смела, где жили мать и отчим (В. В. Радзевич) Бориса, прекрасно знавшие Сашу Шаргея с детства, когда он приезжал к ним с матерью, до сравнительно недавних лет, когда он отдыхал у них перед выпускным классом гимназии.

Семья Радзевичей приняла горячее участие в Сашинной судьбе. Он все рассказал им, передал записку от Бориса, где тот сообщал о своем плане отбиться от денкинцев в Одессе, просил никуда пока не отпускать Сашу, так как он постарается добыть его документы.

Отчим Бориса, врач железнодорожной больницы, осторожно выведаль на станции обстановку. Эшелоны с денкинцами, похоже, все проехали, в Киеве, по слухам, были уже красные. А Шаргея согласны были взять на работу смазчиком или прицепщиком вагонов и без до-

кументов, если В. В. Радзевич за него поручится. На том и остановились.

До самой весны 1921 года проработал Александр на станции Бобринская смазчиком и прицепщиком вагонов. В середине 1920 года на Украине повсеместно установилась Советская власть. Саша ждал вестей от Бориса. Лишь в конце зимы, уже в 1921 году, узнали о его смерти. Документы Александра Игнатьевича Шаргея пропали безвозвратно. Конечно, можно было пойти к местным властям и попросить дубликат, но сделать это он опасался — неизвестно, к кому попадешь и что последует, если узнают, что он был на службе у белогвардейцев. В ушах еще стояло иронически-издевательское «приглашение» деникинца: «Да це ж наш! Ласкаво просимо до нас, пан офицер!» Не решат ли и красные, что он, бывший царский прапорщик, мобилизованный деникинцами, — их враг?! Нет, не дай бог, тогда прощай и воля, и работа, и, может быть, жизнь.

О том, чтобы вернуться без документов в Киев, нечего было и думать. На железной дороге тоже становилось опасно оставаться. О своих тревогах Саша поделился с притютившими его Радзевичами. Те обещали что-нибудь придумать.

Еще в конце 1920 года близкий приятель семьи Радзевичей Иван Андреевич Лашинский, живший в Киеве с двумя дочерьми и оставшейся круглой сиротой племянницей, поехал подыскать для семьи более сытый и обеспеченный уголок. Он нашел его неподалеку от Смелы в местечке Малая Виска — здесь устроился управляющим национализированными паровой мельницей и маслобойней. Радзевичи попросили его взять к себе их гостя, рассказав его историю.

Так А. Шаргей попал в Малую Виску и, поселившись вместе с Иваном Андреевичем, определился на работу при мельнице, которой Лашинский заведовал. Как-то весной Иван Андреевич сказал ему, что в Киев едет его знакомый, с которым он собирается передать дочерям посылочку. Не надо ли и Саше передать что-то родным?

ДОКУМЕНТЫ

Получив от Саши первую за долгое время весточку, Елена Петровна обрадовалась, но, прочитав письмо, встревожилась и стала думать — как же ему помочь?

Посланец от Саши привез небольшую продуктовую посылку, в которой был добрый шмат украинского сала. Значит, Саша не голодает, это уже хорошо. Но положение его, как он описал его, было незавидным — без документов приходилось все время опасаться всевозможных неприятностей. На мельнице Саша работал по ночам, когда никто не мог прийти с проверкой и когда там, кроме него, никого не было. Днем отсыпался, практически не выходя из домника Лашинского. Иван Андреевич хранит его тайну, но скоро из Киева придут его дочери... Кстати, сообщал Саша, вот их киевский адрес, через них можно пока держать связь. Что ему делать с документами и как быть — он и сам не представляет, просит совета.

Кто и как может ему помочь? Елена Петровна перебрала в уме своих многочисленных знакомых — кому из них можно доверить такое непростое дело? Очень скоро решила: надо посоветоваться с Тучапскими, они люди, подходящие по всем статьям. Старые революционеры-конspirаторы, большевики-ленинцы, друзья Н. К. Крупской — уж они-то подскажут, как надо поступить. К тому же, они немного знают Сашу, видели его, заходя в гости к Елене Петровне, а Вера Григорьевна Тучапская (урожденная Крыжановская) — ее давнишняя и верная подруга.

Вера Григорьевна выслушала Елену Петровну и поняла, что дело действительно обстоит непросто. Клеймо белого офицера в 1921 году ничего хорошего не сулило, тут она разделяла опасения пасынка Е. П. Кареевой. Но она понимала и другое — без документов сейчас долго не прожить, нужно срочно что-то предпринять. Она постаралась успокоить Елену Петровну, обещая обязательно что-нибудь придумать.

Через несколько дней В. Г. Тучапская пришла к Елене Петровне, когда Нина уже спала, и принесла документы на имя Юрия Васильевича Кондратюка, объяснив их происхождение.

Была Вера Григорьевна Тучапская в те годы педагогом, работала в одной из первых советских школ Киева. Там же, в киевской совшколе № 50, преподавал словесность ее товарищ, мягкий, добрый и интеллигентный человек — Владимир Васильевич Кондратюк. Сравнительно недавно он похоронил в Киеве своего брата, Юрия Васильевича, который был на три года младше Александра Шаргея. В. Г. Тучапская решила

использовать для спасения Саши Шаргея документы скончавшегося брата Владимира Васильевича. Но согласится ли он? В разговоре тет-а-тет, на который она его вызвала, рассказала ему все, что знала от Елены Петровны, и высказала свою просьбу. Владимир Васильевич, подумав, согласился и вскоре принес документы, оставшиеся от брата. Договорившись держать все это в строжайшем секрете, они разошлись.

Что это были за документы? Нина Игнатьевна впоследствии вспоминала, что, «кажется, по словам матери, это было какое-то профсоюзное удостоверение». Кроме чужого имени, Александр Шаргей имел теперь отличный от собственного год рождения — 1900-й и место рождения — город Луцк. Больше он почти ничего от чужой биографии не взял, но и этого было достаточно, чтобы впоследствии основательно запутать своих биографов. Следы биографии Юрия (Георгия) Васильевича Кондратюка, действительно родившегося в Луцке в 1900 году и там же учившегося, терялись уже в детстве: в Полтавской гимназии, как указывал в анкетах А. И. Шаргей — Кондратюк, подлинный обладатель его второй фамилии, никогда не учился. В Киеве в 1918 году он учился на первом курсе университета и жил на Брустиевской улице — это последнее, что о нем было известно, кроме еще, разумеется, кончины, где-то, очевидно, вскоре последовавшей после тяжелой болезни.

Нина Шаргей училась в киевской школе № 50, ее учителями были и Вера Григорьевна Тучапская и — уже после 1921 года — Владимир Васильевич Кондратюк. С ним она сохранила добрые отношения, в последний раз видела его в Киеве во время фашистской оккупации. Веру Григорьевну Нина Игнатьевна навещала с матерью в Доме ветеранов революции в Детском селе — это было в тридцатые годы. Долгое время Нина Игнатьевна ничего не знала о переданных брату документах, лишь много лет спустя ей все рассказала мать, взяв с нее клятву, что она никогда и никому не откроет эту тайну — тайну чужого имени, которое стал носить ее ставший впоследствии знаменитым брат.

Когда документы передали Александру Шаргею, он сразу же использовал их для того, чтобы «перейти на легальное положение». С мельницы ушел работать на маслособойню, а оттуда — на сахарный завод.

19 ноября 1921 года он встал на воинский учет в Маловисковском волисполкоме как Юрий Васильевич

Кондратюк, уроженец Луцка, 1900 года рождения*. Теперь он ни от кого не прятался, но держался настороженно, чувствуя себя неуверенно, к чужому имени привыкнуть долго не мог.

Татьяна Иосифовна Лашинская-Маркевич, племянница-сирота Ивана Андреевича Лашинского и подруга Бориса Арабажина, который помог бежать А. Шаргею и забегал к ней попрощаться в Киеве, вспоминала, что, когда она вместе с дочерьми Ивана Андреевича приехала к дяде в Малую Виску, тот так представил им своего жильца:

— Это наш Юрочка, прошу любить и жаловать. Он хоть и дальний, но наш родич, будет жить вместе с нами. Он очень хороший и большой умница.

---

* Кировоградский областной государственный архив.— Ф. 254.— Оп. 1.— Д. 16.— Л. 1.

Часть II

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

В НОВОЙ СЕМЬЕ

Шмат сала, присланный Сашей, был царским по тем временам подарком и ввел Елену Петровну в заблуждение о жите пасынка в Малой Виске. Сало было выменено Иваном Андреевичем и честно поделено пополам для передачи его дочерям и Елене Петровне с Ниной.

Между тем, питание в Малой Виске тоже было на первых порах довольно скудным. Особенно голодно было в доме Лашинских сразу после приезда дочерей и племянницы — в первую зиму и весну 1921 года. И тогда Саша Шаргей...

Впрочем, пора уже называть его Юрием, как называли теперь все. Только Иван Андреевич иногда сбивался на имя, к которому он привык. Однажды, например, когда они с... Юрием и племянницей Татьяной были в гостях в семье ее будущего мужа, Иван Андреевич, взглянув на темнеющие окна, засобирался домой и произнес:

— Ну что ж, Сашенька, нам, наверное, пора.

Повисла недоуменная тишина — кого это он так назвал, уж не Юру ли Кондратюка?! Почему?

Дядя, как рассказывала потом Татьяна Иосифовна, заметил свою оплошность и нашелся:

— Когда он был маленьким, — сказал Иван Андреевич, встав из-за стола и положив руку на плечо «Юрия», — то очень был похож на девочку. И мы часто называли его Сашенькой, а иногда и Аленкой.

Это неуклюжее объяснение, однако, не вызвало ни-

каких подозрений, а Иван Андреевич с тех пор стал следить за собой и больше не сбивался.

Но вернемся к голоду. Юрий, тогда еще работавший в ночную смену на мельнице, ставил ночью у зернофонарь. В мороз на свет прилетало множество воробьев, которых он отлавливал. Иногда этим занимались вместе с Иваном Андреевичем — отлавливали воробьев прямо руками и приносили утром домой штук 40—50. «Вся семья усаживалась скубти и потрошить воробьев. И у нас тогда считался богатый обед», — вспоминала Татьяна Иосифовна.

О семье И. А. Лашинского следует сказать особо, так как, объявив Юрия «родичем, хоть и дальним», он тем самым принял его в свою семью на правах родного. Девочки считали его старшим братом, он относился к ним с нежностью, долго потом помогал материально своим названным сестренкам.

Иван Андреевич был старшим из трех братьев Лашинских — кроме него в семье были Михаил и Иосиф. Михаил со своей семьей жил в 20 верстах от Ровно, неподалеку жил и Иосиф Андреевич, отец Татьяны Иосифовны. Женами всех трех братьев были три родные сестры, из-за этого двойного родства семьи жили дружно.

В молодости Иван Андреевич был военным, офицером. Родился он в 1860 году, то есть на 37 лет раньше Шаргея — Кондратюка. С первой женой Иван Андреевич прожил всего лишь три года, как она скончалась. Недолгим был и второй его брак — после смерти второй жены у него остались на руках две дочери — Ольга и Александра. С 8 лет воспитывалась у него в семье и дочь Иосифа Андреевича, рано потерявшая обоих родителей.

Когда они приехали к нему в Малую Виску, племянница Татьяна была уже, что называется, девицей на выданье — она окончила в Киеве гимназию. Вскоре старшая дочь Ивана Андреевича, Ольга, вернулась в Киев, где училась, приезжая к отцу только на каникулы. Младшей, Але, было в то время 7 лет.

Жили Лашинские в Малой Виске поначалу — более чем бедно. Мебель — топчаны и скамейки — сколотил Юрий, поскольку ни кроватей, ни столов, ни стульев не было. Верный своим привычкам, он спал на топчане в сшитом самим спальном мешке. Вещей у него никаких не было, одет он был до того худо, что замерзал не только зимой, но и весной. Работая на сахарном заво-

де, заразился тифом, болел долго, но крепкий организм все же выдержал. Встревоженные Лашинские навещали Юрия в заводской больнице, приносили еду, но когда он поправился и появился дома, то поразил их своим видом — это был в полном смысле слова скелет, обтянутый кожей (он и прежде был очень худым).

От неправильного обмена веществ в организме, вызванного скудным питанием, Юрий вскоре снова вынужден был лечь в заводскую больницу — на сей раз с сильным фурункулезом. Выдержал и это, начал поправляться.

Весной Лашинские посадили вместе с Юрием возле дома огород. Иван Андреевич одолжил двух кур-наседок, появились свои яйца, куры. Соседская свинья опоросилась таким количеством поросят, что двум не хватило сосков — их отдали Лашинским. Юрий сбегал в аптеку, принес соски, устроил поросят в специально сколоченном ящике, туда же поместил котенка и щенка, которых принесла Аля. Все четыре малыша вместе спали там, Юра кормил их из сосок, а потом хохотал, наблюдая за их играми.

Жить стало сытнее, и он не преминул при малейшей возможности поддержать продуктами своих киевских родных. Отправить посылку по почте тогда было нельзя, приходилось пользоваться услугами нарочных. Когда кто-нибудь из заводских ехал в Киев, Юрий упрашивал взять передачу для Елены Петровны и Нины. Брали ее неохотно — ехали тогда где придется, зачастую — на крыше поезда или на паровозе. Позднее, когда Ю. Кондратюк стал на заводе зарабатывать приличней, он часто посылал в Киев и деньги.

Вначале работал на заводе кочегаром заводской котельной, затем там же стал помощником машиниста. Машинист — бывший революционный матрос Феодосий Семенович Сухомлин, приглядываясь к своему помощнику, отметил его смекалку и рационализаторскую жилку. Сам Ф. С. Сухомлин имел большой опыт работы в котельной — был машинистом на линкоре «Ростислав», прежде чем попал сюда. Но о многом из того, что предлагал новичок, едва освоившись в «паровичной» с закрепленным за ним котлом № 16 фирмы «Ферберн» и другими агрегатами, Сухомлин и сам слышал впервые. Результаты внедрения предложений помощника машиниста говорили о природном изобретательском таланте новичка. Он внедрил, сам и разработав, и сконструировав, механические приспособления для очистки

топок от золы, придумал способы мощной продувки дымовых труб, дымоходов.

Анатолий Владимирович Даценко приводит в своей брошюре «Жизнь в творческом горении» (Киев, 1986) эпизод, который вспоминал житель Малой Виски В. И. Белоус:

«У одного из мотористов вышел из строя движок, и все попытки отремонтировать его не давали результатов. Человек опустил руки. Ничего никому не сказав, без лишнего шума, Юрий обстоятельно занялся движком, который, спустя некоторое время, неожиданно для всех извещил о своей вновь обретенной исправности треском при запуске. Благодарная жена отчаявшегося было моториста угостила Юрия Васильевича яйцами и лепешками. В лепешках он обнаружил песок, пришел к хозяйке и отладил ее домашнюю мельницу так, чтобы мука получалась чистой».

Из помощников машиниста его перевели в машинисты, затем он стал техником по реконструкции двигателей, механиком. Денег он получал все больше, но, будучи крайне неприхотлив, изрядную долю отсылал мачехе и сестре в Киев, отдавал Лашинским «на хозяйство», охотно давал многим займы. Часто должники «забывали» вернуть, а он не умел ни спросить с них, ни отказать в следующий раз. Этим, надо сказать, многие бессовестным образом пользовались.

Купить что-либо из одежды в Малой Виске было нелегко, для этого уезжали подальше — в Одессу, в Киев. Юрий одежду «конструировал» себе сам, а шить ему помогала Татьяна Лашинская. Сшили таким образом шапку-ушанку, рубахи-косоворотки. «Юра чертил и кроил, а я шила,— вспоминала Татьяна Иосифовна,— ну и получались такие «шедевры», что люди пугались и лошади шарахались во все стороны. Но Юру это не смущало».

В сочетании с его необычной одеждой поведение Юрия Кондратюка, нередко озадачивающее жителей Малой Виски, прочно закрепило за ним репутацию человека «чокнутого», или по меньшей мере странного. В самом деле, двадцатипятилетний молодой человек не курил, в рот не брал спиртного, чурался женщин, спал в мешке, любил сладкое, все свободное время проводил за книгами или что-то писал, нередко что-то вычерчивал или мастерил из колес и железок.

Порой он был молчалив, замкнут, казался грустным и даже мрачным, а порой бывал весел, бодр, шутил, иг-

рал с девушками в «подкидного» или уезжал на футбольные матчи; болел или сам играл за команду Маловисковского сахарного завода. Любил петь и напевал часто себе под нос что-нибудь соответствующее настроению. Так, возясь с чертежами, пел с начала и до конца «По диким степям Забайкалья», несколько раз повторяя: «...бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах».

А рубя дрова, с придыханиями и паузами для удара топором, пел «жестокый» романс: «Если в душу... сомнение вкрадется... что красавица мне не верна... в наказание весь мир содрогнется... ужаснется и сам сатана!»

Дома он нередко приготавливал сам обед. Когда выпадала его очередь, он часто что-нибудь придумывал необычное, например, одновременно готовил на самоваре обед из трех блюд: чай, перловый суп, который варила в закрепленной проволокой на конфорке самовара кастрюле, и яйца, испеченные в углях самовара.

Татьяна Иосифовна вспоминала и о том, как Юрий несколько дней провел в погребе, давая пищу разговорам о каких-то проводимых им там экспериментах. Разъяснение этих его «экспериментов» до смешного просто:

«Нас пригласили в семью мужа под Новый год,— вспоминает Татьяна Иосифовна.— Брат мужа жил и работал на заводе много лет с семьей и, конечно, имел хозяйство. И с питанием у них было хорошо. Так вот, нас угостили чаем с бисквитом. Когда мы пришли домой, Юра сказал: «Вот питательная штука. Ты умеешь такую печь?» Я ответила: «Нет». Тогда он сказал: «Попроси рецепт. Мы напечем и передадим сестренке в Киев». Я взяла, рассказала Юре рецепт на 10 желтков. Он высчитал на 60. Ввиду того, что лето было жаркое, а мы пекли бисквит лишь летом, когда смогли приобрести такое количество яиц,— то Юра сидел в погребе и взбивал белки и растирал желтки несколько дней. Отсюда и легенда о погребе».

Он, Юрий Кондратюк, впоследствии признавшийся в собственной склонности к необычным и грандиозным проектам, проявил эту склонность и при создании «грандиозного» бисквита.

Когда к Тане приходили ее подружки-сверстницы, ее названный брат, на которого они с любопытством поглядывали, спешно ретировался: уединялся в другой комнате или уходил в библиотеку. Он, лихо распевавший

о «неверных красавицах», всячески избегал женского общества. А ведь был молод и недурен собой!

Личная жизнь? Нет, он не имел на нее никакого права. И потому, что будущее его было зыбким и неопределенным, так как в любое время тайна его прошлого могла оказаться раскрытой — и что тогда?! И потому, что полностью и властно его подчинило себе Дело, ради которого он жил.

О тайне своего имени, мучившей его, он однажды рассказал Татьяне, когда они были наедине. И она, и дядя, который тоже был посвящен в это, никогда и ни о чем больше его не спрашивали, не возвращались к больной теме, видя, как он переживает свою вынужденную «роль». Татьяна Иосифовна на всю жизнь запомнила тот разговор. И как Юрий мрачно замолчал, рассказав ей все, она тоже, ошарашенная, молчала, а потом он с мукой не сказал, — простонал, уже и не к ней, а к самой своей судьбе, кажется, обращаясь:

— Зачем?! Зачем это было сделано? Я хочу носить свое имя!

Но все шло своим чередом, он был Юрием Кондратюком — и жизнь продолжалась. А цель его жизни оставалась недостигнутой. Быт, минимальный достаток — все это, войдя в свою колею, властно напомнило ему о Деле, к которому он должен был вернуться.

И он вернулся.

ТРЕТЬЯ РУКОПИСЬ

Наполеон Бонапарт однажды изложил свою оригинальную точку зрения на сущность гениальности. «Гений, — сказал он, — состоит в умении отличить трудное от невозможного». Иными словами — то, что обычный человек считает невозможным, гениальный находит способ осуществить, преодолевая при этом препятствия, другим кажущиеся непреодолимыми.

Никто не признавал Ю. В. Кондратюка при жизни гением, а ведь то, что еще в первых своих рукописях он уверенно считал возможным полет к другим планетам, большинство его современников находило пустой фантазией, а те немногие, кто верил в эту идею, как в реальность, ограничивались в основном теоретическими рассуждениями!

В предисловии к своей третьей рукописи Ю. В. Кондратюк писал:

«Автор надеется, что ему удалось представить задачу завоевания Солнечной системы не в виде теоретических основ, развитие которых и практическое применение подлежат науке и технике будущего, а в виде проекта, хотя и не детализированного, но уже с конкретными цифрами, осуществление которого вполне возможно и в настоящее время для нашей современной техники после серии не представляющих каких-либо особых затруднений предварительных экспериментов; осуществление это притом, от предварительных экспериментов начиная и кончая полетом на Луну и Марс, потребовало бы, насколько об этом можно судить заранее, меньшего количества материальных средств, нежели сооружение одного дредноута».

При передаче профессору Б. Н. Воробьеву в 1938 году рукописи сам автор поставил на ней 1920 год. Затем сделал приписку: «Переписана и отредактирована в 1923—1924 годах».

1920 год — время его жизни в Смеле у Радзевичей. 1923—1924 годы — относятся к жизни его в Малой Виске.

В июне 1925 года Ю. В. Кондратюк написал предисловие к рукописи, написанной черными чернилами на больших, нестандартных листах бумаги и, как и первые две рукописи, не имеющей названия. В нем, в частности, он пишет:

«О существовании на ту же тему труда инженера Циолковского автор узнал лишь впоследствии и только недавно имел возможность ознакомиться с частью статьи «Исследования мировых пространств реактивными приборами», помещенной в журнале «Вестник воздухоплавания» за 1911 год. Причем убедился в приоритете инженера Циолковского в разрешении многих основных вопросов».

Можно себе представить, каково было его состояние, когда он читал эту статью, вторая часть которой так и осталась для него тогда недоступной! «Это драма, драма идей!» — мог бы повторить он, если бы знал тогда слова А. Эйнштейна...

Вслед за этим он, тем не менее, готовит свою работу к публикации, впервые называя ее «статьей»: «Из приводимой статьи, однако, не были выброшены параграфы, заведомо уже не представляющие новизны. с одной стороны, чтобы не нарушать цельности изложения...»

«В 1925 году, когда работа уже подходила к концу и когда мне удалось, наконец, разыскать «Вестник воздухоплавания» за 1911 год с частью работы К. Э. Циолковского,— писал Кондратюк в письме Н. А. Рынину,— я, хотя и был отчасти разочарован тем, что основные положения открыты мною вторично, но в то же время с удовольствием увидел, что не только повторил предыдущее исследование, хотя и другими методами, но сделал также и новые важные вклады в теорию полета».

О том, что появилось в третьей рукописи по сравнению с предыдущими, Ю. В. Кондратюк рассказал в том же письме несколькими строками раньше:

«...Во всех главах была проведена более основательная математическая мотивировка, подобран довольно полный химический материал, разработана гл. VIII о сопротивлении атмосферы при отлете, обоснована расчетами возможность благополучного планирующего спуска и сделаны и другие, менее важные дополнения».

Он настаивает на том, что его скоростной метод расчета, то есть исходящий из скоростей и ускорений, а не из работы, как у Циолковского, является «более легким и продуктивным». В этом было отличие его выводов, сделанных иным, чем у Циолковского, методом.

Науку движут иноходцы.
Нелеп им строй,
Как в табун,
Их шаг особый не собьется
От гула ропчущих трибун.
И в самом деле,
Что им ропот? —
Пусть даже свист,
Молчанья грохот! —
У них свой ход,
Свои дороги,
Хотя, как будто,
Те же ноги...

Он шел своей «иноходью», своей дорогой, это вселяло в него уверенность и силу. Но «молчанья грохот» становился для него нестерпимым. Какова фактическая ценность всей его работы? Пора бы узнать об этом, но сделать это можно было единственным способом — опубликовав свой труд. В его положении это означало решиться на многое: поставить на рукописи и тем самым дать труду своей жизни чужое имя, привлечь к себе внимание, в том числе и внимание властей, для него опасное, что, быть может, закончится раскрытием об-

мана и его наказанием, вероятно, суровым... Да, нужно было решиться. И он решился, потому что другого выхода для себя не видел.

КОЕ-ЧТО О ХАРАКТЕРЕ ГЕРОЯ

Дисциплина ученого заключается в том, что он посвящает себя поискам истины. Эта дисциплина порождает желание идти на любые жертвы — будь то жертвы материальные, моральные или даже в крайнем (хотя и не беспрецедентном) случае жертва собственной безопасностью. По большей части это внутренняя дисциплина, которая зависит прежде всего от того, как ученый относится к науке, и не от внешних обстоятельств, в которых протекает его научная работа.

Норберт Винер

Произнеся слово «гений», попробуем дерзнуть хотя бы отчасти истолковать его природу, в противном случае нам пришлось бы лишь с почтением взирать на него, не пытаясь проникнуть в его сущность, понять особенность.

Гения судят по достойным его делам. Возьмем лишь одно, наиболее показательное из сделанного Ю. В. Кондратьюком, — создание проекта полета на Луну и другие планеты Солнечной системы. Мы знаем, что в наше время человечество осуществило такие полеты и с благодарностью вспомнило при этом имя Ю. В. Кондратьюка. Мы знаем теперь, что он писал еще в 1919 году, что такой полет осуществим. Верил, «достигнув в 1917 году первых положительных результатов».

Но веру в космический полет можно высказать в различной форме. Например, в такой:

И будут быстры корабли,
Что полетят от мира к миру
В волнах межзвездного эфира
Гонцами легкими Земли.

Это четверостишие взято из стихотворения «Звездному брату», написанного в 1918 году поэтом из Владивостока Александром Ярославским. Стихи, вошедшие в книгу «Звездный манифест», были написаны в стенах тюрьмы, куда его бросили интервенты за революционную агитацию. Удивляет в этих стихах и провидческая

Саша Шаргей с воспитавшими его бабушкой Екатериной Кирилловной
и дедушкой Акимом Никитичем Даценко.
1910 год

**Отец Саши —
Игнатий Беведиктович
Шаргей**

**Здание второй Полтавской мужской гимназии,
где учился А. И. Шаргей**

Александр Шаргей
гимназист

Первая
страница рукописи
В. Кондратюка
А. И. Шаргея
«Тем, кто будет
читать,
чтобы строить»

Тем, кто Судеи
читает много сиротам,
Против всего, много вопреки
это лучше сами по себе не
лучше все и не отклоняет от
идеи о возможности осуществления
все более твердо полагаясь, что
в теоретический смысле
идеи не редки в мировой
просветительский смысл удовлетворения
невыполнимая ~~идея~~ идея идея
идеализма.

1918-1919 г.
5-38 de Konstantin

**Иван Андреевич
Лашинский —
человек,
принявший А. И. Шаргея
Ю. В. Кондратьюка
в Малой Виске**

**Станция Крыловская, где была завершена рукопись книги
«Завоевание межпланетных пространств»**

В рабочем бушлате.
Снимок сделан в годы работы Ю. В. Кондратюка в Эльхотово.
Позднее этот снимок был подарен К. Э Циолковскому
и приложен к письму профессору Н. А. Рынину,
который опубликовал его в своей книге в 1932 году

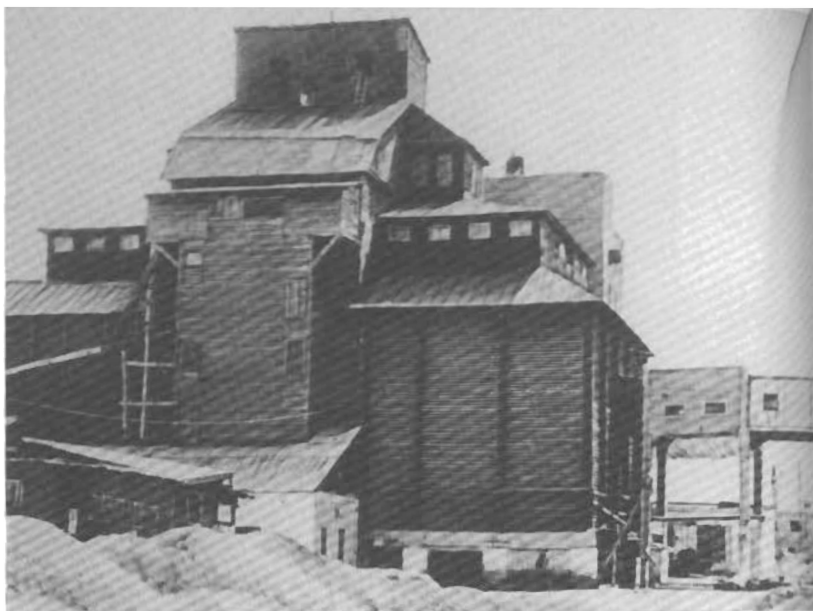
Новосибирск, 30-е годы:
здание кинотеатра «Совкино», не сохранилось (фото вверх);
проспект Сталина, ныне улица Ленина (фото внизу)

Ю. В. Кондратюк — механик сибирских элеваторов

Один из элеваторов «сибирского типа» - рубленый элеватор из круглого леса в Камне-на-Оби, построенный по проекту Ю. В. Кондратюка

Крупнейший в мире деревянный склад-зернохранилище («мастодонт») на Каменском хлебоприемном пункте, построенный по проекту и под руководством Ю. В. Кондратюка

Транспортная галерея-эстакада, связавшая хлебоприемный пункт с разгружающимися на пристани Камня-на-Оби баржами с хлебом.
Построена по проекту Ю. В. Кондратюка

Памятная доска на доме в Камне-на-Оби,
где жил и работал Ю. В. Кондратюк

Обложки первого (авторского) и второго издания книги Ю. В. Кондратюка «Завоевание межпланетных пространств»

Новосибирск Типография по улице Советская, 6, где была издана в 1929 году книга Ю. В. Кондратюка «Завоевание межпланетных пространств»

Юр. КОНДРАТЮК
Льбт любови, инициатива и энергия
Всегда стремятся занять место на
передовых позициях в борьбе за
обладание силами природы.

ЗАВОЕВАНИЕ МЕЖПЛАНЕТНЫХ ПРОСТРАНСТВ

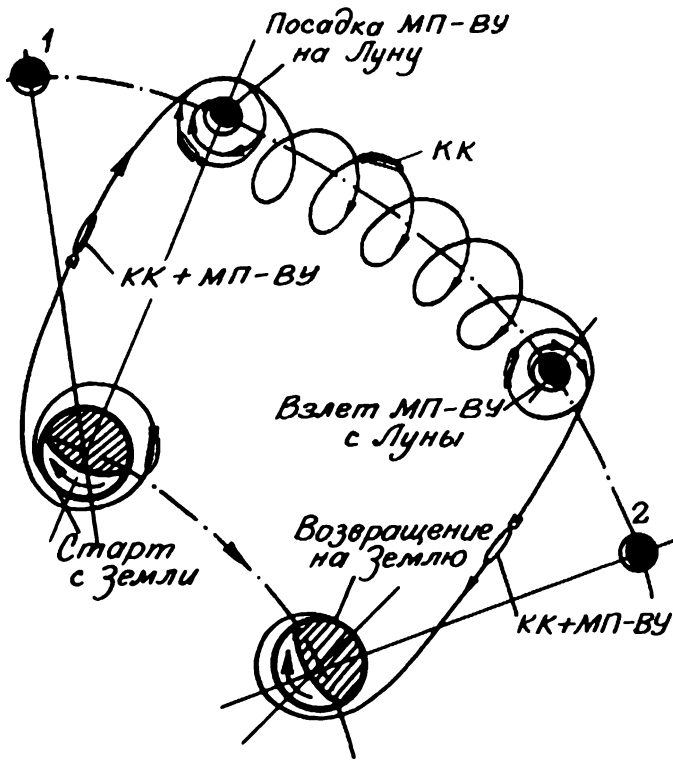
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ.
В. П. ВЕТЧИНКИНА

Многоуважаемому Борису Ники-
тичу от автора на память о
скрещении дорог и в области
завоевания межпланетных
пространств и в области
обладания будущими основами
энергетики на земле — энер-
гией ветра.

2/III 38. 7. Москва М. Воробьеву

ИЗДАНИЕ АВТОРА
НОВОСИБИРСК, ул. Державина, 7
1929

Автограф Ю. В. Кондратюка
на титульном листе первого издания книги,
подаренной Б. Н. Воробьеву 2 июля 1938 года

1 - Луна во время старта КК с Земли

2 - Луна во время возвращения КК на Землю

Трасса полета к Луне, разработанная Ю. В. Кондратьюком.
 Вариант полета Земля - Луна, - Земля
 с использованием малого посадочного взлетного устройства (МПВУ),
 отделяющегося от космического корабля (КК)

**ПОГАШЕНИЕ СКОРОСТИ ВОЗВРАТА
СОПРОТИВЛЕНИЕМ АТМОСФЕРЫ.**

При возвращении на Землю нам придется уменьшить скорость ракеты до нуля, — сопротивление атмосферы, следовательно, будет все время действовать в нашу пользу, и наша задача лишь возможно лучше использовать это сопротивление и не дать ракете сгореть от движения в атмосфере.

ДАННЫЕ РАКЕТЫ. Основные обозначения.

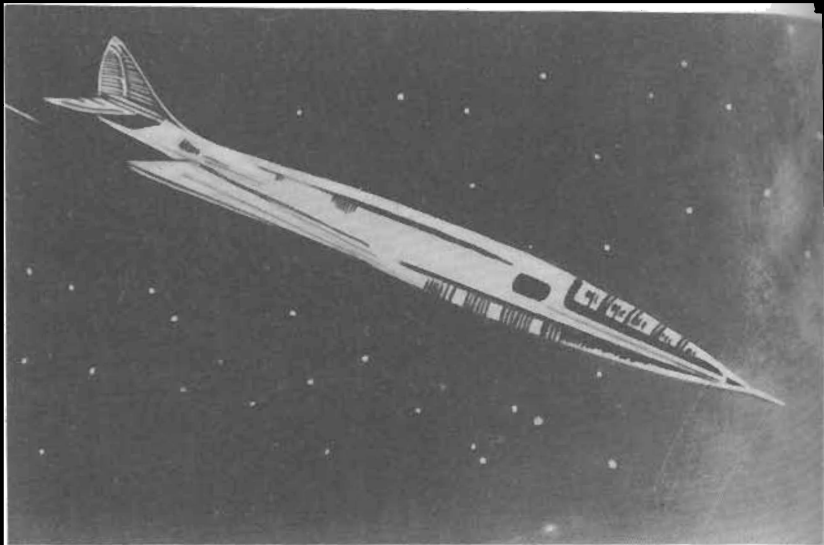
Механическое определение ракеты, как реактивного прибора, таково: — снаряд, который, последовательно отбрасывая с некоторой скоростью частицы своей массы, сам развивает скорость в противоположном направлении за счет их реактивного действия. Примем следующие термины и обозначения, касающиеся ракеты, как таковой:

« M » — масса ракеты в данный момент,
 « M_0 » — начальная,
 « M_k » — в момент окончания ее функционирования,
 « M_{i0} » — как таковой — «конечная масса»,
 « M_{ik} » — в момент прохождения ею начальной точки данного участка (i) ее траектории,
 « M_{i0} » — в момент прохождения ею конечной точки данного участка (i) ее траектории.

«Выделение» — совокупность частиц, отбрасываемых ракетой, реакция которых и сообщает ракете скорость.

« u » — «скорость выделения» — скорость отбрасываемых частиц относительно ракеты в тот момент, когда они начинают двигаться независимо от нее, если не считать практически ничтожной силы тяготения к ракете. Мы будем полагать, что в течение каждого данного промежутка времени « u » постоянна. Если различные частицы выделения, из отбрасываемых одновременно, обладают различными скоростями при отделении от ракеты, то за « u » мы будем принимать такую среднюю скорость, которая могла бы заменить собою все действительные различные скорости частиц, не изменив суммы их реактивного действия на ракету: это будет скорость центра тяжести выделения за бесконечно малый промежуток времени, равная:

медленно
 (1/2 часа) и, в...

Ракета с крыльями или досадочный планер -
одно из гениальных предвидений Ю. В. Кондратюка

Новосибирск, 30-е годы:
жилой квартал «Кузбассуголь» на Красном проспекте

Таким вошел Ю. В. Кондратьев
в историю отечественной и мировой науки и техники,
заложив основы теории и практики современной космонавтики

Новосибирск, 30-е годы:
начало Красного проспекта (фото сверху);
главная площадь города (фото внизу)

определенность, и слово «корабли», быть может, впервые по отношению к будущим космическим кораблям, примененное.

И все же — это только стихи. Идея, если можно так выразиться, в голом виде. По ним не вычертишь ни точную траекторию полета, ни конструкцию космического корабля.

Мы уже читали о том, что «Из пушки на Луну» Жюль Верна и описания техники прилетевших на Землю марсиан Герберта Уэллса «не произвели» на Ю. В. Кондратюка особого впечатления из-за их явной для него научно-технической несостоятельности.

Означало ли все это, что Ю. Кондратюк не был ни поэтом, ни фантастом по складу своего ума и характера? Нет, и то, и другое было ему не чуждо. Скорее, даже — наоборот.

Есть свидетельство очевидца, из которого явствует, что Кондратюк не только любил поэзию, но и способен был писать стихи сам:

«Мы собрались у Лашинских в один зимний траурный вечер 1924 года, когда вся наша страна расставалась с В. И. Лениным, — вспоминал, по свидетельству А. В. Даценко, старожил Малой Виски Н. П. Луговой. — Было гнетущее настроение. И вот Юра прочел свое стихотворение под заглавием «Тяжелая утрата». Я уверен, что, если бы он послал его в какую-либо редакцию, оно было бы напечатано...»

Знавшая Ю. В. Кондратюка в уже зрелые годы, Зоя Матвеевна Ценина свидетельствовала, что он «хорошо знал творения Пушкина и Бальзака, Репина и Бетховена, преклонялся перед талантом Леонардо да Винчи и Льва Толстого».

Эварист Галуа, гениальный математик XIX века, убитый в 20 лет на дуэли и оставивший в ночь перед дуэлью человечеству основы современной алгебры, был революционером. Политика, революционная борьба увлекала его больше, чем математика, во всяком случае — не меньше.

Юрий Кондратюк был ученым, мыслителем по природе своего таланта. Он рано осознал свое призвание и подчинил ему всю оставшуюся жизнь, стараясь не расплываться на все остальное, существующее вокруг него, к чему он, быть может, также был способен.

Раннее и мощное развитие научного склада ума — можно сравнить с известными примерами: Норберт Винер овладел элементами высшей математики в 14 лет,

Альберт Эйнштейн — в 16, Лев Ландау в 12 лет умел дифференцировать, а в 13 — интегрировать. Кондратюк освоил элементы высшей математики в 16 лет, но помимо чисто математически-логических и абстрактно-умозрительных решений имел к тому времени целый перечень «изобретений», исследований и разработок.

Д. К. Максвелл в своем докладе «О соотношении физики и математики» сказал, что существуют такие люди, которые всецело могут быть поглощены эстетикой чистых математических величин. Кондратюка абстрактные математические теории перестали интересовать довольно рано. У него был практический склад научного мышления. Дерзким воображением ставя себе задачи из ряда кажущихся человечеству невыполнимыми, он с азартом первооткрывателя отделял в них трудное от невозможного, то есть, говоря словами Наполеона, проявлял гениальность. Облекая выделенные им идеи «трудных» задач (он, например, не занимался полетами за пределы Солнечной системы, считая их на данном этапе выходящими за пределы разумного и возможного) математическими расчетами и решением частных проблем, Кондратюк, по существу, создавал мир новой человеческой науки, тесно связанной с реальными и грандиозными проектами «завоевания межпланетных пространств». Науки, втянувшей в свою орбиту физику и математику, химию и биологию, проблемы которых он решал в тесной связи с новой, предлагаемой им человечеству, деятельностью.

Он видел пользу своей работы в ее реализации не в отдаленном будущем, как это случилось, а в ближайшем. Был ли он наивен, утверждая, что межпланетный полет можно осуществить еще в двадцатые годы? Чтобы уверенно судить о его правоте или неправоте, нужно было уже тогда проверить реальность его предложений, как выяснилось впоследствии, вполне реальных при нынешнем развитии техники. Александр Гумбольдт говорил, что «долг каждого человека — занять в жизни такое место, которое позволит ему наилучшим образом служить своему поколению». Подчеркнем — своему. В служении наилучшим образом своему поколению видел свой долг и призвание Ю. В. Кондратюк.

... И он не мог, не желал ждать. Перепечатав на машинке свою маловидавскую рукопись и озаглавив ее после некоторых раздумий попроще — «О межпланет-

ных полетах», он решает сам отвезти свой труд в Москву, в издательство.

Одновременно принимает решение сменить место жительства, навсегда оставив Малую Виску, где он, Александр Игнатьевич Шаргей, стал Юрием Васильевичем Кондратюком.

17 августа 1925 года в Кировоградском военкомате появилась запись о том, что Юрий Васильевич Кондратюк, рядовой запаса, снят с воинского учета в связи с переменой места жительства. Ему исполнилось 28 лет, по документам же Кондратюка — 25...

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ МАРАФОН

Хватит ли сил у тебя
вести тяжелейшую битву,
Разум и сердце твои,
чувства и мысль примирить?
Ф. Шиллер

Для него стало привычной потребностью заезжать по дороге к родным. Но в Полтаве уже не было в живых ни бабушки, ни дедушки, ни их сына Владимира Акимовича, уехал Саша маленький, одиннадцатилетний его брат Толя Даценко жил с матерью — второй женой отца — Марией Ивановной.

Кондратюк решил заехать только в Киев. Но и там, остановившись на сутки, боялся причинить родным неприятности — Елена Петровна при муже называла его Юрой. В комнатке их, где они жили тогда вдвоем, было тесно. Юрий отправился ночевать к знакомым махачи — Кистяковским, ночь провел в комнате с будущим профессором Киевского университета, а тогда молодым человеком, Сашей Кистяковским. Александр Богданович поделился позднее с Анатолием Владимировичем Даценко воспоминаниями о той восхитившей его встрече. Гость познакомил его со своей работой, «и юношу-хозяина более всего поразил «контраст между космическим полетом и ручным трудом», с помощью которого предлагалось производить измельчение опорожненных топливных баков ракеты для использования их материала как горючего».

Речь шла, очевидно, о замечательном предложении Кондратюка употреблять как топливо для двигателей некоторые металлы и металлоиды, их водородные соединения. Тогда оно только начинало оформляться —

как идея сжигания в качестве топлива промежуточных ступеней.

И вот Ю. В. Кондратюк — в столице. Где он жил в Москве в тот приезд — осталось неизвестным. Уезжая из Малой Виски совсем, он еще не обрел ни нового места работы, ни нового адреса. В Госиздате (ГИЗе) его выслушали, труд смотреть не стали, порекомендовали обратиться в Главнауку, сопроводив рукопись данными о себе.

Он решил сначала «обзавестись» такими данными: ходил, присматривая работу, но вскоре понял, что это — безнадежное занятие. В одном месте, услышав, что он работал на мельнице, посоветовали обратиться в акционерное общество «Хлебопродукт». Там предложили поехать на станцию Крыловская Владикавказской железной дороги и устроиться механиком на элеватор «Хлебопродукта». Кондратюк согласился, получил подъемные и, написав на рукописи новый свой адрес, отнес ее в Главнауку. Это было ведомство, руководящее работой академий и НИИ, научных обществ, издательств, библиотек и т. д., с широким кругом как подведомственных отраслей, так и полномочий.

Научные библиотеки — в этом Юрий Васильевич уже успел убедиться, просиживая в них все свободное время, — были богаты, нужную литературу было легко найти, выдавали ее сравнительно быстро. Если бы так же работали и остальные подразделения Главного управления научных, научно-художественных и музыкальных учреждений при Наркомпросе СССР, сокращенно называемого Главнаукой, то ответ пришлось бы ждать недолго. Но секретарь, принявший от него рукопись под расписку, аккуратно ставя в журнале регистраций входящий номер, объяснил, что ее направят на отзыв крупному специалисту в данной области, с ней познакомятся и другие работники Главнауки. И только в том случае, если рукопись все одобрят, тогда... С тем Кондратюк и ушел. Шла уже осень — похолодало. В тот же день он уехал к месту нового своего назначения на Северный Кавказ.

Владимир Панфилович Лавров, помощник механика, приютил нового механика Крыловского элеватора на первых порах у себя. Кондратюк быстро освоил новую работу и, приглядевшись к механизмам элеватора, сделал ряд усовершенствований, позволивших значительно механизировать и облегчить работу. Уже в январе 1926 года он подал четыре заявки на изобретения в об-

ласти элеваторной техники, в апреле — еще три заявки, в августе — еще одну! Все они были внедрены на Крыловском элеваторе, а по трем из них Юрию Васильевичу выдали патенты на изобретения.

Его могучий талант изобретателя буквально заполнил старое элеваторное хозяйство лавиной технических новинок. Он предлагает и внедряет, чаще всего собственноручно изготавливая, нужные приспособления: оригинальной конструкции полиспаг — устройство, напоминающее лебедку и состоящее из системы подвижных и неподвижных блоков, с помощью его значительно облегчалась подкатка вагонов для погрузки, выполняемая прежде вручную; приспособление для автоматического прекращения движения транспортера при заполнении приемной камеры; регулятор подачи зерна на ленточный транспортер; приемную коробку к ленточному транспортеру, автоматически регулируемую равномерную подачу зерна к норрии; приспособление для устранения переполнения ковшей в норриях; счетчик к автоматическим весам на элеваторах; пульт управления технологическими операциями на элеваторе, с помощью которого включались те или иные процессы; устройство для отбрасывания зерна к задним стенкам вагона...

Получив, например, патент на последнее изобретение, Кондратюк стал размышлять над еще более совершенным. В чем была суть проблемы? Вагоны загружались зерном из выпускной трубы элеватора через двери. При этом, чтобы заполнить весь вагон, приходилось вручную «отлопачивать» зерно от дверей к задним стенкам. Юрий Васильевич изготовил приспособление к выпускной трубе элеватора в виде крыльчатого колеса, заключенного в кожух, при вращении своим отбрасывающим зерно к задним стенкам вагона. При этом створчатое дно, на пружине подвешенное к кожуху, придавало потоку зерна нужное направление.

Однако созданное приспособление его не удовлетворило. Зерно отбрасывалось им недостаточно далеко, так как, при трении со створчатым дном, скорость его гасилась. И через несколько месяцев после первого он изобретает другой вид отбрасывателя, принципиально иной. На конце выпускной трубы элеватора он помещает теперь короткий ленточный транспортер на барабанах. Скорость движущейся ленты обеспечивала сильный отброс падающего на нее зерна, а высота и дальность полета отбрасываемого зерна легко регулировалась изменением угла наклона транспортера.

Владимир Панфилович Лавров, помощник механика, как и другие работники элеватора, привык видеть своего «шефа» в неизменной брезентовой робе, вечно возящегося с какими-то механизмами, перепачканного, запыленного. Он рад был и такому механику, и такому жильцу, но при его семействе Кондратюку в доме Лаврова было тесновато, и вскоре Юрий Васильевич снял себе комнату в доме П. Ф. Варваровой на Рабочей улице.

— Пришла я однажды домой,— вспоминала спустя многие годы Варвара Владимировна Самодова, тогда шестнадцатилетняя Варенька Варварова,— и увидела незнакомого, несколько странного человека. Мама сказала, что это наш квартирант — Юрий Васильевич. И представила меня. Он очень быстро и как-то просто вошел в нашу семью. После работы из дому никуда не уходил, а если уходил, то в библиотеку или на почту и скоро возвращался. После обеда чаще всего садился к своему столу, что-то писал, чертил. Но бывало — за обедом или ужином вдруг срывался с места и широкими шагами ходил по комнате, щелкая пальцами и теребя волосы. Брови у него сдвигались, глаза щурились, темнели. Потом бросался к столу, что-то вновь быстро писал, вычерчивал...

И Вареньке, и ее младшей сестре Асе Варваровой их квартирант казался довольно странным человеком: спал не на кровати, а в теплом длинном мешке, ходил всюду в брезентовом костюме, хотя получал приличную зарплату, да и премии за изобретения были немаленькие. Но вместо того, чтобы купить себе приличный костюм и теплое пальто, Юрий Васильевич мгновенно рассылал львиную долю своих заработков родным, друзьям в Малую Виску и в Киев... Как и в Малой Виске, в Крыловской оказалось немало охотников брать у него взаймы, часто без отдачи...

Он много внимания уделял, отдыхая, девочкам, помогал им делать уроки, объясняя непонятное, учил играть в шахматы, читал им вслух, увлеченно рассказывал о звездах и планетах, показывая их на ночном небосводе.

Однажды у Владимира Панфиловича во время его дежурства на элеваторе случилась крупная неприятность, которая в то время могла обернуться для него серьезной бедой. Она казалась непоправимой — с элеваторного громоотвода кто-то срезал обязательно полагающийся по нормам грозозащиты золоченый наконец

ник. Узнав об этом, Кондратюк бросился домой к Лаврову и мгновенно нашел выход: взяв у его жены золотое обручальное кольцо, он расплавил его в тигле и вместе с Владимиром Панфиловичем вновь изготовил золоченый наконечник громоотвода. Поистине, отвел удар от семьи своего помощника!

А чему были посвящены вспышки его вдохновенного труда, о которых рассказала Варвара Владимировна? Не только изобретениям в области элеваторной техники!

Много позже, готовя к изданию свою работу, Ю. В. Кондратюк указал в предисловии, что намеренно не включает в публикацию две написанные им главы. Почему? Ответ он дал такой:

«В 1921 году я пришел к весьма неожиданному решению вопроса об оборудовании постоянной линии сообщения с Землей в пространство и обратно, для осуществления которой применение такой ракеты, как рассматривается в этой книге, необходимо только один раз. В 1926 году я пришел к аналогичному разрешению вопроса о развитии ракетой начальной — 1500—2000 м/сек — скорости ее улета без применения грандиозного артиллерийского орудия — тоннеля, или сверхмощных двигателей, или вообще каких-либо гигантских сооружений. Указанные главы не вошли в книгу: они слишком близки уже к рабочему проекту овладения мировыми пространствами — слишком близко для того, чтобы их можно публиковать, не зная заранее, кто и как этими данными воспользуется».

Что же это за «весьма неожиданное решение вопроса об оборудовании постоянной линии сообщения с Землей в пространство и обратно, для осуществления которой применение... ракеты... необходимо только один раз»?

Главы, о которых пишет Кондратюк, видимо, утеряны навсегда. Но даже по этому краткому описанию им своей идеи можно сделать интересное предположение. Существует идея космического лифта, с которой 31-июля 1960 года выступил в «Комсомольской правде» тридцатилетний аспирант Ленинградского технологического института имени Ленсовета Юрий Николаевич Арцутанов. Его статья называлась «В космос на электровозе». В 1965 году в Ленинграде вышла книга В. Петрова и П. Юревича «Фантастика или реальность?», посвященная идее Ю. Арцутанова. А в 1966 году о приоритете на эту идею заявили четверо американских

ученых: Джон Д. Айзекс, А. Дайн, Х. Брэднер и Д. Бэчус в статье «Удлинение спутника с превращением его в «небесный крюк», опубликованной журналом «Сайнс». В защиту первенства СССР в идее создания космической подъемной машины нового типа выступил научный публицист Владимир Львов — тот самый, со статьи которого о Ю. В. Кондратюке в «Комсомольской правде» начался мой поиск материалов о жизни и деятельности ученого. В его книге «Молодая вселенная» (Лениздат, 1969) была помещена глава «Лифт в небо», рассказывающая и о сути космического лифта, и о приоритете на идею о нем Ю. Арцутанова. Журнал «Сайнс» полностью перепечатал его выступление, и американские ученые — авторы космического лифта — на страницах этого же журнала признали приоритет советских ученых.

Идея космического лифта подробно излагается Владимиром Львовым в его книге, и интересующихся ею горячо советую ее прочитать. Коротко же говоря, она сводится к использованию «стационарного» спутника, то есть искусственного спутника планеты, полный оборот которого вокруг нее полностью совпадает с периодом ее вращения. Такой спутник постоянно находится над одной и той же точкой планеты. Предлагается оборудовать «лифт» между планетой и таким спутником, постоянную жесткую связь, по которой можно будет без ракеты выводить на его траекторию большое количество грузов.

«Когда именно созреет техническая возможность для космических лифтов, пока сказать трудно, — пишет В. Львов, — в нашу эпоху, во всяком случае, не приходится зарекаться насчет сроков, и отнюдь не исключено, что проектом займутся вплотную еще до конца столетия. Ясно одно. Перед нами — величайшей важности принципиальный шаг, второй после ракеты Циолковского теоретический вклад в технику космического транспорта».

Не этот ли, важнейший, шаг был сделан Ю. В. Кондратюком в двух так и не опубликованных им из осторожности главах?

В апреле 1926 года он, наконец, получил пакет из Москвы, из Главнауки. Тут же, на почте, он вскрыл его. Здесь оказался отзыв на его работу. Кондратюк читал, и волна радости поднималась в нем по мере прочтения:

«Отзыв инженера-механика В. П. Ветчинкина⁶ на

статью Ю. Кондратюка «О межпланетных путешествиях».

«В предисловии автор статьи указывает, что ему так и не удалось ознакомиться с достижениями иностранных ученых в этой области, не удалось даже достать основных работ Циолковского. Но это не помешало Ю. В. Кондратюку получить результаты, достигнутые всеми исследователями межпланетных путешествий в совокупности, что следует считать очень важной заслугой.

В то же время совершенно оригинальный язык автора статьи и необычные для ученых выражения и обозначения дают основание полагать, что автор является самоучкой, изучившим дома основы математики, механики, физики и химии.

Оба указанные обстоятельства убеждают в том, что механик Ю. Кондратюк представляет из себя крупный талант (типа Ф. А. Семенова, К. Э. Циолковского или А. Г. Уфимцева), заброшенный в медвежий угол и не имеющий возможности применить свои способности на надлежащем месте.

Переходим к самой работе...

(Опустим здесь подробный анализ работы В. П. Ветчинкиным, давшим автору ряд дельных советов и замечаний.— А. Р.)

Работу тов. Кондратюка можно напечатать и в том виде, какой она имеет сейчас. В дальнейшем можно было бы соединить его работу с работой других авторов по тому же вопросу (К. Э. Циолковский, Ф. А. Цандер⁷, я и, вероятно, еще и другие) с тем, чтобы издать хороший коллективный труд; но такая книга не может быть написана быстро, и ради сохранения приоритета за СССР не следует откладывать печатания готового труда из-за возможного написания нового, более хорошего...

Кроме напечатания работы тов. Кондратюка, самого его следует (в случае его согласия) перевести на службу в Москву, ближе к научным центрам; здесь его таланты могут быть использованы во много раз лучше, чем на хлебном элеваторе, здесь и сам Кондратюк мог бы продолжать свое самообразование и работать плодотворно в избранной им области. Такие крупные таланты-самородки чрезвычайно редки, и оставление их без внимания с точки зрения государства было бы проявлением высшей расточительности. В. Ветчинкин.

Москва, 12.IV.26 г.»

Рукопись вместе с отзывом В. П. Ветчинкина поступила в Главнауку, где с ней, очевидно, долго знакомились и другие ее работники. Юрий Васильевич, окрыленный отзывом Ветчинкина, с нетерпением ждал результатов.

17 октября 1926 года — через полгода после отзыва В. П. Ветчинкина — в газете «Вечерняя Москва» появилась заметка:

«Новый проект межпланетных путешествий. Работы молодого советского ученого.

В Главнауку поступила работа молодого ученого тов. Кондратюка «О межпланетных путешествиях». Автор высказывает в ней ряд мыслей о строительстве и деталях ракеты, предназначенной для межпланетных сообщений.

Ознакомившись с работой, Главнаука признает, что в ней содержится много интересных предложений, являющихся результатом фундаментального изучения автором вопроса.

Однако, по мнению Главнауки, вопрос о создании такой ракеты пока может иметь значение лишь для исследования верхних слоев атмосферы, ультрафиолетового излучения Солнца и др.

Главнаука решила отпустить на издание работы тов. Кондратюка необходимые средства, поручив ее редактирование компетентному ученому.

Одновременно с этим, Главнаука высказывается за создание тов. Кондратюку условий для продолжения работы в этой области».

Между тем, Юрий Васильевич, ожидая вестей из Москвы, не сидел сложа руки. Он упорно работает над окончательным вариантом рукописи и завершает ее. Под строками, впоследствии ставшими последними строками его книги, автор помечает на ней: «Станция Крыловская Владикавказской ж. д., элеватор «Хлебопродукта». Отправив готовую рукопись в Москву, Кондратюк с нетерпением ожидает вестей из столицы об ее издании. Но опубликовать его труд не торопятся.

Через много лет, вспоминая весь изнурительный издательский марафон, который он выдержал, Юрий Васильевич писал в письме профессору Н. А. Рынину:

«В 1925 году я получил отзыв профессора Ветчинкина, прямо ошеломивший меня своей высокой оценкой моей работы (по традиции я от «профессоров» заранее не склонен был ожидать ничего хорошего), и со дня на день стал ожидать ее издания, но последовала основа-

тельная волокита Главнауки и ГИЗа — рассмотрения, пересмотрения, ассигнование денег и отобрание их обратно, протянувшаяся два с половиной года... Главнаука отказала не только в ассигнованных ею ранее небольших деньгах на издание, но даже и в организационной помощи (издать за мой счет в какой-либо из приспособленных для научных целей типографий) — печатать же в журналах я не хотел, не видя возможности сократить свой труд и в то же время не рассчитывая на напечатание полностью».

Следует заметить, что год получения отзыва Ветчинкина Юрий Васильевич здесь указал неправильно — им был 1926, да и профессором В. П. Ветчинкин тогда еще не был, он стал им в 1928 году, но суть дела Кондратюк изложил верно.

После более чем двухлетней волокиты с так и не состоявшимся в Москве изданием его книги интерес Главнауки к Ю. В. Кондратюку и его работе совершенно пропал. Но, несмотря на этот чувствительный удар, Юрий Васильевич продолжал бороться за свое детище. Завязалась его переписка с Владимиром Петровичем Ветчинкиным — единственным человеком, который не потерял в то время веры в необходимость издания работы Кондратюка, всячески ему помогал и поддерживал. Крупный ученый, известный специалист в области аэрогидродинамики, ученик Н. Е. Жуковского, В. П. Ветчинкин и сам разрабатывал проблемы динамики ракетного полета, а потому сразу по достоинству оценил труд Ю. В. Кондратюка. Он вызвался быть редактором его книги, ободрял автора и поощрял его в дальнейшей разработке проблем межпланетного полета, давал дельные предложения по подготовке рукописи к печати. Дело оставалось, казалось, за малым — за издательством, взявшимся бы за публикацию. Но издателей труда Юрия Васильевича все не находилось.

В РАБОЧЕМ БУШЛАТЕ

Как он жил в это время? Его натура жаждала практических дел, реализации грандиозных и необычных проектов, к которым он всегда тяготел. Но перейти от теории космического полета к хотя бы предваряющим этот полет необходимым экспериментам у Кондратюка не было возможности. Оставалось заниматься тем, что предлагала ему его случайная профессия. Случайная? Да, конечно, он не видел в ней никогда своего призва-

ния. Но, став механиком элеваторов, сделал необычайно много, чтобы люди этой профессии запомнили его навсегда.

Он мечтал так автоматизировать всю работу элеватора, чтобы всей его деятельностью мог управлять один человек — с диспетчерского пульта. Ему удалось на Крыловской создать пульт управления технологическими операциями, с которого осуществлялся запуск их работы. Его приглашают участвовать в монтаже оборудования Гречишкинского элеватора — там же, на Кубани, затем предлагают поехать старшим механиком на строительство нового элеватора в Северной Осетии. Строительство его на станции Эльхотово ведется еще неизвестным ему способом, к которому он присматривается с большим интересом — железобетонный корпус элеватора возводится в подвижной опалубке. В октябре 1926 года он переезжает в Эльхотово, а в самом начале следующего года едет в командировку в Сормово, на завод дизельных двигателей. Изучив в короткий срок особенности их конструкции и эксплуатации, Кондратюк, вернувшись в Эльхотово, монтирует электромеханическую часть элеватора, творчески, на ходу придумывая различные усовершенствования, внедряя уже придуманное им в Крыловской.

Старший механик Эльхотовского элеватора внешне мало отличался от обычного рабочего, да и «руководил» он все больше механизмами, чем людьми. Не чурался никакой черной работы — его руки, вечно перепачканные машинным маслом, в ссадинах и мозолях, были золотыми руками мастерового. Его неизменным одеянием на работе и дома был грубый брезентовый бушлат, в котором он явно не соответствовал ни облику «начальника», ни, тем более, ученого.

Сохранилась фотография, на которой он снят дома, в Эльхотово. А впрочем — «его домом» это нельзя назвать, у него на всю оставшуюся жизнь никогда не будет своего дома. Явно не ему принадлежащие — хозяйские фотографии на белой стене за ним. А сам Юрий Васильевич — еще молодой, в канун своего тридцатилетия (подлинного!), смуглый, черноголовый и чернотусый, но еще без появившейся у него позднее бородки, сидит, засунув руки в карманы грубой рабочей блузы-бушлата, и смотрит на нас жгучими черными глазами исподлобья, настроенно. Этому снимку суждено было стать первым опубликованным — еще при жизни Кондратюка — его фотоизображением. Ленинградский уче-

ный в области авиации, ракетной техники и межпланетных сообщений, профессор Николай Алексеевич Рынин, издал в 1928—1932 годах трехтомный труд «Межпланетные сообщения». Для третьего тома в раздел «Теория космического полета» он попросил Юрия Васильевича прислать свою автобиографию. Это произошло уже в 1929 году, после выхода в свет многострадальной книжки Юрия Васильевича. Кондратюк направил Н. А. Рынину большое письмо, приложив к нему фотографию, сделанную в Эльхотово. В 1930 году по просьбе К. Э. Циолковского он также посылает ему свой снимок эльхотовского периода — тот же, что и Н. А. Рынину.

А пока — из Москвы по-прежнему не сообщают ничего конкретного об издании книги, строительство Эльхотовского элеватора завершается, и впереди, очевидно, либо новые стройки, либо возвращение в Крыловскую.

Судьба свела Юрия Васильевича здесь, в Эльхотово, с человеком, который на долгие годы, почти до самого конца жизни Кондратюка, стал его ближайшим доверенным лицом. Об этом человеке существуют разные мнения: от уважительного до самого неприязненного. Столь же противоречиво оценивается и его роль в дальнейшей судьбе Юрия Васильевича Кондратюка. Анатолий Владимирович Даценко пишет, например, что «его положительная роль в творчестве Кондратюка неоспорима». «Возможно,— предполагает Виталий Иванович Севастьянов,— он знал его тайну и умело пользовался ею». «Инженер Горчаков,— считает жена Александра Владимировича Доценко, Людмила Ивановна Спрыгина,— предприимчивый делец, старался использовать Ю. В. Кондратюка в своих целях. Есть основания считать, что из-за Горчакова Ю. В. Кондратюку незадолго пришлось потерпеть перед судом того времени».

Итак, этот человек — Петр Кириллович Горчаков. Будучи руководителем кустового объединения «Хлебопродукт», он принимал Ю. В. Кондратюка на работу в Эльхотово, по достоинству сумел оценить и проделанную им работу, и его самоотдачу, и умелые руки, и светлую голову. Когда строительство Эльхотовского элеватора завершилось, Горчакову поручили возглавить в Новосибирске Сибирскую краевую контору «Хлебопродукт». Он предложил Кондратюку поехать с ним. Юрий Васильевич согласился.

Рассказ о П. К. Горчакове, включающий и новые, далеко не безынтересные подробности, еще впереди. Пока же, вовсе не претендуя на изречение истины в последней инстанции, хочу поделиться и собственным мнением о взаимоотношениях П. К. Горчакова и Ю. В. Кондратюка, тем мнением, под углом которого мы и будем смотреть на личность Петра Кирилловича Горчакова в этой книжке. На мой взгляд, отношение современных «судей» П. К. Горчакова, ловко использовавшего, по их мнению, талант Ю. В. Кондратюка в своих личных, корыстных целях, очень сродни отношению «судей» Л. Ю. и О. М. Бриков, якобы бессовестно пригревших возле талантливого Маяковского. И подобно тому, как на отношение к Брикам, которого они в действительности заслужили, указал сам В. В. Маяковский — собственным к ним отношением в предсмертном письме, так и правильному отношению к П. К. Горчакову (и к его семье, с которой Юрий Васильевич сохранил дружеские отношения почти до самой своей гибели, чему свидетельством является его письмо с фронта О. Н. Горчаковой), — учит собственное отношение Ю. В. Кондратюка к нему, неизменно дружеское и уважительное, что засвидетельствовали очевидцы этих отношений. Нет ни одного свидетельства, говорящего об обратном, о том, что Кондратюк тяготился сотрудничеством с Горчаковым. Что же до «суда того времени», то правильнее было бы сказать, что перед ним пострадали оба — и Ю. В. Кондратюк, и П. К. Горчаков. И не этим ли общим страданием объясняются дружеские отношения двух столь разных людей? На этом мне хотелось бы поставить пока многоточие... Повторяю, мы к этому еще вернемся.

А пока поезд уносит нашего героя с Северного Кавказа в Западную Сибирь. И следует неизбежное — «по пути»...

Он еще полон надежд на благополучное завершение волокиты по изданию его труда в Москве. И с этими надеждами появляется в столичной квартире В. П. Ветчинкина, специально заехав в Москву.

Они с нескрываемым интересом приглядываются друг к другу — хозяин квартиры, на удивление Юрия Васильевича, оказавшийся сравнительно молодым — в следующем за их встречей году ему исполнится 40 лет, и он станет профессором, и его гость — странный молодой в брезентовом бушлате, сообщивший тогда Ветчинкину, что высшего образования ему получить не удалось и с трудами иностранных и отечественных ав-

торов по данному вопросу он, к сожалению, не знаком и потому понятия не имеет об общепринятых обозначениях и терминологии. Тридцатидевятилетний хозяин и двадцатидевятилетний гость вскоре, забыв о разнице в возрасте и положении, увлеченно беседуют о полете к другим планетам, стремительно делая наброски на листах бумаги и покрывая их столбцами формул. Расставались дружески. Владимир Петрович пообещал написать предисловие к книге Ю. В. Кондратюка и стать ее научным редактором, если, разумеется, согласен автор и не будет против Госиздат. Автор, конечно же, не только не против, но и очень рад этому, узнав Владимира Петровича Ветчинкина теперь уже и очно. ГИЗ, который по согласованию с Главнаукой собирается издать книгу Ю. В. Кондратюка, также останавливается на кандидатуре В. П. Ветчинкина как ее редактора и 13 апреля 1927 года официально утверждает Ветчинкина в этом качестве.

На библиотеки в этот приезд у Ю. В. Кондратюка практически не было времени, кое-какие книги дал ему Владимир Петрович да еще он совершил пробог по книжным магазинам Москвы. В одном из них, в техническом отделе, Кондратюк сделал ценное для себя приобретение, которое сопровождало его потом всюду. Это был «Инженерный справочник», изданный Московским академическим издательством (МАКИЗом). На титульном листе его указывалось, что «Инженерный справочник для инженеров, техников и механиков» представлял собой «перевод с 48-го немецкого издания «Инженерного календаря Фелянда», под редакцией и с дополнениями инж. Ю. С. Чечет». Этот повидавший виды «Инженерный справочник» 1927 года издания с личными пометками Ю. В. Кондратюка на его страницах ныне хранится в Новосибирском областном краеведческом музее.

18 апреля 1927 года Кондратюк пишет письмо В. П. Ветчинкину, в котором сообщает о своих соображениях по поводу редактирования и издания его труда.

«В 1927 году,— писал много позже Юрий Васильевич,— по совету В. П. Ветчинкина мною была изменена на более обычную и удобопонимаемую система обозначений и отчасти терминология, вставлен не приво-
дившийся мною ранее вывод ф[ормулы] 4 и исправлена ошибка в ф[ормуле] 6 (влияние масс непорционального пассива). Он же обратил мое внимание на огромное значение конструкторской разработки «горелки» —

извергающей трубы, вследствие чего мною и была написана и вставлена гл. IV».

Таким образом, он проделывает немалую работу над рукописью. И — заметим — в свободное от основной работы время, которого у него тогда практически не было. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно полистать старую книгу приказов, или, как их именовали тогда, «постановлений», написанных от руки и часто не очень грамотно, по Сибирской краевой конторе Всесоюзного государственного акционерного общества «Хлебопродукт». Перенесемся вместе с нашим героем в Западную Сибирь.

Контора Сибирского краевого отделения «Хлебопродукта» находилась тогда в Новосибирске, и владения ее простирались довольно широко, охватывая не только районы Западной, но и Восточной Сибири. С севера Томской области до предгорий Алтая, от Омска до Иркутска — таким был тогда огромный район, где возле речных причалов и железнодорожных станций, а часто и просто на пересечении проселочных дорог вставали одно за другим высокие, по преимуществу деревянные, сооружения — элеваторы. Они должны были повсюду заменить обычные хлебные амбары, служившие крестьянам-единоличникам, так как складирование хлеба в больших количествах неизбежно требовало высокой механизации работ. Вот такую механизацию подъема, передвижения, проветривания, охлаждения, сушки, взвешивания, сортировки и выгрузки зерна должны были обеспечить эти похожие на неприступные замки величественные и таинственные сооружения. Латинское слово «элеватор» означает в переводе — подъемный аппарат. По иронии судьбы, человек, знающий, как построить подъемный аппарат для преодоления земного притяжения и полета к другим планетам Солнечной системы, должен был строить совсем другие подъемные аппараты... И он строил — элеваторы, зернохранилища, амбары для хлеба.

Его опыт механизации элеваторов Кубани и Северного Кавказа был здесь, в Сибири, как нельзя более кстати. Его первым в Сибири объектом оказался строящийся в поселке Рубцовка (ныне город Рубцовск Алтайского края) деревянный самотечный элеватор — один из четырех крупнейших тогда в Сибири элеваторов, емкостью в 100 000 пудов. Ю. В. Кондратюка назначили туда техником.

Если полистать подшивку газеты «Красный Алтай»

за 1927 год, в глаза бросятся заголовки: «Сибэлеваторстрой — пионер в деле постройки в СССР линейных механизированных элеваторов»; «Скоро начнется постройка четырех элеваторов по 100 000 пудов»; «Крупное элеваторное строительство в Сибири»; «100 пудов зерна — в три минуты»...

Механизация, рационализация, крупное строительство — все это было по душе Ю. В. Кондратюку. Пригодилось и его доскональное знание применявшейся в то время элеваторной техники, и его богатый опыт ее эксплуатации, и, конечно, его изобретательность, уже увенчанная к тому времени успешным внедрением изобретенных им технических новинок и выдачей изобретателю патентов.

Очевидно, первой его работой в Рубцовке остались довольны, во всяком случае, в дальнейшем ему поручается уже не один, а сразу несколько объектов.

«Постановление № 35 от 12 сентября 1927 года... § 4. Техник по постройке элеваторов Кондратюк Ю. В., согласно его просьбе, переводится из Рубцовки на работу по механизации амбаров в Бийске, Рубцовке, Поспелихе и Шипуново с местожительством в Новосибирске».

Еще через две недели появляется постановление № 41 от 26 сентября 1927 года, в котором в связи с организацией технического отдела, занимающегося проблемами правильной эксплуатации построенных и введенных в действие элеваторов, Ю. В. Кондратюка именуют уже «техником-механиком», прикрепленным к техническому отделу «в помощь специальную для учета эксплуатации элеваторов».

«Постановление № 41 от 26 сентября 1927 года... § 8. Техника-механика Кондратюка Ю. В. полагать в штате Сибконторы и производить выплату жалования с 1 сентября. На... техника-механика возлагается: технический надзор за элеваторами и механизированными амбарами, равно и техническое руководство ими. § 9. Техника-механика Кондратюка Ю. В. с 26 (27) сентября полагать в командировке: Бийск, Барнаул, Рубцовка, Шипуново, Поспелиха для инструктирования по механизации хлебных амбаров».

«Постановление № 49 от 12 октября 1927 года... § 6 ...считать прибывшим из командировки, согласно удостоверению № 66 (командировочное удостоверение.— А. Р.) ...§ 12... полагать в командировке с 14 октября».

Возвращается он из очередной командировки по Алтаю 1 ноября 1927 года, а с 3 ноября — вновь в отъезде: «на места оборудования амбаров для наблюдения за ходом работ». 10 ноября — прибыл, с 15-го (постановление № 62, § 6) вновь отправляется по наблюдаемым объектам. Вернувшись 21-го, 23 ноября уезжает, возвращается 26 декабря, а с 28-го командирован (постановление № 73, § 9) «на станции Иссык-Куль и Мокалейка для участия в комиссии по приемке элеваторов».

Теперь попробуйте найти «брешь» в его рабочем расписании, когда он мог бы заниматься спокойно, и ни на что не отвлекаясь, своей рукописью! Да он за весь год и «дома-то» был считанные дни! Его «домом» чаще были то вагон на колесах, то временно снятый угол в местах назначения по очередному командировочному удостоверению. Список его разъездов не поредел и в начале 1928 года, но мы остановимся пока, чтобы еще раз напомнить, что именно в те трудные для него дни горячей работы на алтайских элеваторах и зернохранилищах он и завершил работу над своей рукописью, внося в нее все те изменения, дополнения, уточнения, которые он делал по просьбе редактора — В. П. Ветчинкина.

Когда рукопись была совершенно готова, отредактирована и подготовлена к печати, Владимир Петрович Ветчинкин написал к ней предисловие. Оно датировано им 4 декабря 1927 года. В. П. Ветчинкин, в частности, писал:

«Предлагаемая книжка Ю. В. Кондратюка, несомненно, представляет наиболее полное исследование по межпланетным сообщениям из всех писавшихся в русской и иностранной литературе до последнего времени. Все исследования проделаны автором совершенно самостоятельно, на основании единственного полученного им сведения, что на ракете можно вылететь не только за пределы атмосферы, но и за пределы земного тяготения.

В книжке освещены с исчерпывающей полнотой все вопросы, затронутые и в других сочинениях, и, кроме того, разрешен ряд вопросов первостепенной важности, о которых другие авторы не упоминают. К числу которых относятся: предложение использовать озон вместо кислорода; металлическое горючее; формула, доказывающая, что ракета, не сбрасывающая баков или не сжигающая их, вылететь за пределы земного тяготе-

ния не сможет; автор предложил крылатую ракету для использования крыльев при отлете и при посадке на Землю; обстоятельно исследовал проблему межпланетной промежуточной базы и ее ракетно-артиллерийского снабжения; вывел формулу летающей лаборатории и многое другое... Предлагаемая книжка будет служить настольным справочником для всех, занимающихся вопросами ракетного полета. Принимая во внимание, что Ю. В. Кондратюк не получил высшего образования и до всего дошел совершенно самостоятельно, можно лишь удивляться талантности и широте взглядов русских механиков».

Казалось бы, дальше все должно произойти уже без особых усилий со стороны автора: он свое дело сделал, книга готова, отредактирована, получила восторженный отзыв и самое горячее благословение крупного специалиста — В. П. Ветчинкина. Чего же еще?..

Но и в 1928 году книга не появилась на свет. Более того, все радужные надежды Кондратюка, связанные с Главнаукой и ГИЗом, вскоре лопнули, как мыльный пузырь. Продолжалась та «доброкачественная волокита», о которой уже сказано выше: «рассмотрения и пересмотрения». Рукопись дали на отзыв другим ученым. Прекрасный отзыв В. П. Ветчинкина, которого кое-кто склонен был рассматривать как опасного конкурента появившимся многочисленным «ракетчикам», сыграл в дальнейшем роль, обратную логически предполагаемой. Работу Кондратюка стали свысока «разносить» недоброжелатели Ветчинкина. Дело доходило до абсурда — так, например, один из основоположников гелиобиологии А. Л. Чижевский, ровесник Ю. В. Кондратюка и страстный поклонник Циолковского, объявил, что никакого Кондратюка вообще никогда не существовало, его-де «выдумали» В. П. Ветчинкин и другие «враги» Циолковского. То-то бы возликовал тогда Александр Леонидович, если бы узнал, что Ю. В. Кондратюк в действительности — не Кондратюк!

Из письма Ю. В. Кондратюка Н. А. Рынину:

«Попутно препровождаю Вам любопытный, классический отзыв одного ученого, показывающий, что не перевелись еще зубры, которые будут с тупым упрямством хаять идею межпланетного сообщения, как и всякую новую идею, до тех самых пор, пока не будет установлено регулярное сообщение с мировыми пространствами и пока холодные страны не будут обогреты

перехваченными за тысячи верст от Земли солнечными лучами».

В марте 1928 года ГИЗ после долгой канители окончательно отказался издавать книгу Ю. В. Кондратюка. Главнаука тоже «умыла руки», отказав не только в средствах, но и в любой другой помощи. Труд всей жизни Юрия Васильевича стоял на грани катастрофы. Он просил Главнауку подыскать ему какую-либо приспособленную для издания подобных научных трудов типографию и разрешить издать в ней книгу за собственный его счет — отказали и в этом.

Что было делать? В Новосибирске была типография, в которой никогда не печатали научных трудов с формулами, в наборе отсутствовали математические символы, знак интеграла, например. Но Юрий Васильевич, не видя никакого другого выхода, обратился туда. Отзыв и предисловие В. П. Ветчинкина произвели впечатление, хотя содержание книги осталось для руководства типографии тайной за семью печатями. Ну что ж, если крайлит разрешит и этот чужак-человек заплатит за издание из своего кармана, то небольшим тиражом можно и издать.

Сибкрайлит подписал книгу Юрия Кондратюка «Завоевание межпланетных пространств» в печать 21 сентября 1928 года.

К тому времени Юрию Васильевичу удалось отложить на ее издание некоторые сбережения. Каким образом? Естественный вопрос, на который исследователи его творчества, включая и автора этих строк, давали ранее не совсем соответствующие истине ответы.

1928 ГОД

Сам Ю. В. Кондратюк 1928 год в своих автобиографических заметках ничем не выделил. Между тем, проследить его жизнь и творчество, едва упоминая год, непосредственно предшествовавший изданию его книги, было бы ошибкой. Невольно, из-за скудности данных, собранных об этом времени, в эту ошибку впали все его биографы. Готовил книгу к печати, чего там, дело ясное — был занят. Да, готовил, но где и как?

В начале 1928 года он ездит принимать механизированные амбары в Бийске (постановление № 78, § 5, командировочное удостоверение № 127), потом в Руб-

цовку и Пospelиху (постановление № 87, § 10, командировочное удостоверение № 146).

Затем в книге постановлений его имя встречается лишь в связи с новыми назначениями, но не с командировками. По просьбе Ю. В. Кондратюка его переводят «в распоряжение элеваторного отдела», с постоянной работой в Новосибирске. К тому времени и П. К. Горчаков, и многие сослуживцы Ю. В. Кондратюка по «Хлебопродукту», переименованному 28 июня 1928 года в «Союзхлеб», были в курсе, что все свободное время молодой механик проводит за расчетами и чертежами, не имеющими никакого отношения ни к элеваторам, ни вообще к земным делам. Ксения Андреевна Веретина, работавшая в то время курьером «Хлебопродукта», вспоминала, что нередко заставала утром на работе Юрия Васильевича, просидевшего ночь напролет за расчетами. «Мил человек», как прозвали Кондратюка с ее легкой руки, только смущенно улыбался, объясняя, что засиделся за решением интересной «задачки», и, предупреждая разные ее «охи» да «ахи», дарил ей испорченные им чертежи на кальке. Калька тогда изготовлялась не из бумаги, а из тончайшего батиста, пропитанного для прозрачности специальным раствором. Хорошо прокипятив ее, Ксения становилась обладательницей батистовых косынок, а то и рубашек, сшитых из таких кусков.

В марте Юрий Васильевич подал одну за другой две заявки на новые изобретения в области элеваторной техники. Первая — на ковш для элеватора-транспортера — заявлена 20 марта 1928 года, вторая — на вал с приводом от двигателя — 23 марта.

Особенно ценным изобретением оказался элеваторный ковш, прозванный специалистами «ковшом Кондратюка». Он давал значительно большую, чем ранее применявшиеся ковши, производительность элеваторных конвейеров-норий, отличался оригинальностью, простотой и изящностью решения. Как сказано в описании к патенту, ковш этот «вместо сплошной передней стенки имеет один или несколько щитков... разделенных между собой, а также и от дна ковша промежутками». При движении ковша вверх зерно не высыпалось, удерживаемое этими щитками, а также «естественным откосом» между щитками и дном. Ковш Кондратюка зачерпывал зерно в промежутки, набирая значительно больший объем, чем обычный, и легко опорожнялся. Это значительнейшее из всех изобретений

Ю. В. Кондратюка в области элеваторной техники получило в дальнейшем довольно большое распространение на элеваторах страны.

Но окончательное решение о выдаче Ю. В. Кондратюку патента на изобретение ковша для элеватора-транспортера появилось только 31 декабря 1929 года, следовательно, премиальные за то изобретение он получил только в 1930 году, и эти деньги им получены уже значительно позднее расчета с типографией за издание его труда.

Сбережения, которые Ю. В. Кондратюк сумел собрать для издания за свой счет, складывались иначе. Он сам рассказал об этом в письме Н. А. Рынину довольно недвусмысленно: «К счастью, из машинистов мне к этому времени удалось выдвинуться в механики и конструкторы, вследствие чего я получил возможность собрать средства на собственное издание книги в Новосибирске, без чего неизвестно, когда бы увидела свет моя работа...»

С 1 мая 1928 года Юрия Васильевича утвердили в должности районного механика и повысили оклад со 160 до 200 рублей (постановление № 135, § 4), осенью его назначили заведующим проектно-монтажным отделом, затем — заместителем главного инженера. У него появился отдельный кабинет в конторе, по воспоминаниям очевидцев, постоянно заваленный грудой проектов, чертежей, книг... Во всех этих служебных перемещениях несомненна и очевидна роль начальника Кондратюка — П. К. Горчакова, сделавшего многое, чтобы создать Юрию Васильевичу условия не только для изобретательской деятельности, но и для накопления средств к изданию книги, а также для самой работы над нею. Здесь давайте вернемся от осени 1928 года к совершенно пропущенному нами лету этого же года.

В Сибирской краевой конторе Всесоюзного государственного акционерного общества «Союзхлеб» с мая 1927 по 1931 год работал помощником прораба, районным техником, старшим производителем работ по постройке элеваторов, а позднее и заместителем главного инженера опытный строитель Семен Николаевич Пыжов. Вот что рассказала мне его дочь Алевтина Семёновна:

— Жили мы тогда в Новосибирске на Красноярской улице в большом одноэтажном кирпичном доме, который назывался «домом инженеров». Длинный такой

дом, при нем огромный двор. Там жил и Петр Кириллович Горчаков с семьей. С его дочерью Люкой мы были одногодками, у меня даже фотография сохранилась, где мы обе сняты маленькими. Папа был строителем, строил в Рубцовке элеватор, потом в Усть-Каменогорске. Помню, как мы были в Грязинских топях за Ачинском — ездили на лошадях, папа нас с собою брал всюду, потому что командировки его были длительными — на все время строительства. «Хлебопродукт», а потом «Союзхлеб» строили элеваторы и на востоке Сибири, вдоль железных дорог. И вот в 1928 году папа собирался на очередную стройку в деревню Ингаш за Красноярском (ныне станцию Нижний Ингаш). Позднее, уже перед войной, мама рассказала, что Горчаков пришел тогда к отцу и сказал: «Надо одного человека тебе взять, чтобы он исчез. Мы его проведем прорабом, но он у тебя прорабом работать не будет. Ты создай ему условия, чтобы он сидел и работал и чтобы никто ему не мешал». Мне тогда было 6 лет, но я отлично запомнила нашего постояльца.

Мы жили в Ингаше в огромной избе, там была отдельная комната с окном в тайгу. Вообще, помню, вокруг была глухая тайга. Вот в этой комнате и поселился Юрий Васильевич. Папа нам строго-настрого наказал к нему не заходить, не заглядывать и не мешать. Поэтому я видела его только тогда, когда он делал редкие перерывы в работе, и во время еды — питались мы все вместе. Мама пекла пирожки с мясом, помню, что он их очень хвалил. И еще запомнилось, как он ел. В чай всегда клал столовую ложку сливочного масла и соль. Мне не разрешали выходить из-за стола, и я смотрела на него с ужасом, не могла понять, как можно пить такой чай.

Он был высокий, такой черный, лохматый, совершенно не следил за собой... И еще причиной того, что я его хорошо запомнила, было то обстоятельство, что он был первым, у кого я увидела велосипед. У руля были какие-то колесики, шестеренки... И вот, когда случался перерыв в работе, он меня иногда сажал на раму и катал. И эти зубчики шестеренок меня до крови резали, но я молчала — боялась, что, если скажу, он меня больше не посадит.

Незадолго до войны (!), когда я была уже значительно старше, Кондратюк появился у нас снова и сказал: «Ирина Алексеевна (жена Семена Николаевича, мать Алевтины Семеновны.— А. Р.)! Очень Вас про-

шу — сохраните это!» — и передал маме довольно объемистую пачку. Там было несколько книг, в том числе его книга и книга К. Э. Циолковского с автографом автора, несколько общих тетрадей. Я видела, когда он приходил, но время не запомнила, помню только, что это было весной или осенью. Жили мы тогда по адресу: Красный проспект, 14, где сейчас находится Управление водного транспорта. Потом приходили из горкома партии, все забрали, у нас осталась только книжка Циолковского. Куда все это попало — не знаю.

Достоверность этого рассказа подтверждают следующие факты: в 1960 году Ирина Алексеевна Пыжова и Алевтина Семеновна Геженцева (Пыжова) направили в редакцию газеты «Известия» письмо и фотографии, где писали о брошюре Циолковского с дарственной надписью Кондратьюку. Дом-музей Циолковского в Калуге, заинтересовавшись, вступил с ними в переписку. Сохранились письма научного сотрудника музея В. С. Зотова от 16 октября 1960 года, исх. № 64-а; директора музея В. П. Акимова и В. С. Зотова от 12 декабря 1960 года, в которых работники дома-музея К. Э. Циолковского благодарили Пыжовых «за присланную в дар музею книгу К. Э. Циолковского с автографом Ю. В. Кондратьюку и за присланные воспоминания о Юрии Васильевиче Кондратьюке».

29 декабря 1960 года сотрудник музея Владимир Семенович Зотов направил Пыжовым еще одно письмо:

«Я послал Вам официальное уведомление о получении Вашего дара. Но официального сообщения недостаточно. К сожалению, по крайнему недостатку времени я не успел написать Вам «обыкновенное», частное письмо, чтобы выразить Вам теплое чувство глубокой признательности... Я знаю, при каких обстоятельствах осталась у Вас брошюра Константина Эдуардовича. Обстоятельства очень грустные, хорошо только то, что книжечка попала в заботливые руки друзей, которые сохранили ее для истории, для человечества...

...Одна Ваша фраза: «Я помню Юрия Васильевича как очень скромного, застенчивого и немножко странного человека» — сразу дает яркий образ... «никудышный десятник» был творцом великих идей. И курьезы, которые случались благодаря рассеянности Юрия Васильевича, также имеют свое значение».

К «грустным обстоятельствам» мы еще обратимся. А пока вернемся в 1928 год. Над чем размышляет, что пишет Кондратьюк летом в глухой таежной деревне Ин-

гаш? Об этом мы можем судить лишь по одному документу, написанному им осенью того же года, — второму предисловию к своей книге.

На его страницах автор ведет спор с К. Э. Циолковским по практическим результатам от полетов в космическое пространство, прогнозируемым великим калужанином. Кондратюк пишет:

«Коснусь основного вопроса этой работы, совершенно неосвещенного в первоначальном изложении, — вопроса об ожидаемых результатах для человечества от выхода его в межпланетные пространства. Пионер исследований данного предмета проф. Циолковский видит значение его в том, что человечество сможет заселить своими колониями огромные пространства Солнечной системы, а когда Солнце остынет, отправится на ракетах для поселения в еще не остывших мирах. Подобные возможности, конечно, отнюдь не исключены, но это предположения отдаленного будущего, частью чересчур уж отдаленного».

Размышляя о футурологических взглядах Циолковского, как видим, он достаточно точно цитирует оппонента. Да, Кондратюк, как мы знаем, познакомился с трудом К. Э. Циолковского в журнале. Но почему он лишь теперь вернулся к размышлениям о них и спору с Циолковским? Логично предположить, что цитируемые Кондратюком взгляды Циолковского в это время, то есть в 1928 году, лежали в напечатанном (или написанном!) виде у него под рукой. Вспомним нашу гипотезу о том, что переписка с Циолковским у Кондратюка могла начаться ранее 1929 года, не от письма ли Циолковского он «завелся»? Заметим, что и данное Кондратюком своему труду название — «Завоевание межпланетных пространств» — в какой-то степени является продолжением полемики с Константином Эдуардовичем, с его «Исследованиями мировых пространств...» Кондратюк настроен более решительно и жаждет практически перейти к практике полетов за пределы Земли.

«Посмотрим на проблему выхода человека в межпланетные пространства с более «сегодняшней» точки зрения, чего мы можем конкретно ожидать в ближайшие — максимум — десятилетия, считая от первого полета с Земли. Если не вдаваться в более или менее обоснованные фантазии, то наши ожидания будут заключаться в следующем:

1. Несомненное огромное обогащение наших знаний с соответствующим отражением этого в технике.

2. Возможное, более или менее вероятное, хотя и не достоверное обогащение нашей техники ценными веществами, которые могут быть найдены на других телах Солнечной системы и которые отсутствуют или слишком редки на земной поверхности.

3. Возможны и иные дары Солнечной системы, которых мы сейчас можем и не предвидеть и которые могут быть и не быть, как, например, результаты общения с предполагаемым органическим миром Марса.

4. Несомненная возможность для человечества овладеть ресурсами, с помощью которых можно будет самым коренным образом улучшить условия существования на земной поверхности — проводить мелиорацию ее в грандиозных размерах, осуществляя в недалеком будущем предприятия и такого порядка, как, например, изменение климата целых континентов.

Я говорю, конечно, не о чем ином, как об утилизации неисчерпаемых запасов энергии солнечного света, которая так затруднительна в условиях земной поверхности, делающей ее менее рентабельной, чем эксплуатация топлива, воды и ветра, и которая, наоборот, будет неизмеримо рентабельнее в пространствах, где отсутствуют атмосфера и кажущаяся тяжесть. Именно в возможности в ближайшем же будущем начать по-настоящему хозяйничать на нашей планете и следует видеть основное огромное значение для нас в завоевании пространств Солнечной системы».

Именно в предисловии 1928 года Кондратюк упоминает и две неопубликованные им главы. По всей вероятности, он возвращался к этим главам, размышлял о возможности включить их в свою книгу и принял решение не включать, опасаясь непредсказуемых последствий.

«Наконец, последним, сильно беспокоившим меня вопросом являлась метеорная опасность,— писал он 1 мая 1929 года в письме Н. А. Рынину,— лишь несколько дней назад, получив от Я. И. Перельмана⁸ его книгу «Межпланетные путешествия», я узнал, что иностранные авторы, математически исследовавшие этот вопрос, пришли к благоприятным выводам».

Летом 1928 года, накануне выхода его труда, он еще не познакомился с книгой Я. Перельмана, следовательно, пытался самостоятельно разрешить проблему, размышлял о ней.

Разумеется, все это лишь предположения, исходящие из того факта, что все лето 1928 года Юрий Васильевич провел в таежной избушке за Красноярском и, по свидетельству очевидцев, очень плотно работал.

Нужно сказать и еще об одной причине отъезда Кондратюка в Ингаш. Вспомним, что П. К. Горчаков предупредил Семена Николаевича Пыжова о том, что его гость должен «исчезнуть». На то были довольно серьезные опасения. В мае в Москве начался шумный процесс по так называемому «шахтинскому делу», положивший начало повсеместному поиску «инженеров-вредителей». Инженеры и техники, подозреваемые во вредительстве, объявлялись агентами белоэмигрантского контрреволюционного центра, так называемого «Парижского центра». Эпидемия подозрительности неизбежно коснулась и Кондратюка, занятого не относящимися к элеваторному делу записями, в которых присутствовали «снаряды», «горючее» и многие другие «страшные» термины. Не случайно позднее многие были убеждены, что Ю. В. Кондратюк отбывал заключение «по шахтинскому делу». Возможно, к тому времени П. К. Горчаков уже знал и о прошлом Юрия Васильевича, был посвящен в его тайну. Встревоженный судьбой своей книги, Юрий Васильевич мог поделиться с Горчаковым и своими личными тревогами в это смутное время. О том, что было дальше, мы знаем.

Вернувшись в начале осени в Новосибирск, Ю. В. Кондратюк получает повышение по службе, затем еще одно. Таким образом, П. К. Горчаков подчеркивает свое полное к нему доверие, ставя на карту и собственное благополучие.

В отсутствие Кондратюка П. К. Горчаков всячески «проталкивает» его изобретение, не дожидаясь рассмотрения заявки наверху, внедряет «ковш Кондратюка» на ряде сибирских элеваторов и результаты внедрения сообщает в Москву. 20 ноября 1928 года письмом правления научного общества автора изобретения и П. К. Горчакова приглашают в Москву для сообщения об эффективности внедрения элеваторного ковша. Но автору в конце 1928 года не до поездок в столицу, а Горчаков решает приурочить свою поездку к отпуску в 1929 году и тоже не едет.

Кондратюк пропадает в типографии все свободное время, но ему приходится и много ездить, решая на местах вопросы, связанные с внедрением его ковша. Не

все идет гладко. Ф. Е. Медведев, бывший заведующий бюро эксплуатации Сибирской краевой конторы «Союзхлеб», писал впоследствии: «Разработанный им новый норийный корец (ковш) дал увеличенную производительность против мельничного корца аналогичной емкости... и успешно был внедрен, но не всегда ему сопутствовала удача... круглый, жесткий и гофрированный транспортер не удался». Кондратюк вникает, отлаживает, вносит необходимые коррективы, а мысли его заняты другим — книгой. Дело движется медленно: непривычные к набору формул, то и дело обнаруживая несоответствие наборной кассы тексту, наборщики к тому же то и дело допускают ошибки, набор приходится делать заново. Типография взвинчивает предварительно условленную оплату за издание, и Кондратюк вынужден согласиться. Пригодился и его высокий оклад в последние месяцы, и неиспользованные отпускные, и премиальные за внедрение...

Наконец, в январе 1929 года бесконечно уставший, но счастливый, он привозит в свой кабинет на Потанинской, 24, где располагалась контора, пахнущие свежей типографской краской пачки своей книжки. Сам он был и «художником-оформителем» ее, изобразив на обложке книги траекторию разгона реактивного снаряда, стартующего с Земли в космическое пространство. Этот момент — один из важных в его работе. Кондратюк считал, что выгодно не сразу выводить корабль за пределы земного притяжения, а разгонять его предварительно на околоземной орбите по стремительно раскручивающейся спиральной траектории. Именно так стартуют сегодня все космические корабли.

Книга вышла тиражом в 2000 экземпляров, сразу став библиографической редкостью. В ней, помимо текста, было 6 развернутых листов-вклеек со схемами и чертежами. Вместе с ними она составляла объем всего в 79 страниц. На титульном листе указано: «Издание автора. Новосибирск, ул. Державина, 7». Это — адрес, по которому он тогда жил.

«Автор надеется, — писал Кондратюк, — что ему удалось представить задачу завоевания Солнечной системы не в виде теоретических основ... а в виде проекта, хотя и не детализированного, но уже с конкретными цифрами...»

«Юр. Кондратюк» — это имя, стоявшее на обложке тоненькой книжки, почти брошюры, отныне вошло в историю мировой космической техники.

«ЧАСЫ С ДЛИТЕЛЬНЫМ ЗАВОДОМ»

Счастлив в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом,
Счастлив, кто точку Архимеда
Умел сыскать в себе самом,—
Кто, полный бодрого терпенья,
Расчет с отвагой совмещал —
То сдерживал свои стремленья,
То своевременно дерзал.
Но конечно ль противоборство?
И как могучий ваш рычаг
Оснит в умниках упорство
И бессознательность в глупцах?

Ф. И. Тютчев

«1929 год — начало работы с реактивным мотором — является годом всеобщего увлечения реактивными аппаратами, вплоть до составления фантастических проектов полета на Луну... — писал впоследствии Валентин Петрович Глушко, явно имея в виду книжку-проект Ю. В. Кондратюка. — Инженеры разрабатывали планы трансатлантических почтовых и пассажирских ракетных сообщений с Америкой. Все газеты помещали на своих столбцах сообщения, свидетельствующие о том значительном внимании, которое промышленные и военные круги уделяли реактивному мотору».

Но Юрий Васильевич Кондратюк не проснулся январским утром 1929 года знаменитым. Сослуживцы по конторе «Союзхлеб», правда, горячо поздравляли своего коллегу с завершением труда, принимая в подарок книгу, почтительно читали предисловие профессора Ветчинкина, затем с возрастающим недоумением осиливали оба предисловия автора... Дальше, по их мнению, шла уже «чистая фантастика», к тому же совершенно непонятная. Чудак человек! А ведь действительно умен, талантливый изобретатель, запросто перемножает в уме практически любые цифры. Вот и свихнулся, видно, перетрудил мозги. Полет на Луну — эх, куда хватил! Тут вон до ближайшего элеватора на лошадях еле доберешься!..

Кондратюк, одаривая своих коллег, и не тешил себя мыслью нанебовать себе сторонников. Он помнил, как в сентябре прошлого года заснул над расчетами в своем рабочем кабинете, а проснулся от веселой хоровой декламации:

Твой одичалый вид пугает и тревожит,
Оброс ты и небрит, что сердце твое гложет?
Витаешь где-то ты в погоне за Луною...

Брось детские мечты, займись жизнью земною!
Живешь ты, как монах, и сыт единым хлебом.
Ты — облако в штанах, и занят только небом...

«Займись жизнью земною!» — это он продолжал слышать и за сочувственными улыбками «союзхлебовцев», и за их поздравлениями. Они хорошо к нему относились — его золотые руки, привычные к любой работе, его светлая голова, высокая культура и добрая, отзывчивая душа придавали этому человеку необыкновенное обаяние. «Наш Юрич», «мил человек» — так звали его с любовью. Они жалели его, видя его непрактичность, неприютный холостяцкий быт, жалели за рыцарскую верность странной мечте, которая, на их взгляд, была всего лишь несбыточной фантазией. Любили, жалели — но не понимали. Ведь еще очень далеко было то время, когда слова «космонавт», «космический полет», «ракета-носитель» стали без запинки произносить и зримо представлять себе все, даже дети-дошкольники.

Но ведь были же и единомышленники — там, далеко, в Европе. Был Циолковский. Был Ветчинкин. Были, как писал ему Владимир Петрович, организаторы Первой мировой выставки моделей межпланетных аппаратов и механизмов, прошедшей в Москве в 1927 году в ознаменование десятилетия Советской власти. Эти и оценят, и поймут, и будут соратниками. Пора, наконец, переходить от теории к практике, строить ракету для полета в межпланетное пространство. Ведь его книга для этого и написана! И если кто-то прочтет ее внимательно...

Да, но как же они ее прочтут — весь тираж здесь, у него. Он начинает рассылать всем тем, о ком знал, слышал. В первую очередь — тому, кто помогал ему в работе, Ветчинкину:

«Уважаемому Владимиру Петровичу! От автора с глубокой благодарностью. Юр. Кондратюк».

«Уважаемый Владимир Петрович! — писал он в письме. — Рад иметь, наконец, возможность преподнести Вам свою книжку. Издал ее с большими мучениями и дьявольски дорого. Местные наборщики никак не могли справиться с формулами, а я был непрерывно в разъездах.

Продолжаю работать по элеваторному делу — преимущественно по проектировке и выполнению механизированных амбаров. Элеваторы — из круглого леса и с большими емкостями. Собираюсь на днях побывать

в Москве в связи с новым моим изобретением — элеваторным ковшом, вокруг которого сейчас поднялся некоторый шум. Не знаю, удастся ли на самом деле создать. Всего доброго, с почтением Юр. Кондратюк».

Юрий Васильевич представлял выход своей книги событием, за которым сразу начнется воплощение в жизнь его проекта. Но часы, которые он пустил, издав книгу, — часы, отсчитывающие время до первого полета за пределы Земли, оказались «с длительным заводом», с гораздо более длительным, чем те, спроектированные им в гимназические годы. Им предстояло идти еще несколько десятилетий.

Для него же внешне ничего не изменилось. Он продолжал ездить и строить, проектировать и реконструировать механизированные амбары, зернохранилища, элеваторы.

«Элеваторы из круглого леса», о которых он мельком упомянул в письме В. П. Ветчинкину, были настоящим шедевром изобретательской мысли для того времени. Идея их и разработка проекта принадлежат Ю. В. Кондратюку. В то время повсюду в Сибири строились деревянные речные элеваторы так называемого «канадского» типа. Для возведения каждого такого элеватора требовались целые составы шпал, реек, гвоздей. А где их было взять при тогдашнем дефиците строительных материалов!

Ю. В. Кондратюк предложил строить «сибирские» элеваторы из круглого леса — подручного материала, которого вокруг было предостаточно. Элеватор строился как сруб, по принципу русской избы — без единого гвоздя. Это был великолепный выход из трудного положения, к тому же объем таких элеваторов, которые стали строить повсюду и на Алтае, и в Западной Сибири, был значительно больше, чем у речных.

Они и сейчас еще сохранились на Алтае — эти добротные деревянные башни, срубы-элеваторы, которым уже более полувека, действующие памятники своему удивительному творцу.

Дерево было тем строительным материалом, который Юрий Васильевич использовал с виртуозной изобретательностью, прекрасно зная все его особенности, доверяя ему огромные нагрузки. На полях своего «Инженерного справочника» Кондратюк оставил пометки, свидетельствующие о поиске строительного материала из дерева, эквивалентного другим, более надежным, и имеющего тот же необходимый запас прочности. Так,

на полях главы «Моменты инерции и сопротивления» пометка его рукой: «экв. сопр. соesn. доски 1×8 дюймов». Он досконально изучил этот доступный ему материал и делал с его помощью буквально чудеса.

На иртышском причале потребовалось организовать разгрузку барж с зерном. Ни крана, ни материала для его изготовления не было. И Кондратюк на ходу разработал конструкцию... деревянного подъемного крана с 30-метровой стрелой пролета! Это неуклюжее сооружение прекрасно выполнило свою задачу.

Можно привести еще немало примеров его деревянного «зодчества». Может быть, в этих сооружениях не было красоты и плавности очертаний, но они были выносливы, надежны, поражали оригинальностью замысла и остроумным решением: склад-«мастодонт» в городе Камне-на-Оби, безпорный подвесной мост через реку Абу в Новокузнецке...

Он строил, а «часы» шли, его книга вызвала интерес у его единомышленников, специалистов весьма уникальной тогда отрасли науки, называемой ими «межпланетные путешествия». Одним из первых ответил К. Э. Циолковский, приславший в ответ на книгу Юрия Васильевича свои труды. Книжка Циолковского с его автографом: «Многоуважаемому Юрию Кондратюку от автора. 1929 год, 15 февраля. К. Циолковский» — единственное, сохранившееся до наших дней, послание великого калужанина автору книги «Завоевание межпланетных пространств». И сохранилась эта книжка Циолковского благодаря жене и дочери С. Н. Пыжова, о чем было рассказано выше.

Но между Циолковским и Кондратюком существовала и переписка, от которой до нас дошла, к сожалению, лишь малая толика. Переписка взаимоуважительная, дружественная, во время которой адресаты проявляют немалый интерес друг к другу. Попытаемся проследить ее по тем остаткам, которые сохранились. Представлены они, к сожалению, в одностороннем порядке — письма К. Э. Циолковского до нас не дошли, мы располагаем лишь частью писем Ю. В. Кондратюка.

Уже говорилось, что самым ранним его посланием предположительно было письмо со строками:

«Над вопросами межпланетного сообщения я работаю уже 12 лет. С шестнадцатилетнего возраста, — с тех пор, как я определил осуществимость вылета с Земли, достижение этого стало целью моей жизни».

Логично считать эти строки отрывками из первого

письма Кондратюка Циолковскому — в них есть рассказ о себе, своеобразная «визитная карточка».

Вслед за этим письмом (или одновременно с ним) Юрий Васильевич посылает Циолковскому свою книжку с дарственной надписью: «С почтением, пионеру исследования межпланетных сообщений. От автора. Юр. Кондратюк».

К. Э. Циолковский пометил карандашом на этой книжке: «Посл[ано] 15 ф[евраля] [19]29 года «Исслед[ование] мировых пространств реактивными приборами» ([19]26). Труды. Откл[ики]».

От Кондратюка следует в ответ:

«Благодарю Вас за присланные Вами книжки. Я был чрезвычайно поражен, когда увидел, с какой последовательностью и точностью я повторил не только значительную часть из Ваших исследований вопроса межпланетных сообщений, но и вопросов философских. Видно, это уже не странная случайность, а вообще мое мышление направлено и настроено так же, как и Ваше...»

Циолковский пытается представить себе своего адресата со столь схожим мышлением. Каков он — стар или молод, какова его жизнь, истоки? Он просит Кондратюка прислать свою фотографию и подробнее рассказать о себе. Очевидно, в одном из предыдущих писем Юрий Васильевич писал своему адресату о том, что подал ходатайство об организации финансирования проекта межпланетных путешествий, говоря современным языком, об учреждении спонсора. Скорее всего, он подал его весной 1929 года, когда находился в Москве по делам своего изобретения (ковша). И возможно, объясняя эти свои действия Циолковскому, как бы продолжая спор с ним, начатый во втором предисловии к своей книге, Кондратюк писал:

«Овладение межпланетными пространствами имеет для всего дальнейшего решающее значение. Но мало кто достаточно ясно это учитывает, а также и то, что задача эта разрешима нашей современной техникой».

После просьбы Циолковского о фотографии и более подробном рассказе о себе Кондратюк замолкает надолго. Он уже пытался написать свою автобиографию по просьбе ленинградского профессора Н. А. Рынина: «Полагая, что чисто личные стороны моей жизни не представляют особого интереса, постараюсь сообщить достаточно полно преимущественно то, что имеет отношение к моим исследованиям по теории межпланетного сообщения...»

Нет у него охоты ни повторяться, а с этой стороны он Циолковскому уже представился, ни сочинять вымышленную биографию. Переписка, по существу, прерывается, но затем Кондратюк все же отвечает, правда, выполняя лишь часть просьбы Циолковского:

«30.III.30 г.

Уважаемый Константин Эдуардович!

Извините за длительный неответ. Посылаю Вам мою карточку, снятую в бытность мою механиком Эльхотовского элеватора. Вас со своей стороны прошу прислать те из Ваших сочинений, какие у Вас сохранились. Перечитывая их перечень, я каждый раз неизменно удивляюсь сходством нашего образа мыслей по многим самым различным вопросам и потому особенно интересуюсь ими. Кроме того, если у Вас имеются Ваши фотографии, и в них прошу не отказать.

Мое ходатайство об организации предприятия для питания средствами межпланетных сообщений мытарствует в Москве пока безрезультатно.

Мой новый адрес: Новосибирск (зачеркнуто: Красный проспект, 25/2), Хлебострой, мне. Обязательно заказным.

Глубоко Вас уважающий Юр. Кондратюк».

На обороте посланного К. Э. Циолковскому снимка он пишет: «Дорогому и глубоко уважаемому К. Э. Циолковскому. Юр. Кондратюк. 30.III.30 г.»

Его новый рабочий адрес вызван выделением из «Союзхлеба» организации «Хлебострой», в которой он, по существу, продолжал выполнять те же функции, что и в «Союзхлебе», — заведовал проектно-монтажным подотделом, затем был назначен помощником районного инженера по механической части строящихся хлебохранилищ. Его непосредственным начальником по-прежнему был П. К. Горчаков, ставший районным инженером «Хлебостроя».

Вслед за Кондратюком, весной 1929 года побывавшим в Москве по делам своего изобретения, в правление научного общества выезжает П. К. Горчаков. Об этом свидетельствует запись в книге приказов:

«Постановление № 134 от 23.4.29 г. § 1. Горчаков П. К. вызван в Москву правлением и/о-ва с использованием им затем 1,5-месячного отпуска, разрешенного правлением. Основание: сообщение т. Горчакова, письмо правления № 94/183/36366 от 20.11.28 г.»

И если в письме В. П. Ветчинкину Юрий Васильевич еще полон сомнений относительно судьбы изобре-

тенного им ковша, «вокруг которого сейчас поднялся некоторый шум. Не знаю, удастся ли на самом деле создать...», то уже 1 мая 1929 года в письме Н. А. Рынину он пишет о «недавнем признании» своего изобретения. Эта часть письма свидетельствует о решимости Кондратюка перейти от теории к практике овладения межпланетными пространствами:

«Дальнейшая плодотворная разработка темы о межпланетном полете чисто теоретическими методами, по-видимому, невозможна, для меня — по крайней мере: необходимы экспериментальные исследования. Время и деньги для них я рассчитываю получить изобретениями в различных областях, в частности, по роду моей работы теперь — в области элеваторной механики: пока имею первые успехи в виде недавнего признания моего нового типа элеваторного ковша и самотасок, завоевывающих уже себе место против почти неизменного издавна типа».

В последний день 1929 года, 31 декабря, появляется окончательное решение о выдаче Ю. В. Кондратюку патента на изобретенный им ковш для элеватора-транспортера. В начале 1930 года он получает и денежное вознаграждение, которое решил использовать для экспериментальных исследований. Переписка с Циолковским, Ветчинкиным, Перельманом, Рыниным, чтение их трудов — все подводит его к новому этапу работы. Трудным, но ясным, заманчивым и плодотворным видится ему дальнейший путь.

Но неожиданно на пути этом возникает грозное и неодолимое препятствие.

КАМЕНЬ

Город, разумеется, не виноват в том, что и поныне некоторые исследователи считают его камнем преткновения в судьбе Ю. В. Кондратюка. По иронии судьбы этот город и назывался — Камнем. Точнее — Камнем-на-Оби. Своим названием он обязан выходу на поверхность сглаженного временем отрога Салаирского хребта.

«В период «землеустройства» на «кабинетских» землях царя в Камне разгружались многочисленные баржи с переселенцами. Не хватало рук для выноса груза — баржи были переполнены умирающими в результате страшной эпидемии, вспыхнувшей в 1908 году в Новониколаевске, нынешнем Новосибирске. Потерявшие

кормильцев семьи, изнуренные болезнью и дорогой, выходили на берег, не имея ни средств, ни смысла двигаться дальше, и попадали в пожизненную кабалу к местным купцам и богатым. В те годы Камень нередко называли «камнем преткновения», а некоторые заменяли слова «Камень-на-Оби» другими — «Камень на шее», — писал местный краевед Г. Саранцев.

Городом Камень-на-Оби стал в 1915 году, но и в 1929, когда начались описываемые события, он скорее напоминал большое село, нежели город. Земли вокруг Камня были богатые, тучные, здесь действовали мукомольные и лесопильные предприятия, издавна город славился местными пряниками.

Кряжистые сибирские избы стояли посреди огородов, во дворах имелись пристройки для скота. Железной дороги к городу не было, связь с внешним миром осуществлялась по реке да по проселочным дорогам. Летом с деревянного причала местные жители приветственно махали платками и кепками проходящим по Оби большим пароходам. Причаливали они редко, выгружая мануфактуру, сапоги, сельский инвентарь и домашнюю утварь, а загружаясь зерном, молочными продуктами, мясом.

Зимой добраться сюда, в глубинку, было непросто. Камень находился примерно на равном расстоянии от Барнаула и от Новосибирска, но если между этими городами имелось железнодорожное сообщение, то с Камнем их связывал только извоз. К концу лета 1930 года «Хлебострой» решил построить у речного причала в городе Камне-на-Оби новый хлебоприемный пункт. Старых, собственно, было немало, но это были обычные купеческие амбары, непригодные для хранения и сушки большого количества хлеба. Нужно было построить элеватор, причем стандартная емкость его не гарантировала приемки всего богатого каменского урожая.

Сюда-то, в Камень-на-Оби, и прибыл в конце 1929 года Юрий Васильевич Кондратюк — автор книги, замеченной не только в нашей стране, но и за ее пределами. В Германии, например, уже в июле 1929 года вышла рецензия на «Завоевание межпланетных пространств», написанная Робертом Ладеманом; в октябре в ленинградском журнале «Наука и техника» № 41 появилась рецензия, автор которой укрылся за инициалами «М. Б.».

Юрий Васильевич произвел на каменских жителей

странное впечатление. Одет был худо — одна нога обу- та в опорок от сапога, другая — в ботинок. Знамени- тый рыжий тулуп, служивший Кондратиюк нередко и постелью (он называл этот тулуп «моя универсальная ротонда»), был перепоясан широким гимназическим ремнем, за который, чтобы не мешали ходьбе, заткнуты были полы тулупа. Черная борода, усы, взгляд, го- ворящий о какой-то отрешенности от происходящего, о постоянной работе мысли... Если в руке его оказывал- ся карандаш, мел, кусок угля, он тут же начинал что- то чертить, считать, мог вдруг глубоко задуматься, со- вершенно забыв об окружающих — все это создавало впечатление человека замкнутого, рассеянного, чуда- ковато. С ним был неизменный чемодан, из которого он достал спальный мешок и книги. Поселился он в не- большом деревянном двухэтажном доме рядом со стро- ительной площадкой (ныне улица Ленина, 84). Спал, раздевшись донага и забравшись в спальный мешок, но часто приходилось спать урывками прямо на строй- ке — тогда он закутывался в тулуп и мгновенно «от- ключался», чтобы уже через час с новой энергией про- должать работу.

А работать он умел — и как умел! По сути — он был в Камне автором проекта, рождающегося на ходу, тут же руководил его воплощением. Помню уже опробиро- ванного им в Рубцовке, Бийске и Шипуново рублен- ного из бревен элеватора, здесь, в Камне, Кондратиюк спроектировал и построил соединяющееся деревянным «хоботом»-галереей с элеватором бревенчатое зернохра- нилище-склад. Это было совершенно уникальное дере- вянное сооружение, прозванное им за сходство с ка- ким-то огромным доисторическим зверем «мастодон- том». Прозвище настолько привилось, что и много лет спустя на всех схемах и планах склад-зернохранилище называли просто «мастодонтом».

«Мастодонт» строили без чертежей, Кондратиюк ри- совал эскизы отдельных его узлов, на ходу считал — в его кармане постоянно торчала логарифмическая ли- нейка, которой он, впрочем, редко пользовался, умно- жая практически любые цифры в уме.

Плотников, как и других специалистов для стройки, нанимал П. К. Горчаков. Но даже самые опытные плот- ники дивились тем знаниям, которые им преподавал Кон- драстюк. Он объяснял, рассказывал, какого диаметра нужны опоры, показывал, как сделать из дерева стяги, как вязать их в узлы...

Любую работу он знал, казалось, до мельчайших тонкостей. Забивщикам свай на строительстве причала подробно рассказывал о том, почему для точной забивки необходимо делать не менее ста ударов, почему «бабу» для удара поднимать над сваей не выше чем на три метра,— во всем он требовал точного следования расчету, знания, вдумчивости. Каждая свая, рассказывал Кондратюк, по расчету должна выдержать 17 тонн. Забивать сваю необходимо обязательно комлем вверх, а вершиной вниз. Старые свайщики возражали, говоря, что иногда удобнее — наоборот, да и какая разница, если бревно ровное? Кондратюк настаивал на своем, объяснял: комель позднее гниет, расширяется, для забивки надежнее, удобней, крепче.

Фермы, поддерживающие крышу «мастодонта», своей конструкцией напоминали фермы современных мостов. Они удивительным образом держали кровлю, не смыкаясь между собой. Вообще, внутри «мастодонт» представляет собой прелюбопытное зрелище. Фантастическое хитросплетение ферм, опор, колец, стягов. И за всем этим чувствуется продуманный расчет, изящество, знание и учет любой мелочи.

— Смелый он был конструктор. На чем там все держится, как сдерживают деревянные стенки напор почти десяти тысяч тонн зерна — я и сейчас понять не могу,— говорил бывший инспектор по организации труда, а позднее помощник Ю. В. Кондратюка на строительстве причала Василий Васильевич Цимбалов.— А ведь все тогда вручную делалось, фермы поднимали без кранов, хотя все, что было возможно, Кондратюк механизировал. Ни одного несчастного случая на этой уникальной стройке не было, все делалось согласно его обдуманным указаниям.

«Мастодонт» стал самым крупным в мире деревянным зернохранилищем, о чем и сегодня можно прочитать на памятной доске, укрепленной на нем. Он пережил угрозу пожара, наводнения, ничуть не пострадал от землетрясения 1965 года. Огромный деревянный сундук, построенный без единого гвоздя и обруча, без чертежей,— только по вдохновенному наитию его создателя. До сих пор никто не решился повторить что-либо подобное.

Сам Кондратюк и здесь не чурался никакой черной работы — его постоянно видели запыленным так, что одни лишь глаза сверкали, нередко он не только показывал, но и сам доводил работу до конца.

Одновременно с «мастодонтом» в 1930 году были построены бревенчатый элеватор и причал для погрузки хлеба на суда. Элеватор, срубленный по принципу русской избы, повторял уже возведенные Кондратюком на Алтае подобные строения. Отдав необходимые распоряжения, он уехал на другие объекты. Но необычность проекта пугала строителей, Кондратюка часто вызывали в Камень-на-Оби, он приезжал затем сюда не менее 15 раз, строительство велось долго, закончилось лишь летом 1930 года.

Досуга у Юрия Васильевича в это время почти не было. Работа мысли была постоянным и нормальным его состоянием. Все попытки друзей отвлечь его от размышлений и расчетов, которыми он был занят каждую свободную минуту, были тщетны. Попытались познакомиться его с девушками, настаивали, чтобы он пригласил их в кино. Кондратюк угощал девушек горстями конфет, которыми вечно были набиты его карманы, угощал — словно откупался — и быстро ретировался, а друзьям говорил виновато: «Некогда мне с ними...»

Его постоянными помощниками в Камне были В. Ф. Колышкин и М. В. Белевич. Первый был техником, приехавшим в Сибирь с Кубани, второй — бывшим студентом Полтавского индустриального техникума. С ними Кондратюк и жил вместе. И наверное, немало переговорили они, вспоминая родную Полтаву и Кубань. Знали ли они Александра Шаргея? Трудно сказать, скорее всего — нет, но Кондратюк словно искал возможных свидетелей своего прошлого — и тот, и другой были приняты на работу в «Союзхлеб» не без его участия...

В комнатке на втором этаже деревянного дома, где они жили, третья кровать постоянно пустовала — не признававший постелей Ю. В. Кондратюк спал в мешке на полу, но частенько он возвращался домой поздно, зажигал лампу и долго просиживал за какими-то расчетами.

Старожилы Камня-на-Оби рассказывали, что Кондратюк устраивал за городом взрывы, от которых окна в домах дрожали. Для взрывов необходимы взрывчатые вещества, а они Кондратюку были тогда, очевидно, доступны. В. В. Цимбалов рассказывает историю одного взрыва, участником которой был он сам.

Это было весной 1930 года, сразу же по окончании строительства «мастодонта». Бурный ледоход гнал сорванные бревна к эстакаде элеватора, образовался за-

тор, под угрозой слома и наводнения оказались и эстакада, и «мастодонт».

Кондратюку сообщили об угрозе, нависшей над его детищами. Он быстро сделал какой-то расчет и предложил немедленно устроить взрыв затора:

— От детонации лед раскрошится и устремится дальше.

Взрывчатку — около 60 кг пироксилина и аммонала — заложили в трех местах, протянули шнуры. Взрывникам, находящимся неподалеку от затора, необходимо было сразу же после взрыва быстрее удалиться как можно дальше.

— Охотников лазить по заторам со взрывчаткой было не много, — рассказывал Василий Васильевич Цимбалов. — Мы решили «убегать» после взрыва на лодке, что было тоже довольно опасно. Все, не участвующие непосредственно во взрывных работах, ушли от берега подальше, а мы устанавливали взрывчатку втроем: Ю. В. Кондратюк, я и десятник стройки А. С. Пронин. Места, куда нужно было заложить взрывчатку, определил Юрий Васильевич... Взрывом подбросило метров на 200 лед, бревна, воду, рыбу. Мы еле ноги унесли от стремительно нагоняющих лодку льдин. А в Камне женщины встретили нас криком, чуть коромыслами не побили, так как взрывной волной выбило все стекла.

Для того, чтобы в будущем обезопасить строения хлебоприемного пункта от подобных весенних угроз, Кондратюк предложил построить перед ним бревенчатый ледорез, укрепив его бутовым камнем. Строительство ледореза завершилось лишь в 1932 году, уже в его отсутствие.

В. В. Цимбалов вспоминает, что других взрывов не было, но есть и противоположные утверждения. Так, например, И. С. Андреев, тогда директор кирпичного завода, рассказывал, что взрывы Кондратюк устраивал за кирпичным заводом, а это далеко от Оби и с ледоходом никак не могло быть связано. Клавдия Степановна Баранова, директор Каменского краеведческого музея, показала мне найденное в 1970 году школьниками за кирпичным заводом металлическое ядро, с одной стороны которого было высверлено глубокое отверстие... Есть и другие свидетельства, что Ю. В. Кондратюк в Камне экспериментировал над чем-то, что было связано со взрывами. Искал состав горючего? Или это не относилось к его ракетным исследованиям? Вопрос остается открытым. Соблазнительно, конечно, предполо-

жить, что от слов «необходимы экспериментальные исследования», написанных Н. А. Рынину 1 мая 1929 года, он перешел к делу.

Летом 1930 года Каменский хлебоприемный пункт был почти готов. Оставалось установить и пустить нории на элеваторе, смонтировать ленточный транспортер для загрузки «мастодонта» и три транспортера эстакады, общей длиной 210 метров, для отгрузки зерна на воду в баржи. Дав необходимые указания, Кондратюк уехал на другой объект, а когда вернулся в Новосибирск, разразилась гроза.

Монтируя без чертежей эlevator-транспортер для Каменского элеватора и плохо восприняв предложения Кондратюка об увеличении производительности транспортера, строители создали нечто среднее между предложенным им транспортером и традиционным транспортером для норий. Избыток зерна, зачерпываемого ковшами, ничем не сдерживаемый, сыпался по бокам транспортера вниз. И прежде чем на транспортере установили обычные боковые щечки, препятствующие осыпанию зерна, на площадке было произнесено излюбленное в те годы и страшное в своих последствиях слово: «Вредительство».

КЛЕЯМО

...Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т. д. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, какими бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родины. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений.

И. Сталин

Вредительство квалифицировалось в те годы как особо опасное государственное преступление и подвходило под самую страшную статью, ныне печально известную по воспоминаниям огромного количества без-

винно пострадавших людей, «сто шестнадцать пополам», пятьдесят восьмую, инкриминирующую антисоветскую деятельность.

Привлекать и осуждать по этой статье призваны были люди, наделенные специальными полномочиями. Повсеместно они назывались тогда ПП ОГПУ — полномочные представители Объединенного государственного политического управления.

«Уже в то время,— свидетельствует автор романа-хроники «Дело моего отца» Камил Икрамов, имея в виду 1929 год,— ПП имели неограниченные права, не подчинялись местным партийным и советским властям, согласовывая свои действия только с Москвой. Потому они и назывались полномочными представителями. Такой ПП чисто формально, в общих выражениях информировал обком о своих действиях, и даже члены бюро обкома не имели права задавать ему вопросы по существу дела».

Не мудрено, что «существо дела» Ю. В. Кондратюка еще долгие годы оставалось тайной за семью печатями и породило волну версий, догадок, предположений.

Уже в 1988 году Б. И. Романенко в книге «Юрий Васильевич Кондратюк» излагал следующую версию:

«Летом 1930 года после пуска в эксплуатацию механизированного амбара, который был назван «мастодонтом» за свой необычный внешний вид, была построена его действующая модель. Эта модель демонстрировалась на выставке. И получила всеобщее одобрение. (Замечу в скобках, что никакой «действующей модели» амбара быть, по моему мнению, не могло, «мастодонт», повторяю, строился без чертежей, и при всем желании никто не смог повторить его ни в натуре, ни в «модели». — А. Р.). Но уже 31 июля 1930 года по доносу и П. К. Горчаков, и Ю. В. Кондратюк, и ряд других работников конторы «Хлебострой» были арестованы ОГПУ и обвинены во вредительстве. Мол, Ю. В. Кондратюк специально построил амбар без единого гвоздя, дабы он скорее развалился. (А ведь этот «мастодонт» стоит и работает по сей день!)

Через несколько месяцев предварительного заключения все они без предъявления обвинительного заключения и без суда были приговорены к различным срокам лишения свободы».

В Управлении Комитета государственной безопасности Новосибирской области, расположенном в том са-

мом здании, в котором в 1930 году находилось Полномочное представительство ОГПУ, по моей просьбе меня ознакомили с «делом», по которому был осужден Ю. В. Кондратюк. В нем не фигурировали ни «мастодонт», ни не сразу начавшие работать транспортеры, — а старожилы Камня-на-Оби уверяли, что Кондратюк пострадал из-за них, — ни вообще город Камень. Все оказалось обычнее и вместе с тем нелепее и страшнее.

Не только Каменский хлебоприемный пункт — многие другие строительные площадки «Хлебостроя», разбросанные по всему Западно-Сибирскому краю, тогда лихорадило из-за отсутствия строительных материалов, рабочих чертежей, оборудования. Все это в централизованном порядке поставлялось через Москву, как правило, с огромными задержками. Сроки строительства оказывались под угрозой, техническое оснащение оставляло желать лучшего и зачастую не соответствовало проектам, а виновных искали не в Москве — поблизости.

Сохранились многочисленные протоколы совместных совещаний «Союзхлеба» с заинтересованными районными организациями, на которых в качестве представителя «Хлебостроя» присутствовал Ю. В. Кондратюк. Ему приходилось отбиваться от упреков в срывании сроков строительства, объяснять причины возникающих напряженных ситуаций, возражать против директивных формулировок типа: «обязать «Хлебострой» в срок до...»

Краевая контора «Союзхлеб» не довольствовалась этими формулировками. Ее руководство вскоре начало представлять докладные записки в ПП ОГПУ с еще более устрашающими выводами: «Преступная волокита», «вредительство».

2 мая 1930 года был арестован районный инженер «Хлебостроя» Петр Кириллович Горчаков. Это было лишь началом операции по раскрытию «вредительской организации». словно по взмаху невидимой дирижерской палочки, загремел со всех сторон хор новых обвинений, к терминам «вредительство» и «преступная волокита» добавился новый — «горчаковщина». Собирались акты приемки элеваторов, мельниц, зернохранилищ, в которых указывалось на их плохое состояние, отсутствие необходимого оборудования. Писали из «Запсибполеводсоюза» и из «Союзхлеба», «досье» росло с каждым месяцем.

«Докладная записка. Ячейка ВКП(б) при конторе «Союзхлеб». Полномочному представителю ОГПУ по Запсибкраю.

При сем препровождаю материалы о преступной волоките по постройке элеватора в Клину Черлахского района Омского округа. Прошу принять меры к привлечению виновных к ответственности за вредительство и срыв строительства... июль 1930 год».

По своей должности Юрий Васильевич был первым приближенным П. К. Горчакова — помощником районного инженера, поэтому усиливающаяся кампания борьбы с «горчаковщиной» представляла для него — и в первую очередь для него — несомненную угрозу.

Не стало защищать своих коллег и сотрудников и правление Сибирской краевой конторы «Хлебострой»:

«...Усматривая в приведенных фактах вредительство со стороны Кондратюка и Горчакова, прошу настоящий материал приобщить к имеющемуся на них делу...»

В записках из заключения, адресованных жене, О. Н. Горчаковой, П. К. Горчаков выражал надежду, что все обойдется, что «у Пыжова и Кондратюка хватит ума, чтобы все объяснить», просил Ольгу Николаевну уступить Кондратюку большую комнату в их квартире — они жили до ареста в одной квартире по улице Максима Горького, 120.

С. Н. Пыжова, по счастливой случайности, не арестовали.

За Кондратюком пришли спустя три месяца после ареста Горчакова — в ночь с 30 на 31 июля 1930 года. (Позднее Кондратюк указывал, что находился в заключении с 31 июля, но документы свидетельствуют, что его арест и впоследствии отсчет срока заключения производился с 30 июля 1930 года).

При аресте ему был предъявлен «Ордер на обыск Кондратюка Юрия Васильевича, проживающего по адресу: ул. Максима Горького, 120, кв. 1 или Красный проспект, 95».

Из протокола обыска, составленного 30 июля 1930 года: «...изъято у Горчаковой: разной частной переписки Горчакова, ему же принадлежащих 10 листов служебных документов, 6 фотокарточек;

у Кондратюка: служебная переписка на 9 листах.

Дополнение. Изъято для доставления в ПП ОГПУ в кв. гр. Кондратюка Юрия Васильевича по Красному проспекту, 95 (т. е. в его рабочем кабинете.— А. Р.):

служебная переписка, личная на 7 листах и 68 снечертежей по элеваторостроительству, протоколы ответственных работников сибконторы «Союзхлеб», 2 экземпляра пояснительной записки к проекту рубленого элеватора, 2 копии письма о передвижных (элеваторах). Обыск производил Капитонов. Обыскиваемый — Юр. Кондратюк. Присутствовала при обыске Плотникова».

Ниже — пометка, сделанная позднее: «Переписку по протоколу обыска получил. Юр. Кондратюк. 11.08. 1930 г.»

В тот же день, 30 июля 1930 года, был арестован производитель работ «Хлебостроя» Тимофей Васильевич Аксенов.

Через два дня после ареста, 2 августа 1930 года, Ю. В. Кондратюк был вызван на допрос. Из протокола допроса:

«На заданный мне вопрос о вредительстве, проявленном в элеваторном строительстве по Сибири, могу сказать, что в той части сибирского элеваторного строительства, которое мне хорошо известно, то есть в элеваторном строительстве «Хлебопродукта» — конторы «Союзхлеба» — «Хлебостроя», насколько мне известно, по моему твердому убеждению, вредительства не было. За линию Центра — детально не зная его аппарата — ручаться ни в ту, ни в другую сторону не могу... Записано верно, прочитано. Юр. Кондратюк».

Этой линии поведения на допросах Юрий Васильевич твердо придерживался и в дальнейшем. Но «дело о вредительстве», тем не менее, и не думали сворачивать.

В ноябре 1930 года к нему присовокупили дела новых членов «преступной группировки»; были арестованы главный инженер «Запсибсовхозостроя» Петр Васильевич Куров и старший производитель работ «Хлебостроя» Василий Григорьевич Беляев. 3 декабря арестовали прораба «Хлебостроя» Петра Александровича Лучинина. Теперь по «делу» проходили уже шестеро.

Полномочный представитель ОГПУ по Западно-Сибирскому краю Л. М. Заковский пытался придать «делу» размах, приличествующий временам процессов по «шахтинскому делу» и «делу промпартии». Следовательно всячески пытались выбить из арестованных признание если не о вредительской организации, то хотя бы о намерении ее создать.

На методы, какими велись подобные «операции», проливает свет документ, появившийся вскоре после

ареста Ю. В. Кондратюка и всего лишь днем позже первого его допроса. Он любопытен для того времени и показывает, что 1930 году было все-таки далеко до 1937-го, когда прокуратура уже не пыталась вмешиваться в дела осужденных по 58-й статье, опротестовывать их, указывать на «недочеты» в работе чудовищного молоха. 1930 год был лишь пробой, репетицией 1937-го...

Приведу выдержки из этого документа:

«Сов. секретно. Всем окружным прокурорам Сибирского края. Директивное письмо № 1.

...Погоня за голым количеством арестованных привела к необоснованным арестам, к созданию «натянутых» дел. ...Произведенная операция по ликвидации контрреволюционных организаций, группировок и активно действующих одиночек кулацко-белогвардейской контрреволюции... наряду с очевидными, необходимыми, неоспоримыми успехами, выявила ряд существенных недочетов в следовательской работе.

Недочеты в основном сводятся к следующему:

а) явно недостаточно выясняется социальная физиономия обвиняемого. Справки сельсоветов во многих случаях, кроме общей голой характеристики «кулак», «вечный эксплуататор», никаких конкретных указаний, подтверждающих кулацкое лицо обвиняемых, не дают...

б) низкое качество расследования и не критическое отношение к свидетельским показаниям, во многих случаях обвинения построены на общих фразах, вроде: «систематически вел агитацию», «собираются под видом пьянки», «ведут между собой таинственные разговоры» и т. д. и т. п. Следователь же, вместо того, чтобы выяснить, насколько заслуживают доверия показания свидетелей, откуда свидетелям известны те или другие сведения, нет ли моментов личных счетов между свидетелями и обвиняемыми, наоборот, зачастую проводит следствие явно тенденциозно и односторонне (лишь бы натянуть 58-10, 58-11 УК), фиксируя только отрицательные, компрометирующие обвиняемого моменты. В результате создаются «дутые», «натянутые» дела...»

Это директивное письмо подписано и. о. краевого прокурора Сибири Кибардиным 3 августа 1930 года (ГАНУ, ф. Р-20, оп. 1, д. 198, л. 28—30).

Юрий Васильевич Кондратюк был арестован 30 июля 1930 года, письмо прокурора появилось буквально через три дня после этого. Помогло ли оно ему, облег-

чило ли его участь, выявило ли необоснованность ареста? Нет, нет и нет. Следователи ОГПУ и не думали менять стиль работы. В этом было, отчасти, и спасение для Кондратюка: ведь если бы следствию удалось «выяснить социальную физиономию» сидящего перед ними помощника районного инженера «Хлебостроя», узнать его подлинную биографию и настоящее имя... Можно не сомневаться, что тогда его «дело» было бы доведено безо всяких проволочек до обычного в таких случаях конца — «высшей меры», расстрела.

На его счастье, следствие тогда еще не взяло на вооружение тех страшных «особых» методов допроса, которые были повсеместно введены с июня 1937 года.

Но репетировали тридцать седьмой широко, с размахом и увлечением. У полномочного представителя ОГПУ по Запсибкраю — с 1928 по 1932 год это Л. М. Заковский — была просторная резиденция с немалым штатом, она называлась, соответственно, Полномочным представительством ОГПУ. Вне стен резиденции у ПП ОГПУ была широкая сеть помощников, как официальных — заведующих секретной частью предприятий, организаций, учреждений, так и неофициальных, добровольных осведомителей, писавших в эти секретные части порой чудовищные и заведомо ложные обвинения на своих коллег, соседей, знакомых...

В Государственном архиве Новосибирской области мне довелось читать ныне рассекреченную переписку заведующей секретной частью краевого треста «Заготзерно» Анны Ивановны Буровой (ГАНО, ф. 1409, оп. 3, д. 2). Любопытно, что проживала она в том же доме по улице Державина, 7, в котором жил в 1928—1929 годах и увековечил этот адрес на титуле своей книги «Завоевание межпланетных пространств» Юрий Васильевич Кондратюк.

Переписка А. И. Буровой проливает дополнительный свет на нравы, обстоятельства, обстановку того времени. Поистине — это живое дыхание той эпохи, хотя правильнее было бы назвать это дыхание мертвящим, смрадным...

Анне Ивановне приходили доносы на белой, розовой и голубой бумаге разных размеров, на линованной и на оборотах бланков, со штампами учреждений в углу и без всяких штампов, порой даже на оберточной бумаге. Писали чернилами, карандашом, на машинке. Подписанные и анонимные, с подписями «сотрудник», «зри-

тель», «наблюдатель»... Такой-то в разговоре усомнился в пользу поголовной коллективизации; такой-то скрывает, что он лишенец, а такой-то — свое происхождение, отец его «имел не меньше миллиона». Достаточно было написать, что «гр. Ворошилов... сын крупного кулака, бывший белый офицер (я нарочно сохраняю орфографию «документа». — А. Р.), — а брат его лишен избирательных прав, выгнан из аппарата, поэтому гр. Ворошилова желаю из аппарата выгнать стреском» (ГАНУ, ф. 1409, оп. 3, д. 2, л. 77), или попросить «обратить внимание на Кармальского А. А. (чуждый сын священика)» (там же, л. 125), чтобы Бурова придала делу нужный ход, а упомянутым в доносах людям — нужное ОГПУ направление. Пересылая доносы в ПП ОГПУ, А. И. Бурова добавляла и собственные наблюдения, ее, по-видимому, ценили.

Приведу один написанный ею документ — увы, характеризующий в большей степени нравы того времени, чем ничем не выделяющуюся среди других секретных сотрудников ОГПУ Анну Ивановну Бурову, ровесницу Ю. В. Кондратюка и его соседку по дому. Некий Антонов не сработался со своим начальником и решил перевестись в другое место. У его знакомого и коллеги С. Калинина в Москве, в «главке», есть человек, который может этому помочь. И что же? Тут-то и возникает Анна Ивановна Бурова:

«Секретно. ПП ОГПУ тов. Хейману

Препровождаю при сем копию заявления тов. Антонова С., адресованного в Москву в/о «Заготзерно», и письма тов. Калинина С. с ходатайством о переводе его на работу в другой край. Письмо и заявление найдено в столе Антонова, вероятно, еще не послано.

Кроме того, сообщаю, что жена Антонова часто обращается за советами к Калинину. Последний, как видно, принимает горячее участие в оказании ей помощи. После свидания с Антоновым она долгое время разговаривала с ним. О чем шел разговор, узнать не представлялось возможным.

Зав. секретной частью «Заготзерна» Бурова» (ГАНУ, ф. 1409, оп. 3, д. 2, л. 116).

Оставляю этот документ без комментариев, ибо они излишни.

К счастью, о прошлом своего бывшего соседа Буровой тоже «узнать не представлялось возможным». Позднее она получила специальный циркуляр, повелевавший сообщать о таких людях по всей форме:

Среди сотрудников проектного бюро –
осужденный за «вредительство» Ю. В. Кондратюк
(второй ряд сверху)

Николай Васильевич
Никитин.
Снимок
начала 30-х годов

Новосибирск, 30-е годы:
Красный проспект,
«Дом с часами»
(бывший дом Крайснабсбыта).
снимок 70-х годов.
В его проектировании
участвовал Н. В. Никитин

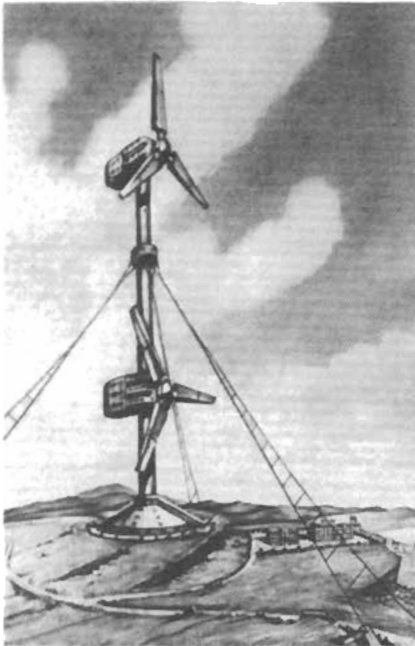

Ю. В. Кондратьев. Снимок 30-х годов

Борис Алексеевич
Злобин.
Снимок 30-х годов

Проект Крымской ВЭС.
Рисунок Н. В. Никитина

Ю. В. Кондратюк с группой харьковских сотрудников

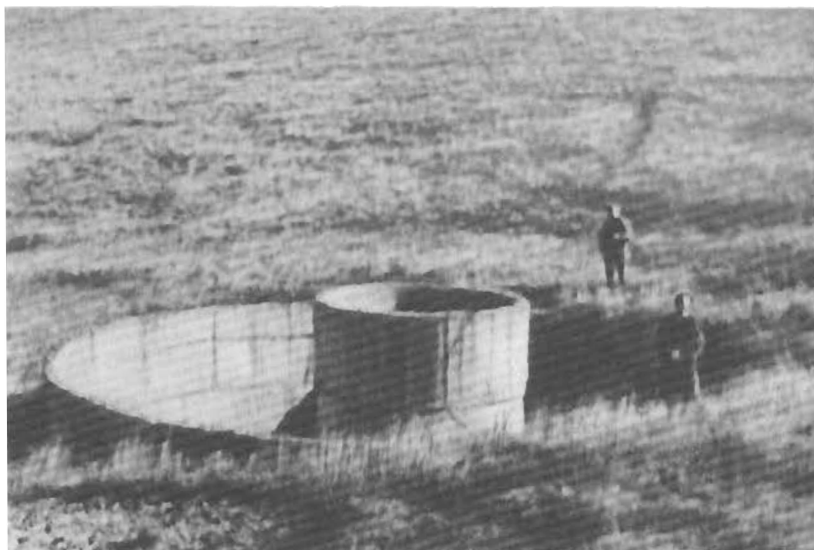
Новосибирск, 30-е годы:
жилой дом «Союззолото» на Октябрьской улице (фото сверху);
Красный проспект (фото внизу)

Харьков. Проект ВЭС утвержден...

Строительство Крымской ВЭС: уже заложен фундамент

Новосибирск, 30-е годы:
угол проспекта Сталина (ныне улица Ленина)
и улицы Революции

Сотрудники проектной конторы Крымской ВЭС.
В центре стоят (слева направо):
Б. А. Злобин (в шляпе), Ю. В. Кондратюк, П. К. Горчаков, Л. А. Лифшиц

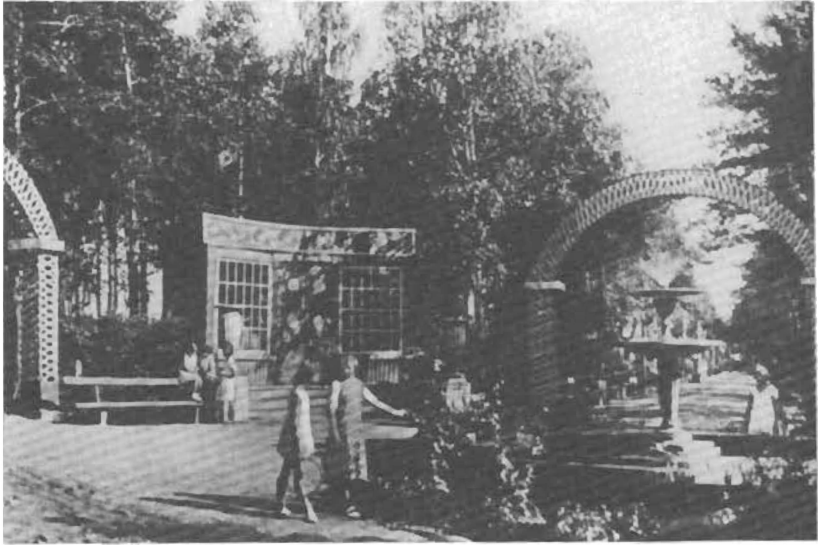

Новосибирск, 30-е годы:
здание Сибревкома (фото сверху);
здание пединститута (фото внизу)

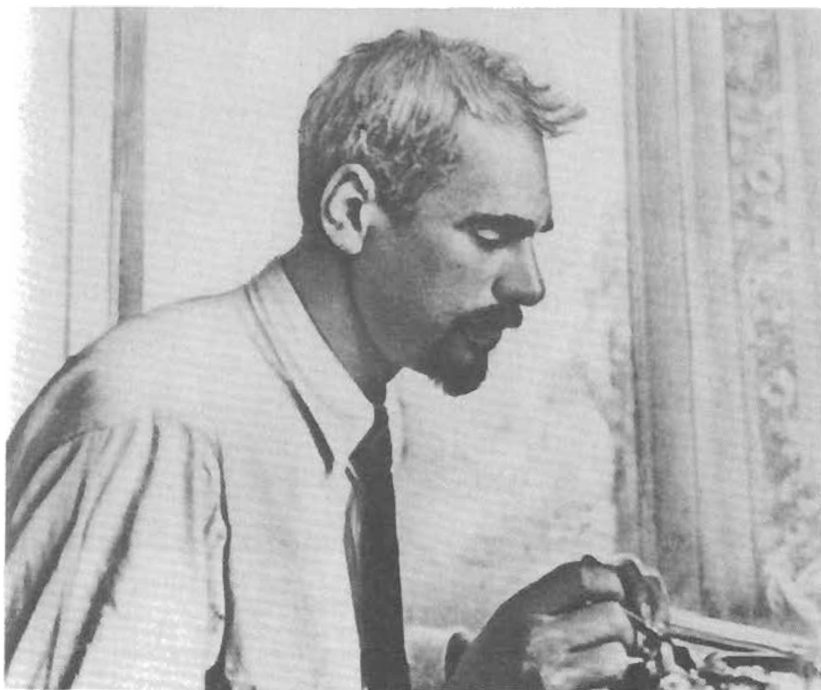
Ю. В. Кондратюк. Победитель... или побежденный?!

Новосибирск. Сад имени Петухова

Новосибирск. Красный проспект

**Ю. В. Кондратюк. Его называли чудаком и Дон Кихотом
за внешнее сходство с Рыцарем Печального Образа
и за рыцарскую верность мечте**

Они помогли восстановить истину: сестра А. И. Шаргея
Ю. В. Кондратюка
Нина Игнатьевна Шаргей и его двоюродный брат
Александр Владимирович Доценко (Саша маленький)
Снимок 1974 года

Новосибирск, 30-е годы. Здание аэроклуба

Бюст Ю. В. Кондратюка.
Работа
новосибирского скульптора
В. Е. Семеновой

Барельеф «А. И. Шаргей»
работы скульптора
В. Е. Семеновой

Новосибирск. Площадь имени Ю. В. Кондратюка

«Полномочное представительство ОГПУ по Запсибкраю.
Спецотдел. Сов. секретно.
31 августа 1933 год. № 65647 г. Новосибирск.

Крайконторе «Заготзерно»

Спецотдел ПП ОГПУ ЗСК просит не позднее 5/IX с. г. выслать в комнату № 128 по прилагаемой форме списки на: 1) бывших офицеров, 2) бывших людей (дворяне, бывшие помещики и т. д.), находящихся на службе у вас в аппарате и подведомственных точках по городу Новосибирску.

Кроме того, в дальнейшем просьба сообщать о прибывающих и убывающих лицах этих категорий (также в комнату 128).

Приложение: форма.

Начальник спецотдела Янкелевич
Оперуполномоченный Суханов» (там же, л. 446).

В сентябре 1932 года Ю. В. Кондратюк «стреском» уходил из «Союзмуки», и Бурова по долгу службы должна была написать на него характеристику в ОГПУ, как на «убывающего» из ее ведомства и из-под ее неусыпного наблюдения. Но архивное дело начинается с более поздней даты, и эту характеристику пока увидеть не удалось.

Но бог с ней, с А. И. Буровой, колесиком адского механизма. Вернемся к ее бывшему соседу, представшему перед следователем ОГПУ Кузнецовым, быть может, побывавшему и в той самой 128-й комнате, где располагался спецотдел ПП ОГПУ — его статья «тянула» на такое «спецобслуживание».

Ни унижения, ни моральные и физические мучения, о которых мы можем лишь догадываться, зная сегодня о таковых из «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына и других свидетельств очевидцев, не сломили его. Не раскаяние, а гордость за созданный им проект «сибирского», то есть рубленого, элеватора звучит в ответах Ю. В. Кондратюка. Он подробно объясняет его преимущества перед практиковавшимися тогда повсеместно элеваторами «канадского» типа — из шпал, стягиваемых болтами, с горечью говорит и о противниках сибирского элеватора. Вот выдержки из протокола допроса Ю. В. Кондратюка от 5 августа 1930 года:

«В 1929 году элеваторы «сибирского» типа по Центральной элеваторостроительной программе делались в трех пунктах — Шерагул, Култук и Кутулик и, кроме

того, по строительству сибконторы «Союзхлеба» также три пункта — Атадым, Тайшет и Верхнеудинск. «Канадского» же элеватора — без сушилок — в этом же 1929 году по линии «Союзхлеба» было выстроено 9 единиц, из коих три — нормальной емкости, 1600 тонн, — Кормилка, Павлодар и Ижорка, и шесть — так называемых малых емкостей — 5065 тысяч пудов. В том же году первые элеваторы малой емкости «канадского» типа обходились примерно во столько же, как и «сибирские» элеваторы нормальной емкости, но имели емкость почти в два раза меньшую, и показали полную свою непригодность к современным темпам хлебозаготовок... Помимо того, что всякие новшества вообще и всюду, как правило, обычно встречают со стороны специалистов более или менее упорное сопротивление, в данном случае я предполагаю значительное влияние на это отношение к «сибирскому» проекту того факта, что этот проект был выдвинут вместо того — «канадского» типа, на котором с небольшими изменениями наше деревянное строительство основывалось почти с самого начала, и тем самым успех «сибирского» проекта как бы подрывал престиж и авторитет правления, правленской проектировки в части деревянного строительства».

В делах следствия мелькают упоминания об еще одном, до сих пор неизвестном проекте Ю. В. Кондратюка — проекте передвижного элеватора. Копии письма о нем в «Союзхлеб» фигурируют в протоколе обыска Ю. В. Кондратюка, о нем упоминает и П. К. Горчаков, который, вероятно, был соавтором этого проекта. В записке из заключения О. Н. Горчаковой Петр Кириллович пишет: «Неужели же Кондратюк передает и проект передвижного элеватора?! Это будет — ужас! Но не думаю — настолько он должен быть все-таки товарищем».

Ни рукописи, ни труды Кондратюка, посвященные вопросам межпланетных полетов, не фигурируют ни в протоколе обыска, ни в материалах следствия. Остается предположить, что, опасаясь ареста, Юрий Васильевич надежно спрятал их.

Что пришлось ему выдержать? Он был на грани отчаяния, понимая, что спасти его может только чудо. С тревогой прислушивался к вопросам следователя, к обвинениям — не прознали ли главного? Постоянно думал об этом в камере, чувствуя, что эти мысли, этот кошмар сведут его с ума. Рассказать все о себе? Но это — верный конец.

Кондратюк с грустной усмешкой вспомнил о Николае Кибальчиче, о котором прочитал в книге Я. Перельмана «Межпланетные путешествия». В ночь перед казнью русский ученый-революционер набросал в царских застенках проект ракетного корабля, к счастью, дошедший до потомков, и тем самым вошел в историю науки. А он, Кондратюк? Он успел опубликовать книжку. Если не пропадут рукописи неопубликованных глав, то, может быть, и о них со временем узнают. Хорошо бы как-то передать их компетентным людям. Но как? Восстановить в камере эти главы? Отберут и, того и гляди, пришьют еще что-нибудь. К тому же, бумагу выдавали буквально клочками — для прошений. Была еще надежда, что недоразумение выяснится, всех их освободят, но эта надежда посещала его все реже.

Шли дни и ночи нескончаемых мук, они вырастали в месяцы заточения.

4 сентября 1930 года вынесено постановление по предъявленному обвинению Ю. В. Кондратюку: «Гр. Кондратюк Ю. В. достаточно изобличен в том, что, будучи помощником районного инженера «Хлебостроя» по строительству элеваторов, мехамбаров и зерносушилок на территории Сибири, на протяжении 1927—1930 годов являлся исполнителем вредительских действий, намечавшихся существующей вредительской организацией при строительстве элеваторов, направленных к срыву последнего.

Методом вредительских действий Кондратюка является допущение ряда конструктивных недочетов при строительстве, предопределяющее срыв последнего, так и систематические переборы в работе готовых сооружений, затяжка строительства путем задержки составления проектов, высылки чертежей и оборудования на точки строительства, несвоевременная дача заказов на оборудование и тому подобное, что также вело к срыву строительства».

И снова тянутся месяц за месяцем мучения. Лишь 3 марта 1931 года вынесено постановление об окончании следствия: «дополнительных моментов, имеющих значение для дела, не выявлено...» 18 марта 1931 года заключенный Ю. В. Кондратюк проходит медицинское освидетельствование, а 26 марта материалы следствия направляются в Москву.

И только 10 мая 1931 года заседание судебной коллегии ОГПУ в Москве выносит приговор — судят, заметим, заочно — по присланным материалам. Из протоко-

ла заседания судебной коллегии: «Горчакова Петра Кирилловича, Лучинина Петра Александровича — заключить в лагерь сроком на пять лет, считая срок первому со 2 мая, а второму с 3 декабря 1930 года.

Курова Петра Васильевича, Беляева Василия Григорьевича, Кондратюка Юрия Васильевича, Аксенова Тимофея Васильевича — заключить в концлагерь* сроком на три года, считая первым двум срок с 11 ноября, а последним двум — с 30 июля 1930 года».

В присланной выписке из протокола заседания судебной коллегии ОГПУ, пришедшей в Новосибирск еще несколько дней спустя, сообщалось, что подсудимые осуждены в соответствии с вышеприведенным приговором, предписывалось заключить их в Сиблаг, «свидания разрешаются на общих основаниях».

Так в его биографию вошла судимость по статье 58-7 — клеймо, сопровождавшее Ю. В. Кондратюка до самых последних дней его жизни. Лишь в 1970 году, почти 30 лет спустя после гибели и через 40 лет после описываемых событий, Ю. В. Кондратюк был полностью реабилитирован. А тогда...

Тогда ему, как и всем его товарищам по «делу», предстояло влиться в ряды новосибирских лагерников. Они были направлены на строительство завода горного оборудования (ныне это Новосибирский авиационный завод имени В. П. Чкалова). Не тяжкий физический труд и не работа на стройке пугали Кондратюка. Он боялся другого — долгих вечеров и ночей на лагерных нарах, отчаяния, постоянных мыслей о страшной опасности, нависшей над ним, — ему казалось, что его тайна близка к раскрытию. Боясь сойти с ума от мыслей, едва не доконавших его еще во внутренней тюрьме в период следствия, Кондратюк обратился к лагерному начальству с просьбой дать ему какую-нибудь умственную работу, связанную с расчетами, чтобы хоть как-то отвлечься. Через некоторое время его спросили — не знаком ли он с шахтным оборудованием?

— Да, немного, — ответил Юрий Васильевич, вспомнив свои гимназические годы, «Туннель» Келлермана и свою работу над проектом сверхглубокой шахты к недрам Земли, во время которой он перечитал тогда мас-

---

* А. Солженицын в романе «Архипелаг ГУЛАГ» пишет, что термин «концлагерь» впервые применен по отношению к гражданам собственной страны в СССР в 1918 году. «Концлагеря, — пишет он, — ...содержались в прямом ведении ЧК для особо враждебных элементов...»

су специальной литературы и о земной коре, и о существующем шахтном оборудовании, и о маркшейдерском ремесле. Шахтное так шахтное, сейчас ему было все равно.

Разумеется, он понимал, что работу над проектированием ему не дадут, ответственных расчетов не поручат.

И он буквально набросился на совершенно несложную для него работу, которую ему принесли: проверку расчетов проектов шахтных копров, сделанных в Германии, Англии, Америке... Что это расчеты шахтных копров, он догадался сам. Ему снисходительно разрешили лишь проверить правильность «цифры».

Сделаем небольшое отступление, чтобы понять, как это произошло. В июле 1930 года, учитывая крупный объем капиталовложений в строительство на Кузбассе (свыше 1 млрд. рублей) и необходимость концентрации всего строительного дела в одном органе, ВСНХ учредил Всесоюзный трест «Кузбасстрой». Программа треста, объединившего под своей эгидой самые различные — промышленные и гражданские, строительные и проектные организации, предусматривала на 1930—1931 годы производство строительных работ на сумму 130 млн. рублей.

Проектную мастерскую «Кузбасстрой» в Новосибирске возглавил Николай Андреевич Чинакал, сорокадвухлетний ученый, будущий член-корреспондент Академии наук и директор Института горного дела Сибирского отделения Академии наук СССР. В первое время Особое проектное бюро № 14 под его руководством занималось привязкой готовых зарубежных проектов к строительству в Кузбассе. Проверку «цифры» в этих расчетах, из осторожности вначале дублируемую, поручили заключенному Ю. В. Кондратюку, уступая его просьбам.

Далее случилось неожиданное. Никому из проектной мастерской неизвестный «зэк» не только проверял расчеты, находя и исправляя в них ошибки, но и писал сопроводительные записки, в которых выражал свое мнение о пригодности, а точнее — о непригодности импортных проектов шахтных копров в условиях Кузбасса. Ведь они были рассчитаны на небольшую, маломощную угледобычу, на иные залегающие угольных пластов, на другие сорта угля.

После того, как неведомый Н. А. Чинакалу Кондратюк — ученый справился о фамилии их добровольного

помощника и навел о нем справки — в непостижимо короткие сроки пересчитал предложенные ему проекты и дал по ним дельные замечания, свидетельствующие о знании им предмета, а также отрицательное заключение о их пригодности, руководитель проектного бюро понял, что имеет дело с умным и грамотным специалистом. Факт заключения Кондратюка, не скрывал впоследствии Н. А. Чинакал, вызывал в нем все же изрядную долю недоверия. И чтобы развеять его, Чинакал, получив очередную порцию забракованных Кондратюком иностранных проектов, пробурчал представителю ОГПУ, связывающему Особое проектное бюро с его бесплатным и добровольным помощником:

— Если он такой умный, этот ваш Кондратюк, то пусть сам подскажет, какой же проект по его мнению годится. Что эти не годятся — мы и сами видим...

Кондратюк уже и сам думал об этом, и новое задание не застало его врасплох. Он в общих чертах набросал эскиз совершенно необычного сооружения — копра башенной оригинальной конструкции, имеющего эллиптическое основание и тонкостенную железобетонную оболочку. Копер должен был возводиться в скользящей опалубке, то есть так же, как возводились железобетонные элеваторы.

Получив этот проект из заключения, Н. А. Чинакал окончательно понял, каким ценным сотрудником для его бюро оказался бы этот неведомый Кондратюк, будь он на свободе или хотя бы в высылке — в бюро было немало таких. А что, если договориться с ПП ОГПУ об этом варианте? Николай Андреевич начал трудные хлопоты, о чем известил Кондратюка. Тот, в свою очередь, просил похлопотать и за П. К. Горчакова, под тем предлогом, что идея копра оригинальной конструкции — их общая идея.

Для начала удалось перевести Кондратюка и Горчакова на работу в проектное бюро № 14. Они оставались заключенными, их бумаги еще рассматривались где-то «наверху», но уже появилась надежда. Условия стали лучше — отсутствие конвоя, паек. И все же вечером приходилось возвращаться в лагерь.

18 ноября 1931 года судебная коллегия ОГПУ во изменение приговора от 10 мая 1931 года приняла следующее решение: прежний срок наказания оставить в силе, но на оставшийся срок применить «высылку Кондратюка и Горчакова в Западную Сибирь для работы на предприятиях «Союзхлеба» и «Хлебостроя».

У Б. И. Романенко, В. И. Севастьянова, Н. В. Никигина и других сказано не о высылке, а о ссылке Ю. В. Кондратюка и П. К. Горчакова. Предвижу недоумение и непонимание современного читателя (признаюсь, что и сам через это прошел) — какая, собственно, разница и что означает и то, и другое в применении к людям, уже живущим в Западной Сибири?

Разъяснение, оказывается, требовалось не только сейчас, но и тогда, в том числе исполнителям подобных приговоров.

«РСФСР, Н. К. Ю. Управление Краевого Прокурора Западно-Сибирского края. От 15 июля 1932 года № 1131/с. Секретная часть. Сов. секретно.

Всем уч. и гор. прокурорам Западно-Сибирского края.

Ввиду отдельных жалоб административно высланных и ссыльных о распространении на них непредусмотренных законом ограничений и отсутствия в местных прокуратурах руководящих материалов для разрешения этих жалоб, сообщаются для сведения и руководства нижеследующие основные положения:

1. Существуют три вида административной высылки по линии ОГПУ:

а) высылка из определенного города, района, области, края или республики;

б) высылка из местности, где высылаемый проживает, с запрещением проживания еще в других шести областях (местностях) Европейской части Союза («минус 6»). Кроме того, м. б. специально оговорено запрещение проживать в пограничных городах;

в) высылка из местности, где высылаемый проживал, и, кроме того, запрещение проживать в других 12 областях и местностях («минус 12»), в том числе во всех пограничных районах и всех центральных (городах и районах областей и краев).

2. Высылка с запрещением проживать («—6» и «—12») в ряде пунктов и местностей. Может сопровождаться прикреплением к определенному месту для проживания, причем это место выбирает сам высылаемый в пределах не запрещенных ему для проживания местностей.

3. Высланные выезжают из запрещенных для них местностей в указанный им срок и в незапрещенных местностях имеют право свободного передвижения...

6. Административная ссылка отличается от административной высылки тем, что ссыльным место обяза-

тельного поселения указывают органы ОГПУ в предусмотренных в особом списке районах.

Краевой прокурор ЗСК Мерэн»
(ГАНУ, ф. 20, оп. 1, д. 204, л. 14).

По жестокой казуистике этих «положений» на Кондратюка и Горчакова распространялись пункты 2 и 3 этого документа. В пределах Западной Сибири они могли свободно передвигаться, местом жительства — в тех же пределах — выбрали Новосибирск. Что же касается направления на работу «на предприятия «Союзхлеба» и «Хлебостроя», то тут уже вмешался Н. А. Чинакал.

Получилось, что они остаются работать там же, в проектной мастерской «Кузбасстроя», только из статуса заключенных переходят в «административно высланные».

По тюрьмам и ссылкам,
По лагерным зонам
Трудом непосильным,
Великим позором,
Чудовищной ложью
Допросов ночных
Испытана верность героев моих.
Оплевана нагло,
Острижена наголо
Билась в падучей
На варах Сиблага...

А. Кухно

Что ни говори, а почти два года Сиблага, из которых более полугодом они провели в одиночных камерах, в подвалах внутренней тюрьмы ОГПУ, без права передач, оказались позади. Правда, с освобождением не спешили — ждали бумаг.

Справки об освобождении из Сиблага ОГПУ, датированные 28 апреля 1932 года, служат им «видом на жительство» в Новосибирске, с последующим запрещением проживания в Москве, Ленинграде и погранполосе.

Спустя годы, впервые получив паспорт, Юрий Васильевич, по воспоминаниям Н. В. Никитина⁹, говорил:

— Паспорт нужно беречь как зеницу ока. Отдам левую руку за паспорт.

«Видимо, освобождение из ссылки принесло много хлопот и неприятностей», — комментирует Н. В. Никитин эти слова Кондратюка. Никитин так никогда и не узнал, какая буря творилась в душе Юрия Васильевича в тот момент, когда он твердо «отдавал» руку за первый в жизни настоящий документ на имя Кондратюка.

А пока с «видом на жительство» и ежемесячной обязанностью являются «на отметку» в комендатуру ОГПУ Ю. В. Кондратюк и П. К. Горчаков возвращаются в свою квартиру на улице Максима Горького. Устраиваясь в систему «Союзхлеба» — «Хлебостроя» они не спешат, предпочитая быть вольнонаемными сотрудниками проектной мастерской «Кузбасстройка». Да и Н. А. Чинакал не торопится с ними расстаться...

Бумаги Юрия Васильевича и его книги сохранились. По его старому адресу к нему приходили письма от Я. Перельмана, В. Ветчинкина, К. Циолковского, но ответа, по понятным причинам, они получить не могли. С грустью прочитал Кондратюк письмо Я. Перельмана с предложением организовать в Новосибирске по образцу и подобию московской новосибирскую группу изучения реактивного движения (ГИРД). Как все это было теперь нереально!..

В «Кузбасстрое» занимались тоже отнюдь не деревянным зодчеством, и время от времени Юрий Васильевич ощущал недостаток своих знаний, особенно по входящим в моду железобетонным конструкциям. Он просил свести его с дельным специалистом по железобетону. Его познакомили с Николаем Васильевичем Никитиным.

Трудно представить себе более счастливую встречу двух талантливейших инженеров! Выпускник Томского технологического института, Н. В. Никитин еще в студенческие годы, занимаясь в исследовательской группе под руководством профессора Н. И. Молотилова, изучил все тонкости расчетов железобетонных конструкций и даже имел собственную теорию расчета рамных, арочных и иных железобетонных сооружений. Он не был кабинетным теоретиком — за его плечами уже был немалый опыт работы на стройках десятилетия и прорабом, он умел и руками довести до реального воплощения любую рассчитанную им конструкцию.

Николай Васильевич Никитин всю оставшуюся жизнь с благодарностью вспоминал дружбу с Юрием Кондратюком, оставил рукописные воспоминания о нем, по сей день не опубликованные полностью. Обратимся к ним:

«Новосибирск. Здесь в 1931—1933 годах я работал в строительном отделе ПП ОГПУ и одновременно по совместительству (тогда это было очень принято) в проектной мастерской «Кузбасстройка». Здесь мне как-то в 1932 году сказали, что со мной хочет посоветоваться

их сотрудник, и познакомили с Юрием Васильевичем Кондратюком. Это был высокий черноволосый человек, лет на 10 старше меня, с черной небольшой бородкой и с большими черными же глазами. Он проектировал фундамент угледробилки. Угледробилка — небольшое в плане, но довольно высокое кирпичное здание. Юрий Васильевич показал мне свои расчеты. Меня поразили совершенно необычный подход к задаче. Обычно, проектируя фундамент, мы собираем нагрузку на характерный погонный метр его.

Юрий Васильевич поступил совершенно иначе. Он определил вес всего здания в целом, добавил к нему вес оборудования и на эту суммарную нагрузку подобрал подошву фундамента. Такой подход значительно умнее, чем традиционный. Юрий Васильевич не знал только, сколько весит чистый пол, какой толщины нужно принимать кирпичные стены.

Мы продолжали встречаться в «Кузбасстрое», и вскоре Юрий Васильевич предложил мне сделать небольшую работу. Я пригласил его к себе домой. Сделать нужно было проект необычного сооружения. Это был шахтный копер в скользящей опалубке. Юрий Васильевич не разумел в расчетах железобетонных конструкций, а это как раз было моей специальностью.

Юрий Васильевич, видимо, хотел предложить этот проект «Кузбасстрою» в замену традиционному равному копру с наклонной ногой-упором.

В скользящей опалубке делают обычно элеваторы, и Юрий Васильевич был знаком с этой техникой.

Копер представлял собой полый цилиндр с эллиптическим планом и тонкими железобетонными стенками. Вверху этот цилиндр переходил к квадратному плану, чтобы дать место наклонному тросу подъемника. Конструкция понравилась мне опять же за свежесть и новизну. Посчитал я толщину стенок, подобрал арматуру, сделал чертеж, определил расход материалов. Не знаю, что случилось с этим предложением. Наверное, забраковали, как всегда это делается, когда с новой идеей приходит человек со стороны».

В письме новосибирскому исследователю биографии Ю. В. Кондратюка Я. Е. Шаевичу, написанном 11 июля 1959 года, Никитин вкратце поведал ту же историю. «Юрий Васильевич был самым талантливым инженером, которого мне пришлось встретить за всю мою жизнь,— писал Никитин.—...Сейчас, по прошествии 27

лет, я думаю, что такой копер был бы вполне рациональным во всех отношениях, как в отношении способа его возведения, так и в его конструктивной схеме. Не знаю, какова судьба этого предложения, то есть кто его хоронил и по какому разряду».

Попытка создать вместе с Никитиным рабочий проект копра относится к 1932 году, как всюду указывает Николай Васильевич. Первый эскизный проект копра Кондратюк сделал, еще находясь в заключении. Были, однако, попытки завершить проект и до встречи с Н. В. Никитиным.

8 сентября 1931 года, еще «за решеткой», Ю. В. Кондратюк с П. К. Горчаковым подают заявку на изобретение башенного железобетонного копра, возводимого в скользящей опалубке. Авторское свидетельство на это изобретение они получили много позже, в конце февраля 1934 года.

В ноябре 1931 года в «Горном журнале» за подписями П. Горчакова и Ю. Кондратюка публикуется статья «Железобетонный копер башенного типа, выполняемый в подвижной опалубке». В этом же номере журнала опубликована их статья «Применение бетона высокого сопротивления к постоянной крепи шахтных стволов», а во втором номере «Горного журнала» за 1932 год — статья Горчакова и Кондратюка «Проходка шахт с механизацией опалубной, бетонной и породоборочной работ».

Московский киносценарист К. И. Орлов нашел машинописные рукописи этих статей с авторской правкой и автографами Ю. Кондратюка. Я видел эти рукописи. Подпись Горчакова на них отсутствует, его фамилия явно допечатана или дописана рукой Кондратюка позднее.

Что же означает это сомнительное соавторство, над причинами которого размышляют сегодня многие исследователи? Есть предположение, что, проникнув в тайну прошлого Ю. В. Кондратюка, П. К. Горчаков попросту шантажировал его в дальнейшем.

В переписке Горчакова с женой, О. Н. Горчаковой, упоминается «тетка Кондратюка», живущая в Киеве, — то есть мачеха А. И. Шаргея—Кондратюка Е. П. Кареева. Вероятно, такую «легенду» они и знали. Но даже если Горчаковы были посвящены в историю перемены имени Шаргея—Кондратюка, то уж вряд ли шантажом со стороны Горчакова объясняются их дружественные с Кондратюком отношения, сохранившиеся вплоть до ги-

бели Юрия Васильевича. Не Горчаков теперь стал покровителем Кондратюка, а наоборот, Кондратюк всячески помогал Петру Кирилловичу, в прямом смысле спасая его. Ведь их творческая состоятельность стала вопросом жизни!

К тому же, оба надеялись, доказав свою полезность и творческий потенциал, смягчить свою участь, отместить павшую на них тень наветов, смыть клеймо «врагов», «вредителей». Не будем забывать, что их соавторство зародилось на нарах Сиблага, где Горчакову предстояло провести почти в два раза больший срок. То ли Горчаков упросил Кондратюка считать его в своих работах соавтором, то ли сам Кондратюк решил помочь товарищу по судьбе — мы не знаем. Так или иначе, Кондратюк дописывал фамилию Горчакова к своим статьям и авторским изобретениям. Заметим и тот факт, что к заявкам на изобретения дописывал не всегда, что также ставит под сомнение версию шантажа со стороны Горчакова.

Какую же долю вносил П. К. Горчаков в их соавторство? Петр Кириллович был на 9 лет старше Кондратюка (а по «легенде» Кондратюка — на 12), имел диплом инженера-строителя, окончив Петербургский институт путей сообщения и Петербургский технологический институт. До 1921 года он работал на железной дороге Сочи—Сухуми, затем с 1921 по 1924 год был прорабом «Госстройконторы», перешел в «Хлебопродукт», выдвинулся в руководители кустового объединения по Краснодарскому краю, где и встретился с Ю. В. Кондратюком. Был ли у Горчакова инженерный и изобретательский талант? Сотрудничавшие с ним в Новосибирске, Харькове, Москве ставят наличие такового под сомнение. Главным ценным качеством Горчакова, вспоминают они, был талант организатора, он брал на себя всю организационную сторону дела, привлечение нужных людей, переписку, «проталкивание», добычу нужного оборудования и документов, «представительство» — словом, то, чего не умел и не любил делать Ю. В. Кондратюк.

На улице Максима Горького в деревянном доме № 120, в котором вновь поселился с Горчаковыми Юрий Васильевич, стал бывать и новый друг Кондратюка — Николай Васильевич Никитин. Однажды, обсуждая очередную идею Кондратюка, Никитин заметил, что, поскольку ее не удается никак «пробить» здесь, в Новосибирске, следовало бы либо Кондратюку, либо Гор-

чакову съездить в Москву и там добиться положительного решения вопроса.

Юрий Васильевич переглянулся с Горчаковым и после долгой паузы, наконец, горько произнес:

— Нельзя. Мы ведь с Петром Кирилловичем — люди «сидячие»...

В эту невеселую для героя минуту оставим его ненадолго с друзьями, чтобы разобраться в истинных причинах столь горького витка его судьбы. Не был ли виноват если не он, так хотя бы Горчаков? Чтобы удостовериться в обратном, обратимся к документу, появившемуся много лет спустя:

«В Судебную коллегия по уголовным делам. Протест в порядке надзора.

...В материалах дела нет никаких данных о том, что в системе «Хлебостроя» существовала вредительская организация. В деле нет данных о том, что Кондратюк, Горчаков, Лучинин, Куров, Беляев, Аксенов преднамеренно совершали какие-либо преступные действия. Во втором томе дела имеются акты, докладные записки, другая ведомственная переписка, из которой видно, что при строительстве в Сибири элеваторов, хлебоамбаров и зерносушилок в 1927—1930 годах допускался ряд недочетов и упущений, главным образом — вследствие несвоевременной присылки рабочих чертежей и оборудования из Москвы от вышестоящей организации, что задерживало окончание строительства. Но следствием не установлено, кто именно является ответственным за эти недостатки и упущения, имеют ли к ним отношение привлеченные по данному делу лица.

При расследовании настоящего дела следователями допущены грубые нарушения закона, руководивший следствием и утвердивший постановление-определение обвинения ПП ОГПУ по Запсибкраю Заковский осужден к высшей мере наказания.

Исходя из изложенного, следует прийти к выводу, что Кондратюк, Куров, Беляев, Аксенов, Горчаков и Лучинин осуждены совершенно необоснованно.

Генеральный прокурор СССР,
государственный советник юстиции Р. Руденко.

29 февраля 1970 года».

18 мая 1970 года определением Коллегии Верховного суда СССР постановление коллегии ОГПУ от 10 мая 1931 года было отменено, как незаконное, и все осуж-

денные по этому делу были полностью реабилитированы.

Вернемся еще раз к этой истории, чтобы обратить внимание на один из ее парадоксов. Невероятно, но факт: музе истории, великой шутнице Клио, угодно было столкнуть вместе судьбы двух людей, тщательно скрывающих свое подлинное имя. Раскрытие их тайны для обоих было смерти подобно.

Один из них, осужденный по 58-й статье, не волен был распорядиться даже собственной судьбой.

Другой стал вершителем судеб тысяч людей. «За боевые заслуги по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом» имел награду — орден Красного Знамени. Одним росчерком синего карандаша он утвердил сфальсифицированное обвинение по результатам следствия «хлебостроевцев», которым сам же и руководил.

Механик, помощник районного инженера «Хлебо-строая», автор тоненькой книжки, выпущенной на собственные сбережения, уклонившийся от публикации своих биографических данных в специальном издании Н. А. Рынина: «Полагая, что чисто личные стороны моей жизни не представляют особого интереса...»

И чекист, бурная революционная биография которого печаталась и в «Сибирской советской энциклопедии» и в ряде других изданий, полномочный представитель ОГПУ по Западно-Сибирскому краю.

Юрий Васильевич Кондратюк, он же Александр Игнатьевич Шаргей, перенес все выпавшие на его долю тяготы, сохранил тайну своего имени до наших дней. Его имя, и первое, и второе, ничем не запятнанное, вписано в историю нашего Отечества.

Леонид Михайлович Заковский, он же Генрих Эрнестович Штубис, 29 августа 1938 года был осужден по статьям 58-6, 58-8 и 58-11, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Вот уж, как писал впоследствии Ю. В. Кондратюк, «действительно, все получается в жизни наоборот...»

КОНКУРС

«Разговаривать с Ю. В. было сущим удовольствием, — вспоминал Н. В. Никитин. — Он был богато наделен чувством юмора. Мысли были острыми, быстрыми, блестящими.

Я не мог понять, что связывает Юрия Васильевича, с Горчаковым. Горчаков иногда над ним подшучивал. Ю. В. был к Горчакову неизменно почтителен. Позна-

комился я с женой Горчакова Ольгой Николаевной и его дочерью Люсей. Они очень мило относились к Юрию Васильевичу. Ю. В. любил сладкое, за это его часто вышучивали.

Юрий Васильевич был знаком с моей сестрой Валей, она работала копировщицей в «Кузбасстрое...»

Валентина Васильевна Савельева, урожденная Никитина, не только любезно предоставила мне воспоминания своего брата, сохранившиеся у ней в автографе, но и рассказала сама все, что помнила о Ю. В. Кондратюке. В те годы он запомнился ей постоянно бритым наголо — вспомним, что Кондратюк работал в проектной мастерской, будучи заключенным, а затем — административно высланным.

«Когда было жарко, — вспоминала Валентина Васильевна, — Юрий Васильевич приходил на работу босиком. Вообще, одевался он тогда неважно, был очень худой. Но все это его, казалось, ничуть не смущало. Зато он очень смущался, когда вынужден был просить меня работать неурочно. Был Кондратюк очень деликатен, вежлив, вообще старался всем услужить, помочь. Помню, когда наше Особое проектное бюро № 14 переезжало на четвертый этаж, он бегом носился по лестницам с письменным столом на спине и перетаскал таким образом множество столов — без всякой просьбы их владельцев. У меня на столе часто лежали книги, которые я читала в свободные минуты, — Цвейг, Драйзер и другие. И, подсаживаясь ко мне, Юрий Васильевич их с интересом перелистывал, иногда просил почитать, а нередко вспоминал запомнившиеся ему произведения этих авторов и спрашивал: «Не читали? Это одна из лучших его (этого автора) вещей. Я ее читал в юности и многожды перечитывал потом».

На лице его всегда светилась улыбка, а темные глаза оставались грустными. Иногда в них вспыхивал дерзкий, торжествующий огонек — когда он брал выполненную мною работу, листы проекта, который он делал на конкурс и в котором ему помогал Николай Васильевич».

Конкурс этот явился для Ю. В. Кондратюка полной неожиданностью. Но вначале расскажем о предшествующих ему событиях.

Положение административно высланных угнетало Кондратюка и Горчакова. Для Юрия Васильевича было мучительным не только то, что он не мог свободно перемещаться, но и, главным образом, то обстоятельство,

во, что он не мог связаться с родными на Украине. Он боялся подвести их и себя, так как почта его контролировалась ОГПУ.

Их почта длительное время содержала просьбы о помиловании, которые Горчаков направлял во ВЦИК. К ходатайствам привлекались, по просьбам Кондратюка и Горчакова, научные общества, управление государственным трестом «Кузбасстрой», а через него Наркомат тяжелой промышленности.

Жесткий режим надзора, недоверия, явок «на отметку» угнетал Кондратюка еще и тем, что как бы подчеркивал его неполноценность для общества. Целый ряд незаурядных инженерных решений, сделанных им в «Кузбасстрое», доказывал обратное, но для того, чтобы снова стать совершенно свободным человеком, требовалось сделать нечто экстраординарное. Таким шансом — хотя он и не сразу поверил в его успех — стал конкурс на проект мощной ветроэлектростанции в Крыму, объявленный Центральным энергетическим советом Наркомата тяжелой промышленности СССР. Инициатива этого конкурса принадлежала наркому Г. К. Орджоникидзе.

Рассказывают, что ранней весной 1932 года Григорий (Серго) Константинович побывал по настоянию врачей в Крыму и заметил, что южному берегу Крыма не хватает электроэнергии не только на минимальную освещенность большой Ялты, но и для процедур, связанных с электрическим питанием, даже для демонстрации фильмов отдыхающим. Местное руководство разводило руками — ни тепловых, ни гидроэлектростанций в Крыму ожидать в ближайшее время не приходилось: донбасский уголь уходил на промышленные нужды, а рек, пригодных для строительства гидроэлектростанций, поблизости не было.

Размышляя о выходе из положения, Орджоникидзе подумал: а не использовать ли для получения электроэнергии морские ветры, дующие над вершиной Ай-Петри?

Ему виделся мощный ветряк, красиво вписавшийся в пейзаж Крымского побережья, сплошь залитого электрическим светом. Ведь строили же тогда небольшие, маломощные ветряки!

Вернувшись в Москву, Орджоникидзе посоветовался со специалистами и, заручившись их поддержкой, предписал объявить конкурс на проект Крымской ветроэлектростанции (ВЭС).

С условиями конкурса П. К. Горчакова и Ю. В. Кондратюка познакомил А. П. Дзюба — бывший инженер «Кузбасстроя», перешедший к тому времени в «Запсибэнерго».

Вначале Кондратюк занимался разработкой этой идеи без особого энтузиазма, что называется, «для отписки». Но мало-помалу «безумная» идея огромного ветряка увлекла его. Башню для него он сразу же решил строить из железобетона — тем самым не реализованным еще способом скользящей опалубки, который он предлагал для сооружения башенного шахтного копра. Необходимо было рассчитать устойчивость такой башни для мощных ветров, постоянно меняющих силу и направление, — задача, казавшаяся ему слишком сложной, чтобы он сам смог решить ее. Он обратился к П. В. Никитину.

«Мы встретились с Юрием Васильевичем у Петра Кирилловича Горчакова. Мне предложили помочь им в разработке проекта мощной ветроэлектростанции, — вспоминал Николай Васильевич. (Дальнейшие его слова свидетельствуют, что работа началась до освобождения из ссылки Кондратюка и Горчакова — А. Р.). — Я уже знал, что Юрий Васильевич и Петр Кириллович отбывают в Новосибирске ссылку как осужденные. Тогда это не было диковиной. У меня было много знакомых ссыльных: архитекторы Б. А. Гордеев, С. П. Тургенев, инженер М. Я. Мокшунин и другие».

Позднее, в интервью корреспонденту «Литературной России» (11 сентября 1970 года), Н. В. Никитин вспоминал о том, чем Ю. В. Кондратюк привлек его к этой работе:

«Рассказал мне о грандиозных перспективах. Это вечное сырье, сказал он о воздушном океане. Энергия этого океана неисчерпаема. Я попросил его объяснить, как он мыслит технологию превращения энергии ветра в электрическую. Мне это было нужно, чтобы понять характер предстоящего строительства. Из беседы с Кондратюком стало ясно, что основные трудности будут связаны именно со строительством. Башня должна быть не только очень высокой, но и вращающейся».

«Ветроэлектростанция (ВЭС) Юрия Васильевича состояла из железобетонного трубчатого ствола, который коническим основанием опирался на масляный подпятник. Ствол имел высоту около 150 метров. На высоте 120 метров на стволе был сделан консольный воротник

из железобетона. По нему перекачивался поезд из тележек с вертикальными и горизонтальными колесами. На поезде лежали три наклонные расчалки, удерживающие ствол в вертикальном положении, допуская его вращение вокруг центральной оси, чтобы повернуть сооружение по направлению ветра. На вершине ствола установлено машинное отделение с генератором и ветроколесом с четырьмя лопастями, диаметром 80 метров.

Юрий Васильевич сам решил задачу оптимального угла наклона расчалок...»

Неопределенное положение «высланных в Западную Сибирь» позволяло передвигаться в пределах Запсибкрая, и сначала Ю. В. Кондратюк, с удовольствием ощущая себя «почти свободным», охотно ездит в командировки по Кузбассу. Именно во время них он в рекордный срок спроектировал и построил безопорный подвесной мост через реку Абу в Новокузнецке. Воздвигнутое без особых материальных затрат деревянное сооружение верой и правдой отслужило в тридцатые годы промышленному Кузбассу.

Но вскоре, увлекшись не на шутку проектом мощной ВЭС, Ю. В. Кондратюк уже досадует на командировки, на всякую иную работу, отвлекающую его от главного. Он увольняется из «Кузбасстроя» и переходит в августе 1932 года на должность инженера по механизации в краевую контору «Союзмуки». П. К. Горчаков, налаживая связи и организуя поддержку их проекту со стороны «Запсибэнерго», вскоре сообщил об открывшейся возможности для Ю. В. Кондратюка перейти на должность инженера в «Запсибэнерго». Сам П. К. Горчаков до отъезда в Москву работает в «Союзмуке».

В сентябре 1932 года, еще работая в «Союзмуке», Кондратюк подписал вместе с П. К. Горчаковым соглашение на составление эскизного проекта Крымской ВЭС. «Главэнерго» установило им срок представления проекта — ноябрь 1932 года и общее вознаграждение в сумме 5000 рублей. По сути дела — два проектанта включились в конкурсную борьбу с двумя крупнейшими специализированными институтами, находящимися в Харькове (Украинский научно-исследовательский институт промышленной энергетики) и в Москве (Центральный ветроэнергетический институт). Денежное вознаграждение институтам, проделавшим ту же работу, только значительно менее эффективно, было назначено в десять раз больше, чем их конкурентам-одиночкам, — 50000 рублей.

Связав себя контрактом, Ю. В. Кондратюк немедленно переходит на работу в «Запсибэнерго», о чем ставит в известность свое начальство следующей докладной запиской:

«Директору «Союзмука». Докладная записка. Кондратюк Юрий Васильевич.

Довожу до Вашего сведения, что с сего числа я перешел на работу в «Запсибэнерго» ввиду того, что:

1. Мое использование в «Союзмуке» идет совершенно не по специальности — на составление спецификаций на материалы и в дальнейшем предполагалось направить меня на длительные объезды мельниц для составления ремонтных и реконструктивных смет, тогда как я сметной работой никогда в жизни не занимался.

2. Назначенный мне Вами оклад 325 рублей совершенно не соответствует моей квалификации.

3. С «Запсибэнерго» я связан работой по проектированию мощного ветроагрегата, каковая при моей службе в «Союзмуке» всегда была бы под угрозой срыва вследствие командировок, — работа же эта имеет весьма крупное значение.

Не сданных работ по «Союзмуке» за мной не числится.

Юр. Кондратюк.

25.IX.1932 год. Новосибирск».

Начальник сектора кадров «Союзмуки» Рожин пытался жаловаться в «Запсибкрайтруд» на «переманивание работников «Сибэнерго», требовал «вернуть» Кондратюка в «Союзмуку», но это ни к чему не привело. Разгневанный начальник издал приказ:

«Инженера по механизации производственно-технического сектора тов. Кондратюка за невыход на работу считать с 23 сентября 1932 года дезертиром труда и из списков треста исключить».

Так, принятый 1 августа как «гражданин», а уволенный, хотя и с врозной формулировкой, но все же «товарищ», Кондратюк в третий раз за свою жизнь попал в положение «дезертира», на сей раз, к счастью, без последствий.

В ноябре 1932 года, по контракту, Кондратюк и Горчаков с помощью Никитина завершили эскизный проект Крымской ВЭС. Взяв специальное разрешение в ОГПУ, Кондратюк выехал с проектом в Москву по командировке «Запсибэнерго». В столице он «отмечается» и сообщает милиции адрес, по которому остановился: Нижнетишинский переулок, 7, кв. 4.

Выяснилось, что их соперники сроков не выдержали, их проекты были представлены значительно позднее, и, таким образом, у новосибирских проектировщиков появилось время на обдумывание деталей.

13 декабря 1932 года Ю. В. Кондратюк подает три заявки на изобретения, касающиеся отдельных узлов и сооружений мощной ветроэлектростанции. Если учесть, что лишь одна из них была им подана в соавторстве с Горчаковым, можно предположить, что две из них разработаны и придуманы им в Москве. Авторские свидетельства по всем трем заявкам были выданы в октябре—декабре 1933 года.

По представлении всех трех конкурсных проектов в «Главэнерго» началась экспертиза. А вскоре в Новосибирск приходит ходатайство Народного комиссариата тяжелой промышленности. «Новизна и оригинальность целого ряда конструкций в проекте требуют участия авторов в экспертном рассмотрении работы»,—гласил документ.

12 февраля 1933 года соавторы прибыли в Москву. Дав необходимые пояснения экспертной комиссии, они на довольно продолжительное время оказались представленными самим себе — комиссия рассматривала проекты их конкурентов.

Разрешение на выезд в Москву, выданное им в ОГПУ, пришлось дважды продлять. Для этого в ПП ОГПУ Запсибкрая поступили ходатайства на бланке Наркомата тяжелой промышленности, подписанные председателем Центрального энергетического совета при Наркомтяжпроме А. Н. Долговым.

«3 марта 1933 год. Срочно.

Как Вам уже известно, ЦЭСом «Главэнерго» в настоящее время проводится экспертиза проектов мощных электродвигателей. Предварительная стадия изучения проектов — экспертная — уже заканчивается, и с середины марта в ЦЭСе будут проведены их рассмотрение и окончательная оценка.

Уже в результате первой стадии проектирования наметились перспективы того огромного значения, которое ветроиспользование может получить для нашей энергетики. Настоящая экспертиза призвана сказать решающее слово, которое несомненно окажет влияние на судьбу ветроиспользования на значительном отрезке времени.

Ввиду этого, а также ввиду полной новизны и оригинальности целого ряда конструкций проектов, присут-

стве авторов при их разработке является безусловно необходимым.

Поэтому ЦЭС «Главэнерго» просит не отказать в продлении разрешения инженерам Горчакову П. К. и Кондратюку Ю. В.—авторам одного из наиболее интересных и многообещающих проектов—на пребывание их в Москве до конца экспертизы, то есть до 1.04.33 г.»

«Просим разрешить пребывание в Москве гг. Горчакова и Кондратюка—авторов одного из наиболее интересных проектов до мая сего года...»

Параллельно Наркомат тяжелой промышленности СССР в лице А. Н. Долгова и, вероятно, не без участия самого С. Орджоникидзе ходатайствует об освобождении Кондратюка и Горчакова от наказания высылкой и прикреплением их для работы к Наркомтяжпрому. Начальник экономического управления ОГПУ Миронов дважды посылает соответствующие отношения в судебную коллегия ОГПУ в Москве. Наконец, 27 апреля 1933 года заседание коллегии ОГПУ выносит вердикт: Кондратюка и Горчакова «досрочно освободить с прикреплением для работы к Наркомтяжпрому с использованием в городе Харькове».

«Освободить с прикреплением»—это было похоже на новую высылку, гораздо больше, чем на полную свободу. К радости примешивалась невольная горечь. Вот так, до самого конца жизни, Юрий Васильевич был обречен жить, по меткому выражению В. И. Севастьянова, «на птичьих правах».

Пока экспертная комиссия рассматривала и сравнивала конкурирующие проекты, у Кондратюка выдалось немало свободного времени.

Первым делом он навестил В. П. Ветчинкина, рассказал ему о работе, которая привела его в Москву. Владимир Петрович слушал с большим интересом и, будучи специалистом по аэродинамике, предложил свои услуги в качестве консультанта. Ветчинкин рассказал Юрию Васильевичу о том, что работами Кондратюка в области теории межпланетных полетов очень заинтересовались в ГИРДе.

— Да, они писали мне, да я не ответил, был... занят,—пробормотал Юрий Васильевич.

— Вам обязательно нужно с ними повстречаться!—воскликнул Ветчинкин.— Дело принимает, практический оборот! Не этого ли вы всю жизнь добивались?!

Он взял с Кондратюка слово, что тот обязательно побывает в ГИРДе.

— Я уверен, что они предложат вам интересную и достойную Вас работу.

В МосГИРДе Юрий Васильевич побывал, по свидетельству очевидцев, дважды. Это объяснялось и его интересом к людям и к тематике работ этой организации, и душевной борьбой, в результате которой он не без сожаления, но твердо отказался от лестного предложения заменить скончавшегося в марте первого руководителя МосГИРДа, а в последнее время руководителя бригады разработчиков жидкостного ракетного двигателя Фридриха Артуровича Цандера.

Свидетелем первого посещения Ю. В. Кондратюком ГИРДа был тогдашний молодой гирдовец, ныне профессор Новосибирского электротехнического института Леонид Эдуардович Брюккер. Он рассказал, что в беседе с Юрием Васильевичем участвовали многие конструкторы ГИРДа, а также начальник отдела кадров МосГИРДа, который и пригласил гостя работать над созданием ракетной техники.

Ветчинкин был прав — ему, Кондратюку, предложили интереснейшую и достойную его работу. Более того, ему предложили заняться делом, которое он считал делом своей жизни! Каково же ему было произнести свое «нет» этим с восхищением глядящим на него людям!..

Начальник МосГИРДа Сергей Павлович Королев¹⁰ лично пригласил Кондратюка вторично посетить ГИРД. Юрия Васильевича принял он и секретарь парторганизации МосГИРДа, ведущий инженер Н. И. Ефремов. По свидетельству последнего, Ю. В. Кондратюк пробыл в ГИРДе несколько часов. В общих чертах его ознакомили с тематикой ГИРДа, обрисовали перспективы, показали лабораторию. И снова Юрий Васильевич отказался перейти на работу в ГИРД. Он объяснил это занятостью важной работой, которую курирует сам Сергей Орджоникидзе. Гирдовцы сочли это вполне уважительной причиной, не догадываясь, что причина отказа Кондратюка от дела, к которому он всю жизнь стремился, — практического строительства ракетных кораблей, не оставляет им надежд заполучить к себе выдающегося ученого и по окончании им работы, выполняемой по заданию С. Орджоникидзе. Истинная причина его отказа заключалась в том, что, поняв, сколь строгую проверку документов особым отделом РККА ему придется пройти, устраниваясь в ГИРД, Кондратюк немедленно осознал всю невозможность этой затеи.

Напомним, что лишь 27 апреля состоялось решение судебной коллегии ОГПУ о досрочном освобождении его от высылки в Западную Сибирь «с прикреплением для работы к Наркомтяжпрому с использованием в городе Харькове». Он еще не знал об этом решении — узнал, по-видимому, лишь посетив в начале мая наркома тяжелой промышленности С. Орджоникидзе. В ГИРД же Ю. В. Кондратюк пришел, имея на руках в качестве документов лишь «вид на жительство» в Новосибирске и справку ОГПУ о разрешении на пребывание в Москве до мая 1933 года... Нет-нет, это, увы, невозможно... Хватит одной лишь не снятой с него судимости, не говоря уже обо всем, что откроется при тщательной проверке его документов! Ведь он даже не имел понятия, как звали родителей человека, чьими документами он пользовался...

Тревожное чувство овладело им — а не засекретят ли проект Крымской ВЭС? Не начнут ли и тут проверять документы?

Он присел на скамейку, раскрыл подаренный ему Горчаковыми большой раскладной портфель, вынул из него заветную папку-скоросшиватель, где были подкормы его рукописи, письма, книжки, клочки бумаги с одному ему ведомыми набросками — все, что до сих пор связывало его с ракетной техникой. Почему он не отдал свои рукописи гирдовцам? Ведь они никогда уже ему, видимо, не пригодятся! Он отказался даже консультировать гирдовцев, как это делал Ветчинкин. Ведь консультантов, надо полагать, тоже проверяют — ГИРД стал секретной организацией, финансируемой Управлением военных изобретений РККА, за его работой следил сам М. Тухачевский¹¹! Что же делать? Отнести им? А как объяснить, что он поставил для себя крест на этих работах?

В задумчивости листал он папку, пока не наткнулся на письмо Циолковского, которому так и не ответил. «Калуга, ул. Циолковского, № 1, от Циолковского», — прочитал он обратный адрес. Надо же, живет на улице собственного имени! Почетный профессор Академии воздушного флота имени Жуковского, почетный член всяческих обществ, корифей и основоположник. А не съездить ли на денек к нему в Калугу? Все равно в праздники никто не вызовет...

Впоследствии он рассказывал об этой встрече Никитину. Его поразила и убогая обстановка домика, где жил великий ученый, и немощность хозяина, его глу-

хота, к которой он, гость, впрочем, быстро приспособился, говоря в ратруб слуховой трубы. Но главное — его поразило, что и Циолковский был обречен остаться теоретиком, хоть и прославленным. Он-то думал, что возле него тоже кипит какой-нибудь ГИРД!

— Слишком много почестей и никакого дела. Даже модель дирижабля не могли постронты! — горько рассказывал Кондратюк.

Впрочем, к самому К. Э. Циолковскому Кондратюк ни уважения, ни доверия не потерял. Через два года Константина Эдуардовича не стало. А когда в печати появились сообщения об организации музея К. Э. Циолковского в Калуге, Юрий Васильевич отправил туда экземпляр своей книжки с надписью:

«Музею Циолковского в Калуге. Направляю Вам свою книжку с просьбой включить ее в экспонаты музея начинателя идей межпланетных сообщений. Юр. Кондратюк. 5.IX.38. г.»

Музейный экспонат — книжка чудака. Ну уж если кто и посмеется над ней, то не в музее Циолковского...

А пока он возвращался из Калуги в Москву, вспоминал последнее рукопожатие Циолковского, его фигуру на пороге домика, почти такого же, каким был его домик на Нерчинской в Новосибирске.

Москва отдыхала после первомайского буйства красок. Праздник он пропустил, но ничуть не жалел об этом. Не торопясь Юрий Васильевич дошел до гостиницы, где на него налетел взволнованный Горчаков:

— Юра! Господи, куда ты пропал, невозможный ты человек?.. Наш проект признали лучшим, харьковский тоже прошел, а москвичей зарубила экспертиза. Завтра мы идем на прием к самому Орджоникидзе! Ты меня слышишь, Юра?

Заснуть в эту ночь долго не удавалось. Допоздна поговорив с Горчаковым, который рассказывал ему, как проходила экспертиза, как было отмечено техническое превосходство их проекта над «институтскими» проектами, как ленинградские и московские эксперты «зарубили» проект, разработанный Центральным ветроэнергетическим институтом, тем самым, который пытался ставить сибирякам палки в колеса и взять их проект под свой контроль и экспертизу, Юрий Васильевич потом долго лежал с открытыми глазами. В окно заглядывал молодой майский месяц, словно обещающая начальной своей фазой полный цикл новой жизни. И так, завтра их встретят как победителей. А что же дальше? Кто

будет составлять рабочую документацию, делать технический проект? Проводить всю эту громадную работу, которую не в силах хорошо сделать целые институты?

Он пытался представить себе Серго Орджоникидзе. Грузин с пышными усами, портрет его он помнил смутно. Сразу же перед его глазами встал портрет другого усатого грузина. Он вспомнил, как, ища в газетах возможную информацию о ходе конкурса, совсем недавно — в январе 1933 года — наткнулся на кусок речи Сталина «О работе в деревне», отчего-то вздрогнул и нашел глазами причину ударившего в сердце холода: «...колхозы могут превратиться на известный период в прикрытие всякого рода контрреволюционных деяний, если в колхозах будут заправлять эсеры и меньшевики, петлюровские офицеры и прочие белогвардейцы, бывшие денкиницы и колчаковцы. При этом следует иметь в виду...»

Да, следует иметь в виду возможность в любое время быть опознанным: «Ловко, ловко вы, Александр Игнатьевич, замаскировались! Ну, да сколько веревочке ни виться...»

Может быть, вот она — чудом выпавшая счастливая возможность раскрыться, скинуть с себя этот проклятый груз — взять да и признаться во всем завтра наркому. Ну и что? У него и времени-то нет выслушивать, да и не его это дело, вызовет «огэпэушников», а те — по старой «дружке» влепят «вышку» без суда и следствия... Ладно, завтра поглядим, на каком свете мы живем — уже на том или еще на этом.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Кондратюку очень понравился Серго Орджоникидзе — по нему было видно, что человек он увлеченный, а Юрий Васильевич ничто так не ценил в людях, как увлеченность делом. Об их проекте Серго говорил горячо, словно уже видел залитое электрическим светом Крымское побережье. Живо интересовался Григорий Константинович и самими проектантами, помрачнел, услышав о их все еще действующем «минусе» — «Это мы уладили...», задумчиво улыбаясь, полистал подаренную ему книжку Кондратюка... «Вот вы какие, оказывается!.. Ну что ж, оборудуем для нормальной жизни Землю, так и межпланетные пространства нач-

нем... завоевывать. Циолковского знаете? Ваш единомышленник, между прочим!»

Конкурс, между тем, продолжался. Два эскизных проекта, прошедшие экспертизу, должны были разрабатываться далее и быть представлены в виде технических проектов. Этими проектами были харьковский — инженера Д. Я. Алексапольского и новосибирский — Ю. В. Кондратюка и П. К. Горчакова. Григорий Константинович предложил сибирякам отправиться в Харьков и продолжить работу над своим проектом там, в непосредственной близости от конкурентов и при поддержке и финансовом обеспечении Украинского научно-исследовательского института промышленной энергетики (УНИИПЭ).

Заручившись согласием сибиряков, С. Орджоникидзе тут же продиктовал машинистке и подписал им письмо на имя уполномоченного Наркомата тяжелой промышленности при Совнарком УССР Д. И. Петровского:

«Для работы по проектированию мощной ветроэлектростанции направляются в Харьков инженеры Горчаков П. К. и Кондратюк Ю. В. Тов. Горчаков и Кондратюк будут работать при институте Промэнергетики.

Прошу оказать им необходимое содействие в выполнении порученной им работы.

Народный комиссар тяжелой промышленности
С. Орджоникидзе».

Пожелав авторам проекта успехов, С. Орджоникидзе просил их побывать перед отъездом у председателя Центрального энергетического совета при Наркомтяжпроме — Александра Николаевича Долгова. У него, к тому же, хранился их эскизный проект, дальнейшая разработка которого предстояла в Харькове.

А. Н. Долгов также снабдил их личным письмом к Д. И. Петровскому:

«Дорогой Данила Иванович! Недавно в Центральном энергетическом совете под моим председательством рассматривались результаты экспертизы трех эскизных проектов мощных ветросиловых установок, разработанных по поручению Главэнерго в Москве, Харькове и Новосибирске.

Мы признали, что проекты института Промэнергетики и инженеров Горчакова и Кондратюка, которые работали в Новосибирске, полностью заслуживают дальнейшей разработки.

- Желательно так поставить дело, чтобы обе парал-

тельно работающие группы проектировщиков имели возможность постоянного сотрудничества и взаимных консультаций, поскольку вопрос чрезвычайно сложный и требует в отдельных своих деталях коллективной работы.

Инженеры Горчаков и Кондратюк были приняты т. Орджоникидзе, который очень заинтересовался как самим делом, так и положением инженеров, о котором они смогут рассказать Вам особо.

По моему совету, основанному на заключении ЦЭК, он направил их в Харьков для совместной с институтом Промэнергетики работы над проектами мощных ветросиловых установок.

Поскольку от академика Г. Ф. Проскуры я уже имею телеграфное уведомление о принципиальном согласии на эту комбинацию, очень прошу Вас помочь упомянутым инженерам устроиться в Харькове и позаботиться об их бытовых условиях...»

Письмо датировано 9 мая 1933 года. В институте УНИИПЭ в Харькове Кондратюк и Горчаков появились в первых числах июня. Можно предполагать, что по дороге из Москвы в Харьков Кондратюк заезжал к киевским родственникам.

«В УНИИПЭ при гидроотделе были созданы ветросекции «А» и «Б», — рассказывает в своей книжке, посвященной биографии Ю. В. Кондратюка*, ее исследователь Б. И. Романенко. — Первая работала под научным руководством инженера Д. Я. Алексапольского, а вторая — под научным руководством Ю. В. Кондратюка (заведующим ветросекции «Б» был назначен П. К. Горчаков). Был вызван из Новосибирска Н. В. Никитин. В небольшой конструкторский коллектив ветросекции «Б» вошли также Л. А. Лифшиц, А. А. Даманский, Афросимов, Шкабара, Полякова, Вислицкая и другие, и работа закипела».

Из воспоминаний Николая Васильевича Никитина:

«В июне 1933 года я получил от Юрия Васильевича письмо из Харькова с сообщением, что проект ВЭС признан на конкурсе лучшим. Юрий Васильевич приглашал меня принять участие в разработке технического проекта и приехать для этого в Харьков. Ю. В. и Горчаков уже работают в Харькове в институте Промэнергетики.

---

* Б. И. Романенко. Юрий Васильевич Кондратюк. — М.: Внание, 1988.

2 июля 1933 года я приехал в Харьков. Юрий Васильевич и Горчаковы жили в гостинице на Сумской улице. Здесь же и меня поселили.

Свое увольнение из ПП ОГПУ я не оформил (боялся, что не пустят), поэтому тут же пришлось писать в Новосибирск ходатайство о моем увольнении. Горчаков был мастер писать такие бумаги. Он раздобыл целый особняк на той же Сумской. Это было чудное здание из одной большой комнаты, в которой зимой поставили большую железную печку. Здесь мы и начали делать технический проект. Откуда-то появились сотрудники: Л. А. Лифшиц, Козеев, К. Шеманский, механик А. А. Даманский и другие, всего человек 6—8.

Скверное это было время. На тротуарах, ступеньках лестниц сидят голодающие люди — от дряхлых стариков до грудных детей. Они опухли от голода и обильно украшены зеленой. Клянчат кусочек хлеба. Для меня с женой вскоре нашлась комната в пригороде Лыповый Гай. Утром идешь перелеском на вокзал. Лежат десятки трупов, их складывают на грузовик. Поперек Сумской протянуто красное полотнище: «Спасибо товарищу Сталину за счастливую жизнь».

Кроме служащей карточки Петр Кириллович отхлопотал нам столовую, где мы обедали (на это он тоже был мастер). Постный «супчик» и «бифштекс» из рубленого... хлеба, но главное — это кусок настоящего хлеба.

Голодающие всю ночь стоят в очереди за хлебом. Длинный, длинный хвост. Люди стоят плотно друг к другу, чтобы никто не мог втиснуться. Иногда от плотного сжатия очередь теряет устойчивость и выпучивается в сторону, люди падают.

Эти мрачные картины и подтянутые животы не испортили нашего настроения. Работа ладилась. Мне пришлось делать все строительные чертежи и рассчитывать, и вычерчивать, и копировать. Очень трудно давалась динамика. Юрий Васильевич считал совершенно необходимым рассмотреть динамическое действие ветровой нагрузки. Он отлично чувствовал, что порывы ветра могут вызвать усилия, совершенно отличные от усилий при статическом действии ветра, но помочь мне в расчетах не мог, так как теории колебаний не разумел.

Мне же пришлось считать и конструировать ветроколесо и воротник башни с тележками. Юрию Васильевичу понравилась конструкция поезда тележек под расчалки, которую я придумал.

У Юрия Васильевича появилась новая мысль: поставить на ствол второй агрегат с ветроколесом под расчалками. Удвоить мощность ВЭС!

Одновременно с нами в Промэнергетике разрабатывался другой конкурсный проект ВЭС. Мощность нашей станции удваивается — вот «сюрприз» нашим конкурентам! Но это нужно держать пока в секрете! Все это подогревало наш энтузиазм. Какне-то изменения внес Ю. В. в электрическую часть. Помню разговоры о «вращающемся статоре» и «неподвижном роторе», но в суть дела я не вникал. Вместо 5000 кВт в агрегате стало 6000 кВт, а всего 12000 кВт».

Члены небольшого, но дружного коллектива, руководимого Ю. В. Кондратюком, отличались не только высоким энтузиазмом и энергией, но и тем, что прекрасно дополняли друг друга как специалисты.

«Ю. В. очень быстро подобрал коллектив людей с самыми разнообразными специальностями, которые были нужны для такой сложной и новой работы,— писал Н. В. Никитин в письме Я. Е. Шаевичу.— У Юрия Васильевича была особая способность распознавать работников. Иногда, правда, он ошибался, но после этого тупицу или лентяя изгонял немедленно. Для этого употреблялся П. К. Горчаков. Все мы горели энтузиазмом. Иначе и быть не могло, когда делом руководил Юрий Васильевич. Он был душой всего проекта».

Бывший техник-конструктор харьковской группы Кондратюка Л. А. Лифшиц вспоминает с восхищением и тот период работы, когда их небольшая группа делала огромную расчетно-конструкторскую работу, и самого Юрия Васильевича, «который всегда поражал нас глубиной своих познаний в самых различных науках: математике, физике, механике, аэродинамике, термодинамике, электротехнике, химии, теории упругости, строительном деле. Он прочно усвоил основные принципы каждой науки и свободно ими оперировал. В то же время он не стеснялся признаться, если чего-нибудь не знал». И еще Л. А. Лифшиц вспоминал: «Этот человек сочетал в себе бесконечную жизнерадостность с полнейшим пренебрежением ко всяким жизненным удобствам. Работал он очень много, часто забывая о времени».

«Личная жизнь Юрия Васильевича в это время была очень нескладная,— писал Н. В. Никитин.— Был у него номер в гостинице, но ночевал он довольно часто где попало, у нас, своих сотрудников». Далее в письме

Я. Е. Шаевичу Никитин написал, а потом, поколебавшись, зачеркнул фразу: «Был короткий и не удачный, наверное, единственный в его жизни роман».

На одном из сохранившихся фотоснимков того периода Кондратюк снят с группой сослуживцев на отдыхе. Среди них — женщина, имя которой неизвестно. В группе Кондратюка она не работала.

«Как-то в воскресенье мы все большой компанией поехали за город купаться, — рассказывает в своих воспоминаниях Н. В. Никитин. — У Юрия Васильевича была знакомая, у которой мы остановились и пили чай. Юрий Васильевич не признавал никаких спиртных напитков, даже пива.

— Раз попробовал, убедился, что голова хуже работает, глупости это...

Юрий Васильевич был крепкий, жилистый, прекрасно плавал — в отличие от Горчакова, который насмешил нас: надел дамские панталоны вместо трусов и ладошкой плескал себе воду на толстый живот. Шуму и смеху мы произвели в этом пруду очень много.

Помню, Юрий Васильевич недоумевал:

— Что за идиотство — «отдыхание»? Как это можно пребывать в полном бездействии длительное время?

Я думаю, что за всю свою жизнь он не имел ни одного отпуска».

Осенью 1933 года Юрий Васильевич посетил Полтаву. Был он там всего один день и из родных видел лишь тетку — вторую жену Владимира Акимовича Даченко Марию Ивановну. Он побывал у нее на Сретенской, 11 и, как уже рассказывалось выше, проговорил с ней довольно долго, не заметив, что уселся на горячий, только что вынутый из духовки, пирог. Увы, в эти тревожные годы он вынужден был соблюдать правила конспирации, посещая родных в Полтаве и Киеве. Боялся, что его узнают посторонние, донесут — и тогда плохо будет не только ему, но и близким ему людям. Он все же не избежал встреч с людьми, знавшими его прошлое. Ведь теперь он находился на своей истинной родине — на Украине! Но встречи эти произошли годом позднее.

А пока в Полтаве он повстречался по просьбе своей харьковской сотрудницы Татьяны Поляковой с ее отцом. Н. В. Поляков оказался инженером, к тому же изобретателем, поэтому беседа их оказалась для обоих и увлекательной, и полезной. На Николая Витальевича

она произвела столь сильное впечатление, что он помнил ее и спустя много лет.

Чем еще были заняты краткие часы отдыха Юрия Васильевича в Харькове? Чтение, редкие походы в театр, беседы с друзьями, в основном — вечерние и ночные. Вот, пожалуй, все.

Харьковская «гвардия» Кондратюка относилась к своему лидеру с огромным уважением и любовью.

Н. В. Никитин: «Я так любил Ю. В. Кондратюка, что, конечно, постараюсь сообщить Вам все, что я знаю о нем...»

Л. А. Лифшиц: «Память об этом необыкновенном человеке мне неизмеримо дорога. Считаю своим счастьем, что в начале своей трудовой деятельности я встретился с Ю. В. Кондратюком и под его непосредственным влиянием формировался как инженер и человек». Л. А. Лифшиц в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Сибирские огни» (1960, № 3), писал, что Ю. В. Кондратюк для него «был и навсегда останется не только замечательным ученым и изобретателем, не только близким другом и наставником, но и совершенным идеалом человека в самом благородном смысле слова». И далее: «Юрий Васильевич был так хорошо воспитан, что к нему вполне подходило определение, которое вкладывал Чехов в понятие «воспитанный человек»: «Воспитанные люди уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они чистосердечны и боятся лжи, как огня... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают. Они не унижают себя с той целью, чтобы вызвать в других сочувствие... если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой...»

О подлинной воспитанности, интеллигентности Юрия Васильевича Л. А. Лифшиц рассказывает, и оперируя конкретными примерами:

«При обсуждении какого-то вопроса нам потребовался один документ. Я с юношеской неразборчивостью в выражениях, свойственной, к сожалению, и многим «солидным» людям, сказал: «Можно послать за ним Варвару Аркадьевну» (нашего секретаря). Юрий Васильевич тут же меня поправил: «Варвару Аркадьевну можно попросить, но не послать».

«Он любил веселые каламбуры и анекдоты, но не терпел похабщины. Никогда я не слышал от него не-

цензурного слова, да и другие не решались бы рассказывать при нем что-либо неприличное».

О. Н. Горчакова: «К женщинам он относился с большим уважением. Он не переносил пошлых разговоров и анекдотов. Однажды в присутствии женщин один всеми уважаемый немолодой инженер позволил себе прочесть стихи очень вольного содержания. Так как это была латынь, никто из женщин ничего не понял. Юрий Васильевич, знавший латынь, изменился в лице, подошел к этому человеку и сказал: «За то, что вы осмелились сейчас сказать в присутствии женщин, бьют по физиономии. Убирайтесь отсюда немедленно!» Мы онемели, никто не подозревал, что Юрий Васильевич способен на такой поступок — он был миролюбив, кроток и мягок».

Ольга Николаевна в самом начале работы в Харькове как-то сказала Кондратюку, что не верит в победу над сильным конкурентом. Ведь не может же так повезти во второй раз, говорила она, один раз повезло, эскизный проект получился, но удача дважды подряд не приходит. Это была, конечно, чисто женская логика, но Кондратюка она словно подстегнула, он с еще большим упорством размышлял над тем, как достичь такого эффекта, какой конкурентам оказался бы не по силам.

В техническом совете института, возглавляемом академиком Георгием Федоровичем Проскурой, часто обсуждали ход проектирования. Проскура пытался нащупать уязвимые места проекта сибиряков, вступал в жаркую полемику с Кондратюком, в которой последний всегда одерживал верх. Юрий Васильевич обычно предпочитал не пользоваться готовыми формулами для расчетов, а сам выводил их в каждом отдельном случае. Многих членов техсовета и экспертов это настораживало — не может быть, говорили они, чтобы в расчетах этого «самоучки» не было ошибок. Но расчеты были точны, выводы Кондратюк доказывал твердо, не поддаваясь на замену спора обвинениями и оправданиями. Юрий Васильевич всегда умел отличать в полемике резкость от грубости и отвечал на довольно резкие и необоснованные порой нападки корректно, по существу, сохраняя в тоне ответа пietet по отношению к именным оппонентам.

Работа тем временем шла к завершению, и превосходство проекта Ю. В. Кондратюка над проектом Д. Я. Алексапольского было очевидным. Проект харь-

ковчан по-прежнему предусматривал строительство станции мощностью в 5000 кВт при довольно больших затратах.

Труднейшим моментом работы над проектом Ю. В. Кондратюка был расчет высотной железобетонной башни для грандиозного ветряка. Им занимался Н. В. Никитин. Башня по замыслу должна быть не только очень высокой — 165-метровой! — но и вращающейся. Юрий Васильевич изобрел гидравлическую шарнирную пяту, на которую через коническое основание ставилась башня. Никитин придумал специальный механизм для ее свободного поворота, рассчитал действие ветровых нагрузок. Методики расчета применительно к подобным вращающимся объектам тогда не существовало. Пришлось исследовать все виды динамических действий ветровой нагрузки на невиданное сооружение. Как пригодилось это Николаю Васильевичу Никитину в дальнейшем, когда он проектировал Останкинскую телебашню!

А пока он один вычерчивал все узлы башни. «Тогда техников или чертежников не полагалось. Инженер сам все чертил, и это было совсем не плохо,— вспоминал Никитин.— Мне же пришлось делать и главный лист проекта — перспективу. Во-первых, не было архитектора, а во-вторых, очень трудно было воссоздать весь облик сооружения из огромной груды чертежей, которые были всеми нами сделаны».

Уже в декабре 1933 года радостно возбужденный Юрий Васильевич приносит к Горчаковым целую пачку фотографий, сделанных с главного листа проекта. В правом углу снимка, на котором изображен грандиозный ветряк, написано: «Проект ветроэлектростанции на 12000 кВт».

Один из снимков Кондратюк с торжеством подписывает Ольге Николаевне Горчаковой: «Дорогой Ольге Николаевне — фоме неверной и лукавой. Июль—декабрь 1933 год. Юр. К.»

«В феврале 1934 года технический проект был закончен,— писал в своих воспоминаниях о Ю. В. Кондратюке Н. В. Никитин.— Я сподобился вычертить перспективу, отмыть ее сепией, на пейзаж духу не хватало».

Дата на фотоснимке, подаренном Горчаковой, свидетельствует о том, что проект был готов раньше. Увы, в воспоминаниях, написанных уже в семидесятые годы

о тех далеких тридцатых годах, не мудрено было ошибиться в датах. Проект поступил на экспертизу в январе 1934 года.

Еще одно свидетельство, датированное ошибочно, содержит письмо Татьяны Иосифовны Лашинской-Маркевич, написанное в августе 1975 года Борису Ивановичу Романенко. Она сообщает, что вместе со своим мужем И. М. Маркевичем весной 1935 года встретила на улицах Харькова Ю. В. Кондратюка. Такая встреча действительно имела место, о чем свидетельствуют подаренные супругам Маркевич книжка и фотография Кондратюка с его автографами. Но произошла она не позднее марта 1934 года. Автограф Кондратюка на подаренной им книжке — предельно конспиративен и даты не имеет: «Т. и И. М. на память об Малой Виске от автора Юр. К.»

Работавшие в Эртиле на строительстве комбината супруги Маркевич приезжали в Харьков к брату мужа. Тогда-то и произошла на улице их случайная встреча с Ю. В. Кондратюком. Они знали его как А. И. Шаргея еще по Малой Виске, где он им открылся. И сейчас он очень обрадовался встрече, питая к ним полное доверие. Их разговор происходил втроем на квартире у брата И. М. Маркевича.

Т. И. Лашинская-Маркевич вспоминает, что Кондратюк рассказал им о своем житье-бытье в Харькове. «Ему дали квартиру, так он уступил ее сослуживцу, потому что тот семейный,— писала Татьяна Иосифовна.— А сам говорил: ночую у него, а иногда у кого-нибудь из сотрудников». Он не стремился иметь свою квартиру, не интересовался женщинами, а наоборот, избегал их... Он говорил: «Чемодана с меня достаточно. Я живу там, куда пошлют, и, как видите, на одном месте не сижу». На вопрос мужа: «Почему вы не обзаведетесь семьей и квартирой?» — он с горечью отвечал: «Вам этого не понять. У меня такое чувство, что мне нет места на земле. Я хочу быть самим собой». Муж сказал: «Хорошо бы вам самому об этом открыться, потому что это какая-то нелепость». Юра ответил: «Да, да! Это было бы очень хорошо. Но я боюсь, что попаду к такому человеку, который все исказит и припишет мне черт те что... И я не могу решить этот вопрос...» Он очень переживал это свое несчастье.

Этим несчастьем было чужое, навсегда приросшее к нему имя.

МОСКВА

Приговор?.. Полагаю, что обычный, как издавна повелось... Одиночество.

И. Бергман

«В марте 1934 года мы закончили проект и всей группой оказались не у дел,— писал Н. В. Никитин в письме Я. Е. Шаевичу.—Институту Промэнергетики мы не нужны. Зарплату нам сразу срезали. Квартиры оплачивать перестали. Я очутился в незнакомом и чужом городе. В конце марта мы с женой выехали в Москву. Без денег. Без перспектив».

Экспертная комиссия под председательством крупнейшего ученого, специалиста по теории упругости и строительной механике, будущего академика Б. Г. Галеркина, рассматривала проект в Ленинграде.

А члены группы Ю. В. Кондратюка тем временем перебирались в Москву—один за другим.

«Я приехал в марте,—вспоминал Н. В. Никитин,—и определился на работу на строительство вагоноремонтного завода в Лианозово. На первых порах мы с женой жили в проходной будке, в крохотном клоповнике. Потом нас поселили в специально построенном по моему проекту щитовом бараке: в первом этаже строительная лаборатория, я ее начальник, на втором—большая комната с террасой и крохотная кухня. Здесь бывал у меня Юрий Васильевич».

В журнале «Социалистическая индустрия» (1934, № 1—2) под рубрикой «Проекты и планы» Кондратюк и Горчаков публикуют статью: «Проект наиболее мощной в мире ветроэлектростанции».

24 апреля корреспондент «Правды» пишет из Харькова заметку об окончании ими технического проекта и, в частности, сообщает: «Испытание в Харькове одной из основных деталей, шарнира, на котором должна стоять вся установка, показало прекрасные результаты. По утверждению проекта предполагается в этом году начать постройку станции на вершине Ай-Петри в Крыму, где уже выбрана соответствующая площадка».

Экспертиза продолжалась до июня 1934 года и в целом, как писал Юрий Васильевич в своей докладной записке, дала «...нашему проекту вполне положительную оценку». Но и после того как авторы послали вторичный доклад наркому С. Орджоникидзе, который

распорядился отпустить средства на рабочее проектирование, эксперты продолжали свою деятельность.

«Осенью 1934 года,— писал Никитин,— мне пришлось поехать в командировку в Ленинград с претензиями по проекту завода, который мы строили. Юрий Васильевич попросил меня встретиться с экспертами по проекту ВЭС. Я встретился с инженером Голушкевичем, давал ему разъяснения по динамическим расчетам. К моему изумлению, как мне показалось, расчеты он признал удовлетворительными».

Почему Н. В. Никитин был изумлен такой оценкой эксперта? Видимо, немало было и заочных отрицательных отзывов. Яро бомбардировали проект электротехники. Особенно досаждал Кондратюку, по свидетельству Н. В. Никитина, член-корреспондент АН СССР М. А. Шателен. Нестандартные решения, исходящие от «самоучек», он отвергал начисто, не затрудняя себя серьезными аргументами.

Когда в 1934 году появился указ об установлении ученых степеней доктора и кандидата наук, Юрий Васильевич говорил Никитину:

— Сделайте все, что сможете,— добивайтесь ученой степени. Жить куда легче.

Конечно, он хотел облегчить и судьбу собственных идей, так как видел, кожей, что называется, ощущал, что в спорах с ним различные ученые имели на своей стороне зачастую лишь одно преимущество — ученое звание.

Забегая вперед, скажем, что сам Юрий Васильевич Кондратюк внес такой огромный вклад в развитие науки и техники, что многие люди, не знакомые со всеми перипетиями его судьбы, зачастую и сейчас уверены в том, что у него было солидное ученое звание. В одной передаче новосибирского телевидения, например, его дважды назвали академиком. Это, разумеется, казус. А вот факты, относящиеся к его «остепенению»: в 1936 году консультант рабочего проекта ВЭС и старый друг Кондратюка профессор Владимир Петрович Ветчинкин вместе с еще одним крупным ученым, имя которого, к сожалению, осталось неизвестно, выдвинули кандидатуру Ю. В. Кондратюка на представление к званию доктора технических наук по совокупности работ без защиты докторской диссертации и минуя промежуточную ступень кандидата наук. Для ВАКа потребовалась характеристика на Юрия Васильевича. И она была написана. Ее явная необъективность и не-

доброжелательность сыграли решающую роль — в ученой степени Кондратюку ВАК отказал.

Чем же была вызвана эта недоброжелательность? Какие вообще враги могли быть у этого чистого, мягкого и умного человека? Недоброжелательство можно объяснить лишь теми же причинами, по которым когда-то его коллеги по «Хлебострою» состряпали ложное обвинение во «вредительстве», — низостью, лютой завистью к тем, кто сильнее, умнее, талантливее. И если авторы тяжких обвинений, сломавших судьбу Ю. В. Кондратюка, нам теперь известны, то и авторы «характеристики» должны быть тут названы. «Мы не знаем никаких его научных заслуг, заслуживающих присвоения такой высокой ученой степени!» — вопили они. Но, понимая, что заслуги Юрия Васильевича в ВАК представлены, нашли еще один смехотворный аргумент: соискатель, видите ли, не вел в свободное время никакой общественной работы! Подписали характеристику секретарь парткома Центроэнергостроя Баранов и управляющий этой же организации Г. Д. Цюрупа. Тот самый Цюрупа, который помогал Кондратюку собрать в созданной по указанию С. Орджоникидзе проектно-строительной конторе «Строительство Крымской ветроэлектростанции» необходимых для дальнейшей работы людей. Не мудрено, что и собирали этот коллектив почти год, и разгромили его после смерти С. Орджоникидзе в кратчайшие сроки...

Не присвоили ученой степени и П. К. Горчакову, за которого, по-видимому по просьбе Ю. В. Кондратюка, также ходатайствовал В. П. Ветчинкин. 22 декабря 1936 года профессор Ветчинкин пишет характеристику-отзыв П. К. Горчакову на соискание звания кандидата технических наук без защиты диссертации. Завершается этот документ словами:

«Весьма возможно, что по совокупности работ — другие работы его мне не известны — П. К. Горчаков достоин присуждения степени доктора технических наук без защиты диссертации».

Достоин ли Ю. В. Кондратюк — Владимир Петрович не сомневался.

Из воспоминаний Н. В. Никитина: «В ноябре 1934 года Юрий Васильевич вручил мне письмо, напечатанное на четвертушке. Штамп: Центроэнергострой. Москва, Неглинная, 6/2. Инженеру Никитину Н. В. Москва. Савеловская линия, станция Лианозово. Строительство вагоноремонтного завода.

«Ввиду того, что Вы принимали активное участие в составлении эскизного проекта мощной ветроэлектростанции в 1932 году, просим Вас в качестве руководителя строительной группы, с окладом 900 рублей в месяц, принять участие в составлении рабочего проекта мощной ветроэлектростанции 10000 кВт для Крыма. В случае Вашего принципиального согласия будет возбуждено ходатайство об увольнении Вас с места Вашей теперешней работы. Управляющий Центроэнергостроя Г. Д. Цюрупа. 16.X.34 год».

В марте 1935 года я перешел на работу в Центроэнергострой. Здесь, на Неглинной, расположилась небольшая группа проектировщиков. Из Харькова приехал Л. А. Лифшиц, появились новые люди, в частности Б. А. Злобин, которому для дипломного проекта пригодилась перспектива ВЭС, которую я изготовил в Харькове».

О Борисе Алексеевиче Злобине¹² стоит сказать особо. Сохранился его потрепанный «Трудовой список» — документ-предшественник нынешних трудовых книжек. На первой странице «Трудового списка» напечатано постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР о «Трудовых списках», а первой под этим постановлением стоит подпись А. Д. Цюрупы — заместителя Председателя Совнаркома СССР, брата Г. Д. Цюрупы. Александр Дмитриевич Цюрупа, старый большевик и видный государственный деятель, скончавшийся в 1928 году, разумеется, ничуть не причастен к неблагоприятным действиям своего брата в начале тридцатых годов. Но последний, вероятно, ощущал поддержку «сверху» еще долгое время.

Но вернемся к «Трудовому списку» Б. А. Злобина. Окончив 10-ю Совшколу имени Карла Маркса в Новосибирске (почти одновременно с Н. В. Никитиным, окончившим 12-ю Совшколу имени К. Тимирязева в том же Новосибирске), Борис вынужден был пойти работать. В семье было семь детей, да еще родители его воспитывали двух осиротевших сестер. Он стал строителем, заочно окончил курсы техникумов-строителей и в этом качестве поступил на работу в «Союзхлеб», где с 1929 по 1930 год работал под началом Ю. В. Кондратюка. За этот короткий срок он зарекомендовал себя толковым, изобретательным, работающим техником-конструктором, вместе с Кондратюком кочевал по стройкам элеваторов и зерноскладов, работая в «Хлебострое» вплоть до ареста всей его «верхушки», к которой он

тогда, к счастью, не относился. В 1931 году Б. А. Злобин поступил учиться в Московский инженерно-строительный институт и ко времени новой встречи с Юрием Васильевичем — уже в Москве — готовился к написанию дипломного проекта. Ю. В. Кондратюк, по свидетельству Л. А. Лифшица, не различавший своих сотрудников по «рангам» и должностям, а относившийся к каждому как к соавтору, предложил Б. А. Злобину, имевшему к тому времени уже ряд собственных изобретений в области строительной техники, место в своей группе. 15 октября 1934 года — согласно записи в «Трудовом списке» — Б. А. Злобин зачислен на должность инженера-проектировщика, став таким образом одним из первых сотрудников проектно-построечной конторы «Строительство Крымской ветроэлектростанции» в Москве, образованной при тресте Теплоэнергострой, а в дальнейшем (с 1938 года) относившейся к Теплоэлектропроекту.

В 1935 году в контору влились приехавшие из Харькова Л. Лифшиц, К. Шеманский, И. Козеев, Н. Никитин. Появились и новые люди. К 1936 году коллектив состоял из 30 человек. Консультировали проект В. П. Ветчинкин, В. М. Келдыш, П. Л. Пастернак, В. А. Константинов, Б. Б. Кажинский.

В Ялте был создан филиал конторы, где работала строительная группа «Крым—Ай-Петри». Дважды — в 1935 и 1936 годах — туда выезжал Ю. В. Кондратюк, для изучения «розы ветров» в районе строительства.

«Он смеялся над записями скорости ветра по крошечному прибору, — вспоминал Н. В. Никитин. — Ю. В. Кондратюк говорил: «Нужно иметь представление о действии ветра на большое сооружение. Скорость ветра может быть совершенно разной в двух точках на расстоянии полуметра».

Позднее на полигоне под Москвой Юрий Васильевич самолично смонтировал прибор, «имеющий в своей основе шарнирный квадратный лист фанеры со специальным противовесом, обеспечивающим ему период колебаний в 1 секунду. Колебания этого щита фиксировались самопишущим прибором и позволяли получить представление о действии ветрового потока на объект с площадью сопротивления в 2 м²». Ю. В. Кондратюк сам снимал показания с этого прибора и руководствовался этими опытными данными.

Создание уникального сооружения — самой мощной в мире ветроэлектростанции, равной которой не созда-

но и по сей день, встретило активное сопротивление «специалистов».

«Начали мы рабочие чертежи, и сразу началась новая экспертиза,— вспоминал Н. В. Никитин.— В двадцатых годах была издана книжечка Г. Форда, в которой он писал: если я хочу отклонить под благовидным предлогом предложение, я передаю его экспертам».

Снова эксперты заявляют, что строить ВЭС по проекту Кондратюка «нерентабельно», снова ловко жонглируют бездоказательным «есть мнение», противопоставляют титулованных «ученых» всему многолетнему труду «непрофессионалов».

Введенный из себя, Юрий Васильевич пишет статью под названием «Экспертиза», в которой язвительно предсказывает, какое заключение написали бы в свое время такие вот горе-эксперты, попадись им проект автомобиля, самолета или швейной машины «Зингер». Сквозь иронию и насмешку этого блестящего памфлета пробивается и собственная боль автора проекта:

«Вот башня для ветродвигателя. «Она будет стоить миллионов пять рублей и ни в коем случае не меньше трех». Почему? Ведь смета на нее проверена и пересоставлена крупным специалистом в данной области («пятимиллионное» заключение было составлено совсем не специалистом по подобному строительству и даже не экспертом, а так—пришлось к слову довольно ответственному технику на довольно ответственном заседании) и ограничивается максимум тремястами тысячами рублей. Напрасный вопрос».

И далее он прямо называет причину подобных экспертных заключений. Он видит ее не в трудности экспертизы по принципиально новым техническим решениям. Перечислив целый ряд «курьезных» (вернее безобразных) случаев экспертного «суждения», которые отложились в его памяти за несколько последних лет, Ю. В. Кондратюк пишет:

«Причина — в почти полной безответственности эксперта в случае дачи им отрицательного суждения, как бы мало оно ни было обосновано. Действительно... башня будет выстроена, пята загружена, материал, возможно, удастся изготовить и с пользой применить, а кто вспомнил тогда или вспомнит про людей, неверными отзывами мешавших реализовать эти предложения? Никто, кроме разве самого автора иногда в бессонную ночь. А тем более кто бы их вспомнил, кроме автора,

если бы вследствие отрицательных отзывов, оставшихся без должного отпора, эти объекты так и не выстроились бы?

А причин, реально толкающих к даче экспертом отрицательных суждений, сколько угодно. Во-первых, страх отвечать за неудачный объект в случае его осуществления на основании положительного отзыва эксперта. Страх этот особенно силен у тех, кто наедине с собой, невзирая на высокое иногда звание, прекрасно все же понимает, что он не имеет оснований по наличию своих ресурсов полагаться на свои собственные суждения, когда их нельзя подкрепить достаточно аналогичным примером из практики или суждением другого, авторитетного специалиста. Затем очень часто с положительным отзывом по объекту связана последующая возня и беспокойство по его реализации. Затем, наконец, очень часто отраслевым высшим техническим органам приходится давать заключения по предложениям в этой же области, исходящим из провинциальных органов или из совсем побочных источников, и тут в дело замешиваются «самолюбие», и техническое чванство, и соперничество. А дать отрицательный отзыв так легко и просто, когда дело касается нового предложения, — и никаких последствий».

Предваряла статью «Экспертиза» выдержка из книги Г. Форда, о которой писал Н. В. Никитин. Рукопись статьи передала Борису Ивановичу Романенко в 1974 году сестра Ю. В. Кондратюка — А. И. Шаргей — Нина Игнатьевна Шаргей, а ей она досталась от самого автора, очевидно, не раз побывавшего в те годы в Киеве. Б. И. Романенко подготовил публикацию статьи в журнале «Изобретатель и рационализатор» (№ 7, 1979), где «Экспертиза» появилась с указанием авторства Ю. В. Кондратюка, а позднее он же, Б. И. Романенко, обнаружил статью за подписями Кондратюка и Горчакова опубликованной в газете «За индустриализацию» (3 марта 1935 года).

Статья «Экспертиза», к сожалению, оставалась весьма актуальной еще долгие годы, а быть может, она актуальна и по сей день. Во всяком случае, весной 1961 года, когда уже заканчивалось бетонирование фундамента под Останкинскую башню в Москве, автором проекта которой был Н. В. Никитин, а соавтором и главным инженером проекта Б. А. Злобин, экспертиза добилась остановки и консервации строительства, подвергая бесконечным экспертизам расчеты фундамен-

та, глубина залегания которого казалась «специалистам» — без всяких аргументов, подтвержденных расчетами, — «несолидной» и опасной. «Невозможно подсчитать, — писал в своей книге о московской телебашне «Н=533» журналист К. Барыкин, — сколько здоровья и сил унесла у авторов башни консервация строительства».

Никитин все же победил своих оппонентов, Останкинская башня была воздвигнута. Люди добрым словом поминают ее авторов, и никто уже не вспоминает имена экспертов.

А башне Крымской ВЭС не суждено было подняться, хотя бетонное кольцо фундамента, в закладке которого участвовал Б. А. Злобин, было уложено. Оно до сих пор сохранилось на Ай-Петри — грустный памятник несвершившимся человеческим замыслам. «Конструкция ветроэлектростанции, к сожалению, не осуществленная, — пишет в монографии о Н. В. Никитине Ю. Дыховичный, — могла бы стать гордостью отечественной строительной техники» (Ю. Дыховичный. Н. В. Никитин. Жизнь и творчество. М., Стройиздат, 1977. С. 72).

Что же произошло?

В Москве, казалось, все препятствует нормальной работе группы. Спротивление ей шло даже на бытовом уровне. Л. Лифшица, например, даже отказывались прописать на время окончания рабочего проекта. Сохранилось письмо в 28-е отделение милиции, подписанное за начальника конторы ВЭС Ю. В. Кондратюком:

«Инженер Лифшиц Л. А., один из авторов-изобретателей первой мощной ветроэлектростанции, вызван в Москву для окончания проектирования означенной станции. Данная работа ведется по распоряжению наркома С. Орджоникидзе, и инженер Лифшиц как изобретатель обязан принимать участие в проектировании.

Ввиду того, что окончание проекта задерживается на 1—1,5 месяца, просим прописать его на данный срок, после чего вся контора переводится в город Ялту.

Начальник конторы ВЭС Юр. Кондратюк».

А в мае 1936 года на докладной записке Лифшица, доведенного до отчаяния из-за отсутствия жилья, резолюция Кондратюка предлагает «ввиду невозможности в настоящий момент предоставить Вам жилплощадь в Москве и в Ялте» временно, «до перевода бюро в Ялту», вернуться в Харьков.

Почему Кондратюк, а не Горчаков занимался бытовыми вопросами сотрудников? Ведь Кондратюк, как

явствует из приложенного им к собственной резолюции штампика, был всего лишь начальником технического отдела конторы! Кондратюку приходилось заниматься всеми этими вопросами из-за того, что П. К. Горчаков в то время был в Ялте — он был назначен главным инженером строительства Крымской ВЭС.

«В Москве П. К. Горчаков получил (через С. Орджоникидзе) отдельную квартиру, — вспоминает Н. В. Никитин. — Юрий Васильевич ютился по углам частных квартир».

Да, многое в поведении П. К. Горчакова и мне кажется по меньшей мере странным, даже предсудительным. В мою задачу не входит ни обелить, ни добавить черной краски в его портрет, уже написанный более «догадливыми» исследователями. Полагаю, что только с неопровержимыми фактами и документами в руках можно утверждать, что он был «злым гением» Кондратюка. У меня нет ни таких фактов, ни таких документов. Есть другое — факт дружеского отношения самого Кондратюка к Горчакову и его семье, подтвержденный дружескими надписями О. Н. Горчаковой, письюм ей же с фронта, записками самого Горчакова, видящего в Кондратюке настоящего товарища, наконец, всей их жизнью в течение многих лет бок о бок, включая страшные годы заключения и «высылки».

Заканчивая разговор о Петре Кирилловиче Горчакове — в дальнейшем его пути с Кондратюком разошлись, но дружественные отношения сохранились, — коротко расскажу о дальнейшей его судьбе. 20 октября 1945 года П. К. Горчаков, работавший главным инженером «Всекохудожника» (Кузнецкий мост), был вновь арестован органами НКВД и осужден Особым совещанием на 5 лет по статье 58-10 (антисоветская агитация). В июле 1950 года был освобожден, но, получив «минус», не имел права вернуться в Москву. Работал в Караганде, затем в Могилеве — главным инженером СМУ «Главстройка». В 1953 году по амнистии вернулся в Москву совершенно больным человеком и, проработав всего один год в конторе «Центростроймашсбыт», умер 21 декабря 1954 года.

Но вернемся в Москву, где, в отсутствие Горчакова, Юрий Васильевич Кондратюк беспомощно и бесполезно бился за жилплощадь для своих сотрудников. Собственного жилья Ю. В. Кондратюк не имел ни в одном городе, да, кажется, и не добивался его. Вспомним его разговор в Харькове с Т. И. Маркевич и ее му-

жем. Ведь, в отличие от Горчакова, Никитина, Лифшица и других, ему не требовалось думать о крыше над головой для своей семьи, а к собственной персоне он в этом смысле относился без всякого почтения, отличаясь уже отменным Л. А. Лифшицем «полным безразличием ко всяческому жизненным удобствам».

«Мне пришлось уехать жить в Загорск,— вспоминал Н. В. Никитин.— Здесь у нас образовался филиал проектной конторы: Б. А. Злобин, К. Шеманский, С. Чернов. Здесь мы и работали, выезжая за зарплатой в Москву. Юрий Васильевич часто бывал в Загорске. Штаб был в моей квартире на Трудовой улице. Сохранилось несколько фотографий. Все обещали нам квартиру в Москве — и никак».

По найденным и опубликованным Б. И. Романенко данным, на специальном совещании по Крымской ВЭС, состоявшемся еще 20 ноября 1934 года, то есть через месяц после организации проектно-построечной конторы, и проходившем у управляющего трестом Теплоэнергострой Г. Д. Цюрупы (все того же!), «было принято решение обеспечить Ю. В. Кондратюка в течение двух месяцев однокомнатной квартирой». Но ни в течение этих двух месяцев, ни в последующие 6 лет жизни в Москве квартиры он так и не получил.

Несмотря ни на что, коллектив под руководством Кондратюка продолжал работать. В Теплоэнергострое появляется А. П. Дзюба — тот самый инженер, который предложил Ю. В. Кондратюку и П. К. Горчакову участвовать в конкурсе на лучший проект Крымской ВЭС. Он теперь тоже занимается проектированием ВЭС, правда, небольших и без железобетона — преимущественно на металлических мачтах.

«Сотрудников у него нет, поэтому он делает эту работу нашими силами,— писал Н. В. Никитин.— В те времена возможна была такая ситуация: работать в двух отделах одной и той же конторы и получать две зарплаты. Деньги нам нужны: квартира стоит дорого и жизнь в Загорске тоже.

Переделывается проект ветроколеса. Вместо 4-х лопастей — 3. Пытаюсь сосчитать влияние вращающегося колеса на усилия в стволе. Теперь-то я знаю, что это была сложнейшая задача, которую для самолетов решали экспериментальным путем.

Тонем в трудностях. В феврале 1937 года умер С. Орджоникидзе, который был энтузиастом мощных

ВЭС и который оказывал этому делу большую поддержку».

Теперь мы знаем, что С. Орджоникидзе не умер, а покончил с собой, не в силах примириться с удушливой атмосферой уродливых, не имеющих ничего общего с интересами партии и народа, поисков «врагов» и расправ над «шпионами», «троцкистами», «вредителями», «диверсантами», «террористами» и прочими, и прочими, и прочими...

Сразу же после смерти С. Орджоникидзе проект Ю. В. Кондратюка и П. К. Горчакова, над которым шла работа уже пять лет, одобренный рядом экспертов, утвержденный наркомом лично, был объявлен без всяких объяснений «не тем, что требуется в настоящее время». Требовалось, по решению руководства «Главэнерго», соорудить в два раза менее мощной ВЭС. Проект предлагается переделать на одноярусный, мощностью в 5000 кВт. Отстаивать свою позицию в 1937 году инженеру без специального высшего образования, с отметкой о заключении по 58-й статье и с сомнительным прошлым, до которого методами следствия 1937 года докопаться было не так уж и трудно?!

«Юрий Васильевич начинает сдаваться и соглашается с тем, что нужно начинать с меньших ВЭС и постепенно увеличивать масштаб,— вспоминал Никитин.— Это уже совсем другое дело, и это означает, что Ю. В. потерпел поражение. Конечно, это было большим ударом для него».

А в 1938 году «Главэнерго» принимает решение о прекращении проектирования и строительства мощных ВЭС вообще. В результате прекращаются работы по переделке проекта на 5000 кВт, контора Крымской ВЭС закрывается, на ее месте образуется ветросектор треста Теплоэлектропроект, затем ПЭК ВЭС, что означает «Проектно-экспериментальная контора ВЭС». Ее начальником назначен инженер И. Д. Егоров (П. К. Горчаков после ликвидации конторы Крымской ВЭС перешел работать в другую организацию), начальником технического отдела по-прежнему остался Ю. В. Кондратюк.

Б. А. Злобин, находившийся с 1 марта 1938 года на строительной площадке Крымской ВЭС в Ялте, сразу же после решения о прекращении строительства возвращается в Москву, а вскоре переходит на работу по проектированию теплоэлектростанций.

«Я уволился с 1 сентября 1937 года,— писал Никитин,— и поступил на работу в проектную мастерскую строительства Дворца Советов, где вскоре получил квартиру.

Юрий Васильевич хотел сохранить связи со своими старыми сотрудниками. Предложил мне написать указания о динамических расчетах. Я делал эту работу в вечернее время. Тогда для этого не требовалось разрешения.

Изредка приезжал в ПЭКВЭС, показывал работу Юрию Васильевичу, сдавал в оформление, но даже это было уже трудно. Не оформленная работа валяется у меня по сие время.

ПЭКВЭС была в состоянии агонии. Дзюбу арестовали.

Я пытался получить авторское свидетельство на систему регулирования ветроколес. Сохранился положительный отзыв об этом изобретении от Юрия Васильевича и отказ — от экспертизы».

В агонии была не только ПЭК ВЭС — вся страна. Шел 1938 год. В марте прошел громкий процесс по делу «право-троцкистского блока», в газетах публиковались чудовищные самооговоры, сделанные старыми большевиками-ленинцами под влиянием «особых методов» следствия: Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым, Н. Н. Крестинским и другими.

В последние дни июня Юрий Васильевич узнал от Ветчинкина, что 27 июня арестован Сергей Павлович Королев — бывший начальник ГИРДа, влившегося затем в состав Реактивного научно-исследовательского института, где он руководил отделом ракетных летательных аппаратов. Вместе с ним арестован целый ряд видных конструкторов-ракетчиков: В. П. Глушко, Г. Э. Лангемак, И. Т. Клейменов и другие.

Тревога за судьбу своих трудов, посвященных ракетной технике, овладевает Юрием Васильевичем. 2 июля 1938 года под предлогом консультации по ВЭС он навещает Бориса Никитича Воробьева, биографа, редактора и исследователя творчества К. Э. Циолковского, автора трудов по истории авиации, ракетостроения и космонавтики.

Кондратюк дарит ему свою книжку, а 5 июля передает на сохранение рукописи, являющиеся ее черновыми вариантами, а также юношеские свои работы, среди которых первая рукопись, посвященная полетам в мировое пространство, которую он помечает 1916 годом,

и рукопись «Тем, кто будет читать, чтобы строить». На своей книжке, подаренной Б. Н. Воробьеву, Юрий Васильевич начертал самую длинную дарственную надпись из всех, когда-либо им написанных:

«Пытливость, инициатива и энергия всегда стремятся занять место на передовых позициях в борьбе за овладение силами природы.

Многоуважаемому Борису Никитичу от автора на память о скрещении дорог и в области завоевания межпланетных пространств, и в области овладения будущей основой энергетики на земле — энергией ветра.

2.VII.38 г. Москва. Юр. Кондратюк».

Среди переданных Б. Н. Воробьеву рукописей не было тех двух глав, которые Юрий Васильевич не включил в свою книжку. Не было и каких-либо рукописей, написанных после ее издания. Был лишь «архив».

Существовали ли эти рукописи и если да, то куда они подевались? Этот вопрос пытались решить едва ли не все исследователи творчества Ю. В. Кондратюка, строя различные предположения. В основном, они вращаются вокруг версии о том, что эти рукописи Юрий Васильевич оставил при себе. Вспоминают, что они всегда лежали в его походном чемодане, что в складном портфеле, который он всегда носил с собой, были подшиты на скоросшивателе его книга, а также какие-то бумаги и документы.

Но, если Ю. В. Кондратюк опасался ареста, он не мог не подумать о судьбе рукописей и дорогих для него реликвий, в числе которых были письма и книжка Циолковского. Вспомним судьбу ее и вернемся еще раз к рассказу Алевтины Семеновны Геженцевой (Пыжовой), которая и сейчас проживает в Новосибирске:

«Незадолго до войны, когда я была уже значительно старше, Кондратюк появился у нас снова и сказал: «Ирина Алексеевна! (мать А. С. Пыжовой-Геженцевой.— А. Р.) Очень Вас прошу — сохраните это!» И передал маме довольно объемистую пачку. Там было несколько книг, в том числе его книга и книга К. Э. Циолковского с автографом автора, несколько общих тетрадей. Я видела, когда он приходил, но время не запомнила, помню только, что это было весной или осенью».

Из всей этой пачки, переданной Пыжовыми представителям горкома партии (по рассказу А. С. Геженцевой они специально приходили к ним впоследствии),

сохранилась лишь книжка Циолковского, оставшаяся у Пыжовых.

Итак, Ю. В. Кондратюк побывал в Новосибирске «перед войной». Когда это могло быть и с чем это было связано?

Сотрудник музея Циолковского в Калуге, куда Ирина Алексеевна, мать А. С. Пыжовой, направила книжку Циолковского и воспоминания о Кондратюке, В. С. Зотов, писал Пыжовым в письме: «Я знаю, при каких обстоятельствах осталась у Вас брошюра Константина Эдуардовича. Обстоятельства очень грустные...»

Могла бы пролить свет на эту историю сама Ирина Алексеевна Пыжова, но ее давно нет в живых. А ее воспоминания, отправленные в музей К. Э. Циолковского, пока не обнаружены.

Как видим, этот штрих из биографии Ю. В. Кондратюка (посещение перед войной Новосибирска.— А. Р.) не разгадан и по сей день.

Итак, хранителей своих тетрадей и реликвий Кондратюк определил не в Москве, а в Новосибирске. Быть может, он помнил, как надежно в свое время они спрятали в глухой таежной избушке в селе Ингаш его самого. Попасть в Новосибирск он мог по командировке — в Новосибирске находился тогда филиал Теплоэлектропроекта, со многими сотрудниками которого он был связан. «Грустными обстоятельствами» передачи рукописей Пыжовым могли служить все события 1938 года: закрытие строительства Крымской ВЭС, крах многолетнего труда Юрия Васильевича, волна арестов и ожидаемый им самим арест... Разумеется, это все лишь предположения, исходящие из единственного факта — передачи Кондратюком семейству Пыжовых своих ценных книг и бумаг. Кстати, до сих пор об этом факте не было известно исследователям биографии и творчества Ю. В. Кондратюка.

Осенью, точнее 5 сентября, 1938 года Юрий Васильевич посылает свою книжку созданному музею К. Э. Циолковского в Калуге. В 1938 году он в последний раз сменил свой московский адрес — теперь он проживает в доме № 30 по Скатертному переулку, снимаемая комната у Нефедовой (кв. 9).

Были ли у него основания опасаться ареста? Ведь с ГИРД, а позднее с РНИИ его ничто не связывало, со многими учеными-ракетчиками он практически даже не был знаком!

Опасность, однако, существовала. Сами его труды по ракетной технике в любую минуту могли стать поводом для его обвинения. Ведь на них еще в 1936 году ссылался арестованный в 1938 году по ложному доносу Валентин Петрович Глушко — основоположник отечественного ракетного двигателестроения, позднее — академик, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий. В курсе лекций, прочитанных инженером В. П. Глушко в Военно-Воздушной Академии РККА имени Жуковского и изданных в Москве под названием «Жидкое топливо для реактивных двигателей» (Изд. Академии, 1936), Валентин Петрович учил курсантов ВВА, как комбинировать топливо из жидких углеводородов с бором, бериллием и другими металлическими веществами, ссылаясь на книгу Ю. В. Кондратюка.

Сергей Павлович Королев, публично заявивший, что не может поверить, будто Глушко — враг народа, был через несколько дней также арестован. «Во время следствия по моему делу я ничего не мог доказать и объяснить, так как следствие велось в совершенно недопустимой форме и обстановке — вернее сказать, что никакого следствия по существу в то время не производилось, — писал впоследствии С. П. Королев. — Меня обвинили во вредительстве в области новой техники, где я работал в то время. Более нелепое и неправдоподобное обвинение трудно себе представить, так как работа в области новой техники всегда была целью моей жизни и любимым делом»*.

Разве не мог сказать то же самое и Ю. В. Кондратюк? Разве не писал он почти теми же словами: «...стало целью моей жизни» в письме К. Э. Циолковскому?

Биографы Ю. В. Кондратюка выражают сожаление по поводу того, что он не принял предложения С. П. Королева и не перешел в ГИРД. Но кто знает, какая судьба ожидала бы его даже в том случае, если бы его туда приняли, невзирая на судимость и путанные анкетные данные. Судьба Королева и Глушко, уцелевших и принесших славу отечественной космонавтике, или судьба Г. Э. Лангемака, И. Т. Клейменова и других, погибших безвинно в застенках НКВД в том же, 1938, году?!

Юрий Борисович Румер, профессор-физик, сидевший

---

* Из заявления С. П. Королева на реабилитацию // Огонек. — 1987. — № 6. — С. 19.

вместе с С. П. Королевым и А. Н. Туполевым в одной камере спецтюрьмы № 156, которую они называли «золотой клеткой» за то, что там заставляли работать, лишая всего остального, возможного на воле (давали даже требуемую техническую литературу, запрещая, однако, художественную), рассказывал автору этих строк в 1978 году о талантливом ракетчике Георгии Васильевиче Кореневе, попавшем в заключение вместе с Королевым и Глушко и державшемся на допросах столь дерзко, что, несмотря на явную его невиновность, ему пришлось испить чашу страданий, связанных с самым суровым обращением тюремщиков, до дна. «Сергей Павлович с восхищением говорил о способностях этого человека,—вспоминал Юрий Борисович,—а его характер называл похожим на характер Юрия Васильевича Кондратюка. Когда Георгия Васильевича Коренева освободили, он узнал телефон С. П. Королева, бывшего тогда уже крупным руководителем, и позвонил ему. Королев сказал ему, что без всяких разговоров принимает его к себе на работу, сейчас же высылает за ним машину, и они все обсудят при встрече, которой он, Королев, будет очень рад.

Когда машина подошла к месту работы Королева, Сергей Павлович по телефону извинился: у него сейчас, вот-вот, заканчивается совещание, он просит Георгия Васильевича подождать немного в машине. Корнев подождал ровно 20 минут, потом вышел из машины и ушел, заявив шоферу: «Много чести для Сергея, чтобы я ждал его больше 20 минут!»

Чем напомнил С. П. Королеву этот гордый и неуступчивый человек Ю. В. Кондратюка? Быть может, Королев вспомнил твердую неуступчивость Кондратюка, ни в какой форме не соглашавшегося сотрудничать с ГИРДом?..

К счастью, в 1938 году для Юрия Васильевича все обошлось — ареста он избежал, но можно представить, сколько раз он ожидал его, прислушиваясь к шуму подъезжающих к дому № 30 по Скатертному переулку машин. Так жили тогда очень многие, он не был исключением. Но он, быть может, лучше многих осознал, сколь ничтожного повода достаточно для того, чтобы стать арестованным, осужденным. В этом плане у него уже был жизненный опыт.

Но и опасаясь ареста, он не сидел сложа руки. В строжайшей тайне продолжал размышлять над теорией космического полета — на это указывают некото-

рые свидетельства очевидцев, находившихся с ним в контактах в те годы. Среди них Б. И. Романенко, например, называет С. В. Руженцова, И. З. Кирьяна, утврждавшего, что Ю. В. Кондратюк написал новую работу, посвященную полетам за пределы Земли, «но боится ее опубликовать, дабы его не посчитали за безумца!»

С июля по сентябрь 1938 года Кондратюк подает три заявки на изобретения, связанные с устройством ветряных двигателей, две из них — в соавторстве с И. З. Кирьяном, М. В. Келлером, П. К. Горчаковым.

В журнале «Электрические станции» за 1939 год (№ 10—11) печатается статья Горчакова и Кондратюка «Основные характеристики и перспективы ветроэнергетики». В 1939 году вместе с тремя соавторами Ю. В. Кондратюк получает авторское свидетельство на изобретение двухлопастного ветродвигателя — последнее в его жизни авторское свидетельство, последнее признанное изобретение. А 10 октября 1940 года подает последнюю заявку на изобретение: «Устройство для объединения мощности нескольких ветряных колес».

Высокий, сутулый, сильно поседевший за последние годы, Юрий Васильевич внешне все более напоминает знаменитого Рыцаря Печального Образа — Дон Кихота. Друзья так его и называют, имея в виду не только внешнее сходство, но и некоторое чудачество, и рыцарскую верность мечте — полетам к другим мирам, о которых он иногда вдохновенно рассказывает. Но воевать этому Дон Кихоту приходится не с ветряными мельницами, а наоборот — за то, чтобы всюду появлялись ветряки — источники драгоценной и дешевой энергии.

Проекты Ю. В. Кондратюка в период его работы в ПЭК ВЭС при тресте Волгоэлектросетьстрой и ранее — в ветросекторе при Теплоэлектропроекте отличались оригинальностью и продуманностью деталей.

Еще в 1934 году Ю. В. Кондратюк размышлял о том, как поднять ветродвигатели с помощью аэростата, и придумал, подал авторскую заявку на привязной аэростат специального значения. Для чего ему нужно было поднять ветродвигатели? На высоте ветер значительно сильнее, а воздух спокойнее, внизу же турбулентное состояние воздуха мешает равномерной работе винтов.

В ветросекторе под руководством Ю. В. Кондратюка разработали оригинальный проект ветроэлектростанции на дирижабле. На раме, подвешенной к дирижаблю вместо моторной установки, укреплялось 12 ветродви-

гателей, которые направляли вырабатываемую электроэнергию по проводам на землю. Дирижабль соответствующим образом жестко укреплялся и ориентировался по направлению ветра на высоте 1000—1500 метров, где дули сильные ветры.

В ПЭК ВЭС Ю. В. Кондратюк и его группа создали проекты цельнометаллических автоматических ветроэлектростанций, мощностью в 100 и 250 кВт — в основном для нужд сельского хозяйства в районах с недостаточным энергетическим обеспечением. В ноябре 1940 года в проектный отдел ПЭК ВЭС пришел работать Б. И. Романенко. Вместе с Ю. В. Кондратюком он работал чуть более полугода, вместе с ним с началом войны ушел в народное ополчение защищать столицу.

Страшное слово «война» застало Юрия Васильевича на строительной площадке под Москвой. На окраине поселка «Дружба» между платформами Перловка и Тайнинская Северной железной дороги полным ходом шли работы по сооружению электростанции мощностью в 100 кВт — ВЭС-2-Д-20. 60-метровая металлическая решетчатая башня для ВЭС уже была установлена на фундамент, готовились монтировать на ней ветроагрегаты. «Но грянула Великая Отечественная война, — пишет Б. И. Романенко, — начались налеты фашистской авиации на столицу, и башню велели положить, дабы она не была лишним ориентиром для фашистской авиации».

Юрий Васильевич возвратился в Москву, а оттуда очень скоро отправился добровольцем на фронт.

«Ему не пришлось прощаться с родным домом, с женой, с семьей — у него их просто никогда не было. В сущности, он был очень одинок», — так писал я в 1980 году в сценарии фильма о Ю. В. Кондратюке.

Я тогда еще не ведал, что ошибаюсь...

«ДЕЯТЕЛЬНО, ВСЕ ПОЛУЧАЕТСЯ В ЖИЗНИ НАОБОРОТ»

Все виноваты. Все причастны к этой смерти, если не могли предотвратить ее.

Г. Козинцев

«В начале июля, — вспоминала Ольга Николаевна Горчакова, жена П. К. Горчакова, — раздался громкий, условный стук в дверь. Так стучал только Юрий Ва-

спльевич. Едва я открыла дверь, как он, точно буря, ворвался в переднюю и, схватив меня в охапку, стал целовать.

— До свиданья, до свиданья! Уезжаю...

Это было так ошеломляюще неожиданно, что я не сразу поняла, о чем он говорит. Сбивчиво, торопясь и волнуясь, Юрий Васильевич сообщил, что друзья предложили ему присоединиться к группе ополченцев, отправляющихся на фронт.

— Все уже на сборном пункте, и только я отстал, забежал к вам попрощаться.

Я пыталась доказать ему, что при его знаниях он может немало пользы принести и в Москве. Но тщетно.

— Я дал согласие... Мое место там, где должен быть каждый, кто в состоянии держать в руках оружие, — твердо заявил Кондратюк и с улыбкой добавил: — Я уверен, что скоро вернусь к вам невредным».

Без колебаний он сделал этот шаг при первой же возможности, на 16-й день войны... Удерживать его было и невозможно, и некому. А отсутствие больших чинов, ученой степени, брони бросило его на боевые позиции без всяких проволочек.

«Мы все тогда записывались в добровольцы, но инженерам, представляющим какую-нибудь ценность, выдавали броню и отправляли в эвакуацию», — писал Н. В. Никитин, словно оправдываясь перед памятью друга, в своих воспоминаниях о Ю. В. Кондратюке. Вынужденный из-за своей хромоты, полученной еще в детстве, вести свою войну с врагом, срочно проектируя цеха для эвакуированных заводов, Николай Васильевич болезненно переживал это, завидуя ушедшим на фронт товарищам. С первого дня войны ушел на фронт Б. А. Злобин, 6 июля — Кондратюк...

Из рапорта лейтенанта Б. И. Романенко военному комиссару Киевского района Москвы полковнику А. Е. Мальцеву:

«6 июля 1941 года все сотрудники ПЭКВЭС записались в ряды народного ополчения, в их числе был также и Ю. В. Кондратюк. В ночь с 6 на 7 июля 1941 года сотрудники ПЭКВЭС пешком ушли на Западный фронт в составе дивизии Народного ополчения (ДНО) Киевского района Москвы (позже наша ДНО получила 21-й номер, с 15 августа переименована в 173-ю стрелковую дивизию, а со 2 марта преобразована в 77-ю гвардейскую дивизию).

Большинство сотрудников ПЭКВЭС, в том числе и Ю. В. Кондратюк, были зачислены в роту связи 62-го стрелкового полка.

...Последний раз я видел Ю. В. Кондратюка 30 сентября 1941 года у блиндажа штаба 62-го с. п., который находился в лесу вблизи дер. Кузнецы и Барсуки, юго-западнее Кирова.

В тот момент Ю. В. Кондратюк был на посту — дежурил в телефонной будке. Я с ним тогда разговаривал, мы расстались, полные оптимизма, были рады нашей встрече...»

Сохранилось письмо Ю. В. Кондратюка с фронта, адресованное Ольге Николаевне Горчаковой:

«1 сентября.

Милая Ольга Николаевна! Вы меня очень обрадовали письмом, тем более, что это единственное, что я до сих пор имею. Очень рад, что вы все-таки решили поехать в Красноярск в конце концов.

Меня очень беспокоят киевляне*, тем более учитывая... (здесь письмо повреждено.— А. Р.). От них ничего не имею. Буду справляться через домоуправление.

Пишите мне почаще, хотя бы открытки — живы, здоровы и там-то находимся. Все, что до меня сейчас доходит из внешнего мира, — это иногда удается у громкоговорителя услышать минут на 5 обрывки музыки из Москвы.

Поэзия тоже постепенно надоедает, особенно когда она преподносится совсем не в чистом виде.

Мой новый адрес: действ. армия, полевая почтовая станция № 930, 62 стрелк. полк, красноармейцу роты связи — мне.

Обо мне не беспокойтесь, со мной, конечно, ничего не случится. Большое спасибо за Ваше теплое письмо — крепко целую. Действительно, все получается в жизни наоборот.

Привет Люсе** и всем.

Уточните мне Ваш № телефона: И-07290 или 02790 — я, к стыду своему, уже не уверен. Еще раз крепко целую. Юр.

Пишите хотя бы понемножку — это для меня большая радость».

В начале октября 1941 года дивизия, в которой воевал Ю. В. Кондратюк, занимала оборону на линии Ки-

---

* Имеются в виду родственники Ю. В. Кондратюка.

** Дочь П. К. и О. Н. Горчаковых.

ров — Фаянсовая — Ульяново — Козельск — Белов. 3 октября 1941 года фашистские танки, прорвав нашу оборону на Десне, вышли к юго-западным подступам Кирова. В жарких боях — против дивизии были брошены авиация, сотни танков, мотопехота — наши бойцы несли громадный урон, но продолжали преграждать фашистским полчищам путь к столице.

По одной из версий, разработанной биографами Ю. В. Кондратюка и получившей широкое распространение, Ю. В. Кондратюк погиб в одном из тех боев, называлась точная дата его гибели — 3 октября 1941 года. Эта дата вошла и в некоторые справочные издания, в биографические очерки. И когда она повсеместно утвердилась, неожиданно пролился свет на новую загадку: тогда, в октябре 1941 года, Ю. В. Кондратюк не погиб. Видимо, его поредевшая часть была переформирована.

Об этом свидетельствуют новые документы, обнаруженные совсем недавно, в частности, открытка с фронта, написанная самим Юрием Васильевичем и датированная 2 января 1942 года. «Мой адрес: 968-я полевая почтовая станция, 282-й стрелковый полк, 1 батальон, взвод связи, мне», — писал он.

6 января его адресант, Галина Павловна Плетнева, отправила по указанному адресу открытку, начинавшуюся словами: «Родной, любимый Юрочка!..» Открытка ровно через месяц, 6 февраля 1942 года, вернулась с пометкой «за невозможностью вручения»...

Н. В. Никитин в своих «Воспоминаниях о Юрии Васильевиче Кондратюке» писал:

«Вскоре после начала войны кто-то сказал мне, что Юрий Васильевич пошел добровольцем в ополчение и его сразу же и убили... Зимой 1942 года в Новосибирске на концерте Ленинградской филармонии я встретил В. П. Ветчинкина, мы вспомнили Юрия Васильевича и пожалели о судьбе покойного».

Обстоятельства гибели Ю. В. Кондратюка до сих пор неизвестны.

А война длилась почти четыре года. Он мог участвовать в разработке «катюш», ракетного оружия — да мало ли в чем мог пригодиться его мощный изобретательский талант! И он мог остаться живым. В день запуска первого советского искусственного спутника Земли ему было бы 60 лет. А может быть, и космическая эра, благодаря ему, началась бы значительно раньше!

«Доживи он до наших дней, мы имели бы гениаль-

ного космического конструктора», — сказал в своем интервью корреспонденту «Правды» Н. В. Никитин.

Не уберегли.

Убит... К чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправдаья?
Судьбы свершился приговор!

А может быть, права Татьяна Иосифовна Маркевич, писавшая, что он этого хотел, что он искал смерти, сознавая, что нет ему места на земле?..

Он и погиб под чужим именем, и так, что на земле не осталось даже его могилы.

Война унесла миллионы и миллионы жизней — мужчин и женщин, стариков и детей, обычных способностей и несомненно одаренных, а часто и таких, чьи способности еще не успели никак проявиться. Но это злодеяние войны следует выделить особо и особо задуматься над ним: в один из дней она убила гениального сына человечества.

«Александр Игнатьевич Шаргей (Юрий Васильевич Кондратюк). 1897—1942» — должно быть написано на его могиле. Но нет могилы, и нет этой надписи.

«Мне хотелось бы, — писала Т. И. Маркевич, — чтобы осуществилась мечта бедного Юры и хоть после смерти к его нелюбимой фамилии хотя бы через тире добавили родную».

Казалось, А. И. Шаргей — Ю. В. Кондратюк унес с собой в могилу тайну своего имени. Но жизнь его кончилась, началось бессмертие, которому пришлось тоже пройти трудную, изнурительную, многолетнюю «экспертизу».

«Нет худа без добра», — гласит русская пословица. В ходе этой «экспертизы», без особого труда добравшейся до подлинной биографии Александра Игнатьевича Шаргея (Ю. В. Кондратюка), было сделано едва ли не все, чтобы представить ее в выгодном для его недоброжелателей и завистников свете, замолчать ее, представить криминальной и упрятать от всех, засекретить, а самому Ю. В. Кондратюку отвести как можно более скромное место в истории космонавтики — как человеку с «криминальной» биографией. Для чего это делалось? Перечитайте его памфлет «Экспертиза» — и поймете.

Но чем глубже прятали от общественности подлинную биографию А. И. Шаргея, чем больше запретов появлялось на публикации, посвященные Ю. В. Кондратюку, тем неудержимее становился поток информации

о нем, тем большее число энтузиастов становилось исследователями-кондратюковедами и докапывалось до истины. Истина была уже на устах множества биографов Ю. В. Кондратюка, но нести ее в массы через средства массовой информации запрещалось, пока не наступила эпоха гласности. Но и она не отменила существования людей, предпочитающих правде удобную для собственного существования ложь, в крайнем случае — полуправду. Потому-то фильм Свердловского телевидения, снятый по сценарию дважды Героя Советского Союза В. И. Севастьянова «Что в имени тебе моем?», сделавший подлинное имя Александра Игнатьевича Шаргея фактом и всеобщим достоянием, с огромным трудом выходил на всесоюзный экран. Я встретил Виталия Ивановича в профессиональном клубе кинематографистов (ПРОКе) во время XV Международного кинофестиваля в Москве и спросил о судьбе фильма, о котором тогда только слышал.

— Его не выпускают,— с горечью ответил В. И. Севастьянов.— Мы ведь там сказали все, как есть,— всю правду. Бьемся...

Фильм вышел и сделал в кондратюковедении эпоху. Перебирается статья в энциклопедии, имя А. И. Шаргея вышло на страницы газет, книг, брошюр, журналов. Моя бы воля, я дал бы за этот подвиг Виталию Ивановичу третью Звезду!

Но я с горечью думаю иногда, что все это могло произойти гораздо раньше.

Впрочем, все по порядку.

Часть III

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

ПРИЗНАНИЕ

...Творенья интеллекта переживают шумную суету поколений и на протяжении веков озаряют мир светом и теплом.

А. Эйштейн

По своей натуре Александр Игнатьевич Шаргей был и генератором идей, и их реализатором, мыслителем и создателем. Он обогнал свое время, и многое из придуманного им лишь спустя десятилетия смогли осуществить другие.

Не стоит сетовать за это на его судьбу. Да, она была нелегкой. Но, как сказал поэт, «где, когда, какой великий выбирал путь — чтобы протоптанней и легче?!» Александр Игнатьевич был из тех, кто шел неизвестным путем, открывая людям широчайшие перспективы для познания окружающего мира. Кроме того, он был слишком непрост и неординарен как личность, чтобы иметь легкую судьбу. Потребовалось время, чтобы то, чему он посвятил свою жизнь, свершилось. И только тогда могло бы прийти к нему широкое признание.

Но и тогда его странная, запутанная биография служила препятствием настоящему признанию. Уже известная десяткам людей, не находящих в ней ничего «криминального», биография А. И. Шаргея — Ю. В. Кондратюка не могла пробиться на страницы печати, на экран в истинном и полном своем виде еще долгие годы. И как по-человечески понятна она сейчас, когда гласность сделала всеобщим достоянием не только биографию А. И. Шаргея, но и многие подробности обстановки тех лет!

В среде людей, для которых теория полетов в космос была делом жизни, а не пустой фантазией, вклад

А. И. Шаргея — Ю. В. Кондратюка был оценен по достоинству еще при его жизни: К. Э. Циолковским и В. П. Ветчинкиным, Н. А. Рынным и Р. Ладеманом, Я. И. Перельманом и Ф. А. Цандером, А. А. Штернфельдом и Е. Зенгером, С. П. Королевым и В. П. Глушко...

Высоко ценили его талант и те, кому довелось бок о бок трудиться с инженером Ю. В. Кондратюком.

Много лет спустя, построив вместе с Н. В. Никитиным самое высокое в мире по тем временам сооружение — Останкинскую телебашню, — Б. А. Злобин записал в своем дневнике:

«Задумываюсь — почему я не говорю о башне, отдав ей 10 лет напряженного труда, с пафосом и так возвышенно, как, можно сказать, она заслуживает. И напрашивается один ответ: каждодневная упорная новаторская работа в 1929—1930 и в 1934—1936 годах с Ю. В. Кондратюком приучила не считать новое чем-то исключительным и рекордным. Я был смолodu приучен к масштабам и взглядам Кондратюка, привык не смотреть, как он выражался, «выпученными глазами» на то, что рождается впервые в инженерной практике, привык к мысли, что если для дела потребуется, то можно и это превзойти».

Уже неоднократно выше говорилось о высокой оценке Ю. В. Кондратюка Н. В. Никитиным. В своих «Воспоминаниях о Юрии Васильевиче Кондратюке» Н. В. Никитин останавливает рассказ на пронзительно-щемящей и безжалостно-безысходной ноте: «Печальная судьба инженерного гения без признания».

Напомню, что датированы эти «Воспоминания» 25 мая 1972 года. К тому времени уже появились в печати статьи и очерки о Ю. В. Кондратюке, в том числе и статьи автора этих строк. Но слова Н. В. Никитина свидетельствуют о том, что Н. В. Никитин считал — и справедливо — неадекватной оценку, данную современниками, вклада Ю. В. Кондратюка в науку и технику.

Справедливости ради надо сказать, что и оценка «инженерный гений» в отношении Юрия Васильевича Кондратюка также неадекватна его вкладу в науку, она слишком узка. Да, он проявил себя как «инженерный гений» неоднократно — и в созданных им «земных» проектах, и проявив непостижимую по тем временам глубину проникновения в специфику космической инженерии. Но он же опубликовал в своей книге и далекие от чисто инженерных задач планы «изменения климата

целых континентов», мелнорации в невиданных еще масштабах земной поверхности, «утилизации неисчерпаемых запасов солнечной энергии». С дерзкой уверенностью пишет он профессору Н. А. Рынину о будущем, в котором «будет установлено регулярное сообщение с мировыми пространствами», а «холодные страны... будут обогреты перехваченными за тысячи верст от Земли солнечными лучами», а Б. Н. Воробьеву — об «области овладения будущей основой энергетики на Земле — энергией ветра».

Слова, сказанные с такой провидческой определенностью, выдают в авторе не только «инженерного гения».

Но, казалось бы, достаточно было его инженерных заслуг, чтобы удержать его от фронта и гибели. Проект крупнейшей в мире Крымской ВЭС, выполненный Ю. В. Кондратюком, сделал его имя достаточно известным не только в среде специалистов. О проекте писали газеты и журналы. Например, журнал «Техника — молодежи» (№ 12, 1936) поместил большую статью В. Шпландера «Голубой уголь», с рассказом о строительстве Крымской ВЭС, а проект ветроэлектростанции был помещен на обложку журнала. Подруга студенческих лет Н. В. Никитина, впоследствии крупный инженер-строитель Антонина Николаевна Пирожкова, сообщила автору этих строк, что о Юрии Васильевиче Кондратюке она впервые услышала от... своего мужа, писателя И. Э. Бабеля, рассказывавшего ей с жаром и увлечением о трудной жизни Кондратюка, о том, что его не признавали и не принимали его проекты, о том, что он выпустил книжку на свои деньги... Откуда узнал все это Исаак Эммануилович? В Москве в 1932—1939 годах он жил в доме по Большому Николо-Воробинскому переулку, деля квартиру с австрийским инженером Бруно Штайнером. Б. Штайнер был представителем фирмы «Элин», торговавшей с СССР электрическим оборудованием. По роду своей деятельности Штайнер внимательно следил за успехами советской энергетики. Он-то и мог рассказать И. Э. Бабелю о проекте Ю. В. Кондратюка. Но еще более вероятно, что Бабель услышал о Кондратюке в 1936 году, когда находился на съемках кинофильма «Бежин луг» в Ялте. В это время он мог заинтересоваться строительством на Ай-Петри, повстречаться с сотрудниками Ю. В. Кондратюка, а может быть, и с ним самим.

Итак, о Кондратюке знали, слышали, восхищались

им. Но только официальное признание его научных заслуг, присвоение ему ученой степени доктора технических наук могло предотвратить его уход на фронт. Официального признания не последовало...

Ведущие ученые-ракетчики погибли или томились в сталинских лагерях, и к началу войны мы подошли без мощного ракетного оружия и без его потенциальных создателей. Лишь в ходе войны отношение Сталина к ракетной технике, казалось, стало меняться. Но и это не было очевидностью.

«В конце войны от ракетной техники отбрыкивались кто как мог,—вспоминал академик В. П. Мишин,—еще бы: статья авиаконструктора Яковлева в «Известиях» (1945 г.) о вреде ракетной техники, многие умы из тех, кто остался в живых, разбросаны по лагерям. Не ровен час, может все снова поменяться, кому охота нарываться? Долго было «перепихивание» в верхах—никто не хотел связываться с «крамольной» темой. Это заслуга Сергея Павловича (Королева.—А. Р.), что вопрос был решен и мы, наконец, обрели статус и место».

В конце 1945 года в Берлин была направлена государственная комиссия по ознакомлению с немецкой ракетной техникой. Ее работой руководил досрочно освобожденный в 1944 году С. П. Королев. Комиссия побывала на бывшей ракетной базе, где под руководством Вернера фон Брауна создавались ракеты «ФАУ-2». Сам фон Браун, его чертежи и готовые ракеты попали к американцам, и фон Браун продолжил свою деятельность в США, возглавив Службу проектирования и разработки вооружения армии США в Форт-Блиссе (штат Техас). С 1960 года он стал одним из руководителей Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства США (НАСА), директором Центра космических полетов имени Маршалла НАСА.

В наполовину изъятом бежавшим к американцам фон Брауном архиве германского исследовательского центра в Пенемюнде к моменту начала работы советской комиссии не осталось ни чертежей «ФАУ-2», ни секретных документов, относящихся к их разработке, но по описаниям бывших брауновских специалистов были восстановлены чертежи, 12-тонная ракета «ФАУ-2» была воссоздана, и в 1947 году проведены ее опытные пуски.

Герой Социалистического Труда, генерал-лейтенант Г. А. Тюлин вспоминал:

«В процессе работы в Германии мы поняли, что если бы не аресты, мы вышли бы на очень высокий технический уровень еще в конце тридцатых годов. В результате репрессий в армии и среди ученых ракетная техника остановилась у нас на порохowych ракетах и не развивалась, пока в верхах не узнали про «ФАУ». Только тогда Сталин стал проявлять к ракетам интерес, Королева, скажем, не удивили в «ФАУ» решения конструкторского порядка, научная интуиция подсказывала ему ходы, опережая опытные испытания. (Доказательством тому был тот темп, которым стала развиваться РКТ). Но размах производственной базы ракетостроения в Германии произвел на него большое впечатление. Он лишний раз убедился, что решение чисто научных задач в области РКТ невозможно без соответствующей опытно-экспериментальной и производственной базы. Он понял, что век одиночек, таких, как, скажем, Можайский, Жуковский, прошел, и стал осваивать новые принципы научной организации ракетостроения».

В марте 1946 года, выступая с докладом на сессии Верховного Совета СССР, председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский сказал: «Нам необходимо обеспечить работы по развитию новых отраслей техники и производства. К ним относятся... работы по развитию реактивной техники, применению нового типа двигателей, создающих новые скорости и мощности».

В апреле 1947 года на одном из правительственных совещаний у Сталина с участием С. П. Королева был рассмотрен план разработок советского ракетного оружия, который неоднократно обсуждался на последующих совещаниях в Кремле.

В том же, 1947, году в Оборонгизе в Москве вышло второе издание уже ставшей библиографической редкостью книжки Ю. В. Кондратюка «Завоевание межпланетных пространств». В книге, изданной тиражом 5000 экземпляров, кроме самого текста, в котором авторские предисловия подверглись некоторым сокращениям, в качестве справки о самом авторе были помещены выдержки из его письма профессору Н. А. Рынину.

Знаменательны строки предисловия, которым снабдил это издание его редактор П. Иванов: «Следует отметить, что идеи автора в свете современного развития ракетной техники очень близки к осуществлению, несравненно ближе, чем это можно было предположить 18 лет назад. В самом деле, появление реактивных сна-

рядов, покрывающих сотни километров, и развитие ракетной авиации показывают, что ракетная техника стоит на пороге решения вопроса о межпланетных полетах. С этой точки зрения книга Ю. В. Кондратюка безусловно представляет интерес, так как полнота исследования, проведенных автором, сохраняет свою значимость и на сегодня».

В сентябре того же, 1947, года отмечалось 90-летие со дня рождения К. Э. Циолковского. Снимок, сделанный в этот день, запечатлел С. П. Королева у бюста ученого. Рядом с ним стоят А. А. Космодемьянский, М. К. Тихонравов и Б. Н. Воробьев. Рассказывал ли Борис Никитич Воробьев С. П. Королеву о хранящемся у него архиве Ю. В. Кондратюка? Известно, что только в начале шестидесятих годов он передал рукописи Кондратюка в Институт истории естествознания и техники Академии наук СССР, после чего они стали доступны исследователям. Через 10 лет, уже в день столетия К. Э. Циолковского, на торжественном заседании Академии наук СССР С. П. Королев в своем докладе упоминает труды Ю. В. Кондратюка.

А еще через несколько дней, 4 октября 1957 года, весь мир с восторгом повторял на все лады русское слово «спутник» — космической эре было положено начало.

25 декабря 1957 года новосибирская газета «Молодость Сибири» опубликовала заметку кандидата технических наук А. Буткевича «Как найти рукописи?», в которой впервые ставится вопрос о необходимости разыскать научный архив Юрия Васильевича Кондратюка. В Сибири и на Украине появляются о нем первые статьи. Интерес к Ю. В. Кондратюку резко возрастает по мере развития космонавтики.

В 1964 году Институт истории естествознания и техники АН СССР выпустил том «Пионеры ракетной техники. Кибальчич, Циолковский, Цандер, Кондратюк. Избранные труды» (Наука. М., 1964), в котором впервые опубликована рукопись Ю. В. Кондратюка «Тем, кто будет читать, чтобы строить»; в третий раз публикуется книга «Завоевание межпланетных пространств» и научный комментарий к ним В. Н. Сокольского. Нужно отметить, что Б. Н. Воробьев передал в ИИЕТ АН СССР не только сданные ему Ю. В. Кондратюком на хранение рукописи, но и материалы, предоставленные ему О. Н. Горчаковой и мачехой А. И. Шаргея — Ю. В. Кондратюка Е. П. Кареевой.

Годом раньше в Москве в русском переводе вышел труд Краффта Эрике «Космический полет». Его автор — руководитель отдела перспективных исследований фирмы «Дженерал Дайнэмикс/Астронотикс», в прошлом один из немецких ученых, занимавшихся созданием в годы войны ракеты «ФАУ-2», признает на страницах первого тома своей работы:

«Циолковский, Кондратюк, Цандер, Перельман, Рынин и другие исследователи завоевали для своей страны право называться колыбелью современной астронавтики».

Симптоматично, что это признание вынужден был сделать бывший соратник Вернера фон Брауна, всячески пытающийся в своих работах выпятить роль своего шефа фон Брауна и американца Боссарта, главного инженера фирмы «Конвэр», заместителем которого работал одно время Краффт Эрике.

Готовя сценарий фильма о Ю. В. Кондратюке для Свердловской киностудии, я обратился за помощью и консультацией к академику В. П. Глушко. В своем ответном письме от 20.09.76 г. Валентин Петрович писал:

«Ряд его оригинальных и важных идей используется в отечественной и зарубежной космонавтике, а многие другие общепризнанные его идеи являются неотъемлемой частью ближайших планов покорения космоса человеком. Ю. В. Кондратюк навсегда вошел в историю космонавтики как один из ее талантливых пионеров...

Наша страна может гордиться своим сыном — Юрием Васильевичем Кондратюком, обогатившим отечественную ракетно-космическую науку и технику блестящими исследованиями и сложившим голову в тяжелые времена фашистского нашествия».

Фильм «Хлеб и Луна», посвященный Юрию Васильевичу Кондратюку, вышел на экраны в 1980 году. В нем удалось рассказать далеко не все, что мы уже к тому времени знали. Но и по ложной биографической версии мы с режиссером Львом Ефимовым не пошли — показывали подлинные фотографии гимназиста А. Шаргея, его домик в Полтаве, дедушку и бабушку — А. Н. и Е. К. Даценко, старались избегать в ранний период называть героя по имени, прибегая к местоимениям: «Он родился... его школьные годы...» и т. д. Конечно, это был не лучший вариант, но мы радовались, что нам позволили рассказать с экрана о Ю. В. Кондратюке хотя бы так. Ведь фильм этот шел к экрану ровно 10 лет! Еще в 1971 году консультантом фильма согласился

стать Н. В. Никитин. У меня сохранилось его рекомендательное письмо:

«Мне стало известно об идее создания фильма, посвященного Ю. В. Кондратюку. Я горячо поддерживаю эту идею.

Ю. В. Кондратюк был замечательным инженером, его идеи и сейчас не утратили актуальности. Стиль его работы достоин подражания молодыми специалистами.

В меру своих возможностей я готов содействовать подготовке сценария.

Доктор технических наук, лауреат
Ленинский премии Н. Никитин.
11 февраля 1971 года».

Западно-Сибирская студия кинохроники и студия «Новосибирсктеелефильм» неоднократно обращались тогда в Госкино РСФСР и Госкино СССР, в Гостелерадио СССР с предложениями о включении в студийный план этого фильма. Но всегда следовал отказ — без объяснения причин...

И вот — фильм снят и вышел на экран. Валентина Петровица Глушко не пришлось уговаривать сказать с экрана свое слово о Ю. В. Кондратюке:

«Если поставить перед собой задачу найти место, которое он занимает в ряду первых исследователей космонавтики, то в моем представлении он бесспорно занимает следующее место после Константина Эдуардовича Циолковского. Хотелось бы отметить, что труды Юрия Васильевича Кондратюка не носили отвлеченный характер, как у большинства исследователей космонавтики того времени. Они носили практический характер. Достаточно вспомнить название его первого труда: «Тем, кто будет читать, чтобы строить». И в своей книжке, изданной в Новосибирске, он прямо пишет, что просит считать свои труды техническим проектом по освоению космоса.

Его труды изобилуют интереснейшими, оригинальными, полезными идеями и предложениями, которые используются ныне и будут использоваться долгое время в будущем. Там и детали устройства сопла, и головки форсунок камеры сгорания, там и детали системы управления... Он, например, опережая на многие десятилетия развитие техники, предложил использовать плавающие поплавковые гироскопы для управления системой ракеты, что только недавно было освоено в ракетной технике. И эти примеры можно было бы умножить. Причем, хотя он в своих трудах изложил поэтап-

но, как надлежит осваивать космос, он в то же время заключил, что, выйдя в космос, человек станет, как он выразился, подлинным хозяином Земли».

После полета в июле 1965 года советской космической станции «Зонд-3», обследовавшей белое пятно на карте Луны — восточный сектор обратной ее стороны, было обнаружено около трех с половиной тысяч новых объектов. Десять наиболее значительных кратеров специальная комиссия АН СССР под председательством старейшего советского астронома академика А. А. Михайлова предложила назвать, по традиции, именами выдающихся ученых нашей планеты: Норберта Винера, Эвариста Галуа, Н. Е. Жуковского, Н. И. Кибальчича, Ю. В. Кондратюка, Генриха Лоренца, Грегори Менделя, Баруха Спинозы, П. Л. Чебышева, Ф. А. Цандера.

На очередном съезде Международного астрономического союза, состоявшемся осенью 1967 года в Праге, проект новых названий был утвержден.

Так имя скромного механика элеваторов и бездипломного инженера, мечтателя и талантливого пионера космической эры Юрия Васильевича Кондратюка, словно повторяя нарисованную им собственноручно на обложке своей новосибирской книжки крутую траекторию, облетело нашу планету и вырвалось за пределы Земли. Увековеченное лунным мемориалом, оно навсегда засияло в ряду блистательных имен самых пытливых представителей нашей цивилизации, открывших человечеству новое и указавших путь в неизведанное.

Чужое имя, ставшее волею судьбы не просто его научным псевдонимом, но и постоянной, не знающей никаких исключений, подменой имени настоящего, приобрело всемирную славу. И казалось, что теперь, когда этим именем стали называть улицы и площади Москвы, Киева, Полтавы, Новосибирска, настоящему имени никогда не суждено занять место прославленного чужого.

Двадцать четыре года Александр Игнатьевич Шаргей жил под собственным именем, а затем еще двадцать — под именем Юрия Васильевича Кондратюка.

В его «жизни после жизни» все произошло в обратном порядке: долгие годы он был для всех Ю. В. Кондратюком, а потом вновь стал А. И. Шаргейм.

Как это произошло? Об этом — последняя глава.

КАК СЛОМАЛИ ПЕЧАТЬ МОЛЧАНЬЯ

Я вас зову
На совещанье,
Где я сорву печать молчанья.
Чтоб видели вы наяву,
Как, резко треснув на прощанье,
Нарушится печать молчанья —
Простой сургуч, по существу.

Л. Мартынов

К чести новосибирцев, они первыми начали не только поиск научного архива Ю. В. Кондратюка, но и сбор материалов о его жизни, воспоминаний о нем. Вслед за заметкой А. Буткевича в газете «Молодость Сибири» (25 декабря 1957 года), кратко рассказавшей о вышедшей в Новосибирске в 1929 году книжке Ю. В. Кондратюка и упомянувшей о том, что «в 1942 году Юрий Васильевич погиб на фронте», в 1959 году появляются статьи в новосибирских газетах и журнале «Сибирские огни» Я. Е. Шаевича. По найденной им в новосибирском архиве анкете, заполненной Ю. В. Кондратюком, Я. Шаевич начинает поиск на «родине» своего героя. Поиск, как и следовало ожидать, увенчался нахождением следов подлинного обладателя документов, по которым жил А. И. Шаргей, — Юрия (Геоργия) Васильевича Кондратюка, уроженца Луцка.

17 января 1960 года в газете «Радянська волинь» публикуется статья Я. Шаевича «Жизнь, отданная науке», а уже 4 февраля в той же газете студенты Луцкого пединститута имени Леси Украинки В. Белый, М. Снитчук, С. Бондарчук, Р. Карпенко, М. Онуфричук, В. Перепелица, В. Чариков и М. Янчук публикуют «Страницы жизни ученого». Ком катится дальше, обрастая подробностями. Разумеется, учителя, у которых учился в Луцке Георгий Кондратюк, вспоминают его и даже «припоминают» его необыкновенные математические способности.

В 1959 году Я. Шаевич разыскивает друзей и соратников Юрия Васильевича Кондратюка, собирает их воспоминания, готовит их к печати. Журнал «Сибирские огни» в мартовском номере за 1960 год публикует воспоминания Л. А. Лифшица под названием «Человек глубиной творческой мысли» и О. Н. Горчаковой — «Наш милый фантаст». В августовском номере появляется новый очерк Я. Шаевича — «Человек, шагнувший к звездам», а в августовском номере за 1962 год журнал «Авиация и космонавтика» публикует совмест-

ную статью кандидата технических наук А. Буткевича и инженера Я. Шаевича — «Звездный мечтатель». Вот как излагалось там начало биографии Юрия Васильевича: «Кондратюк родился 26 августа (8 сентября) 1900 года в Луцке, в семье учителя. Его отец, обнаружив у сына большие способности к точным наукам, старался всячески расширить его познания в математике, физике, природоведении. Когда Юрий окончил четыре класса гимназии, его определили в коллегию Павла Галагана — закрытое учебное заведение с математическим уклоном... В 1918 году Кондратюк закончил коллегию, поступил в Киевский университет и продолжал исследования». Сообщалось также о его «отце» Василии Павловиче и его старших братьях.

Сегодня по этой ложной ветке поиска можно судить о биографии «двойника» ученого, человека, чьими документами Александр Игнатьевич Шаргей воспользовался, ничего не зная об «отце», «матери», «братьях». Было время, когда А. И. Шаргей дорого дал бы за то, чтобы иметь эти сведения. Жизнь подлинного Ю. В. Кондратюка, родившегося в Луцке, была прилежно изучена и прослежена исследователями до 1918 года, когда он поступил в Киевский университет, проживая на улице Брусиловской в доме № 55, кв. 4. Дальше ниточка оборвалась. Впоследствии об этом человеке удалось узнать, что он заболел туберкулезом и 1 марта 1921 года скончался.

Можно ли винить сегодня исследователей биографии Кондратюка за то, что они ввели в заблуждение читателей, за то, что они шли по ложному пути? Нет, нельзя, потому что они искренне пытались проследить ту биографию, вехи которой сам обозначил в своей анкете Александр Шаргей — Юрий Кондратюк. Как же было не поверить сведениям, которые он написал сам, своей рукой?!

Отмечу, что действовали первые биографы Ю. В. Кондратюка вполне квалифицированно: нашли в Волинском областном государственном архиве подтверждение записей Кондратюка в анкете, списались с редакцией Большой Советской Энциклопедии, из которой им ответили, что располагают точно такими же данными, которые хотят поместить в новое, третье, издание БСЭ.

Дата гибели Ю. В. Кондратюка — ею называли тогда «начало 1942 года» — была, очевидно, названа О. Н. Горчаковой, а та наводила справки после того,

как оборвалась — в конце 1941 года — почтовая связь между нею и Ю. В. Кондратюком. Похоронного извещения на Ю. В. Кондратюка не получал никто.

Итак обозначились, казалось, навсегда две крайние даты жизни замечательного ученого: «26 августа 1900 — начало 1942». И если вторую еще надеялись уточнить со временем, разыскивая очевидцев гибели Юрия Васильевича, то в первой никаких сомнений не было.

Первую поправку в эти даты внес Борис Никитич Воробьев — тот самый, кому Ю. В. Кондратюк передал в 1938 году свои рукописи, проставив по памяти даты их написания. Готовя рукописи к изданию, Б. Н. Воробьев связался — очевидно, по оставленным ему А. И. Шаргеем — Ю. В. Кондратюком — с махехой А. И. Шаргея Еленой Петровной Кареевой и с Ольгой Николаевной Горчаковой. Они дополнили его архив. О. Н. Горчакова передала для готовящегося издания фотографию Ю. В. Кондратюка новосибирского периода, а Елена Петровна, отвечая на вопросы о датах рукописей, вызывающих справедливое сомнение Б. Н. Воробьева, так как, например, в рукописи, помеченной Кондратюком 1916 годом, упоминались события 1917 года, назвала и подлинную дату рождения А. И. Шаргея — Ю. В. Кондратюка, умолчав, однако, о настоящем его имени. Она назвалась сестрой матери Ю. В. Кондратюка, а своего первого мужа — отца А. И. Шаргея — Игнатия Бенедиктовича Шаргея назвала отчимом ребенка.

Так или иначе, — Б. Н. Воробьев, попросивший документально подтвердить дату рождения Ю. В. Кондратюка, стал первым посвященным, хотя и без подробностей, в подлинную канву событий.

В сборнике «Пионеры ракетной техники. Кибальчич, Циолковский, Цандер, Кондратюк. Избранные труды», вышедшей в Московском издательстве «Наука» в 1964 году под редакцией и с комментариями В. Н. Сокольского и Б. Н. Воробьева, уже в предисловии, написанном доктором технических наук профессором Т. М. Мелькумовым, датой рождения Ю. В. Кондратюка называется 1897 год. В историческом очерке «Работы отечественных ученых — пионеров ракетной техники», написанном В. Н. Сокольским и помещенном в этой же книге, говорится о том, что «жизнь и научная деятельность» Кондратюка... «до настоящего времени изучены очень слабо».

Академия наук СССР, под эгидой которой вышел сборник трудов «Пионеры ракетной техники...», по мере своих сил курирует издания, посвященные Ю. В. Кондратюку. Так, в сентябре 1964 года, то есть в год выхода в свет сборника, Министерство связи СССР издало маркированный конверт с портретом Ю. В. Кондратюка на фоне стартующей ракеты и с надписью: «Автор научных работ по ракетной технике Ю. В. Кондратюк. 1897—1942». Это было уже не столь специальное, как сборник академических трудов, а массовое издание, выпущенное, очевидно, для того, чтобы привлечь внимание заинтересованных историей космонавтики и дать верные хронологические ориентиры.

Но многие исследователи сочли дату «1897» просто ошибкой, заблуждением, не ведая, что в заблуждение их самих ввели сведения, которые собственноручно писал о себе Кондратюк. Впрочем, кое-что в его анкете начинало смущать.

Он писал, например, что с сентября 1914 по январь 1918 года учился в Полтавской гимназии и «ушел из 4-го класса». Без особых надежд на сохранность дореволюционного гимназического архива был сделан запрос в Полтаву, отправлены туда фотографии взрослого Кондратюка и образцы его почерка. Ответ был неожиданным: в Полтаве, несмотря на фашистскую оккупацию, гимназический архив второй Полтавской мужской гимназии полностью уцелел, но ни Юрий, ни Георгий Васильевич Кондратюк в списках учащихся никогда не значились. В годы с 1910 по 1916 там учился гимназист Александр Игнатьевич Шаргей, внешне похожий по фотографиям на взрослого Ю. В. Кондратюка. Экспертиза подтвердила идентичность почерков А. И. Шаргея и Ю. В. Кондратюка и их фотопортретов.

А в 1968 году научный совет издательства «Советская энциклопедия» подготовил издание малой энциклопедии «Космонавтика», где впервые появилась общедоступная энциклопедическая справка о Ю. В. Кондратюке с датами жизни: «1897—1942».

Сибирские исследователи, да и не только они, продолжали упорствовать. В 1969 году в Новосибирске издается «Календарь юбилейных и памятных дат на 1970 год по Новосибирской, Омской, Томской областям», где помещена статья Я. Шаевича и В. Ромашкевича «Юрий Васильевич Кондратюк. (К 70-летию со дня рождения)». В том же, 1969, году в «Комсомоль-

ской правде» напечатана статья Владимира Львова «Человек, который предвидел». В ней также годом рождения Ю. В. Кондратюка называется 1900 год и местом его рождения Луцк.

Статья Владимира Львова стала тогда побудительным толчком для моих собственных поисков. В первых своих статьях я добросовестно следовал ей и статьям Я. Шаевича. Лишь позднее я узнал, что В. Львову и редакции «Комсомолки» тогда нагорело за публикацию, что на нее запретили ссылаться и следить за этим поручили Главлиту, который, конечно же, не уследил. Да и как было уследить, если пишущих о Ю. В. Кондратюке становилось все больше, статьи появлялись в самых неожиданных изданиях, вплоть до журнала «Закупки сельскохозяйственных продуктов»!

Каждый, кто хоть немного соприкасался с биографией этого замечательного человека, не мог смириться с тем, что о нем так ничтожно мало известно окружающим, каждый стремился внести свою лепту в то, чтобы она вышла из рамок сухой и краткой энциклопедической справки. Между тем, не только истинная биография, но и причины появления даты «1897» год в академических и справочных изданиях замалчивались. Академия наук СССР, задержавшая, как отметил в своем докладе на заседании, посвященном 75-летию Ю. В. Кондратюка 21 июня 1972 года академик В. П. Глушко, на 5 лет издание книги Ю. В. Кондратюка «Завоевание межпланетных пространств» и на 25 лет работы «Тем, кто будет читать, чтобы строить», на многие годы наложила «печать молчания» и на подлинную биографию А. И. Шаргея — Ю. В. Кондратюка, и на объективную оценку его научного вклада в историю мировой космонавтики.

В 1970 году, как писали в семейной хронике Александр Владимирович Доценко и его супруга Людмила Ивановна Спрыгина, они впервые услышали о том, что их родственник, А. И. Шаргей, стал Ю. В. Кондратюком:

«Сначала — письмо от Анатолия Владимировича из Полтавы, — пишут они. — Приходили к нему полтавские краеведы, задавали вопросы о судьбе его родственника А. И. Шаргея, просили навести справки о нем у старшего брата в Москве, спрашивали — не знал ли он талантливого инженера Кондратюка. Оба брата сообщали, что знали о своем двоюродном брате Шаргее и ничего не могли сказать о Кондратюке.

А потом к нам на квартиру пришел главный редактор журнала «Знання та праця» Н. А. Сорока. Он приехал из Киева по заданию ЦК Компартии Украины собрать сведения по биографии Кондратюка.

Тут у нас грянул гром с ясного неба. Мы узнали, что А. И. Шаргей и талантливый ученый-изобретатель Ю. В. Кондратюк — одно и то же лицо, что сейчас (в 1970 году) над биографией Кондратюка работает якобы до 500 человек, а Н. А. Сороке поручено срочно написать его биографию. Узнали о том, что в основу проекта посадки первых американских космонавтов на Луну положены идеи Кондратюка, что в США собираются поставить ему памятник на мысе Кеннеди, и многое другое.

В свою очередь мы рассказали Н. А. Сороке все, что знали об Александре Игнатьевиче Шаргее, все, что могло интересовать его, биографа, о семье Даценко и Шаргей.

Потом нас посетили два сотрудника из КГБ Украины с той же целью — собрать сведения о Шаргее — Кондратюке. Они сказали, что тождество А. И. Шаргей — Ю. В. Кондратюк «установлено всеми современными методами исследовательской работы». Как и Н. А. Сороке, Александр Владимирович рассказал нашим гостям все, что знал сам.

А потом нас стали посещать другие исследователи биографии Ю. В. Кондратюка — журналисты, киносценаристы, специалисты-инженеры...»

В этой «третьей волне» побывал у Александра Владимировича и Людмила Ивановны и я. Как и мои предшественники, поразился внешнему сходству Александра Владимировича с А. И. Шаргеем — Кондратюком. «В этом отношении доходило до анекдотической ситуации, — писала потом Людмила Ивановна. — Полтавские краеведы, увидев фотографию Александра Владимировича Доценко, воскликнули: «А не он ли и есть Шаргей — Кондратюк?!»

В 1970 году, впервые подав на киностудию заявку на сценарий документального фильма о Ю. В. Кондратюке, я попал на семинар журналистов и писателей, пишущих для кино, проходивший в Свердловске. Там мою заявку горячо поддержал руководитель семинара М. С. Арлазоров, автор книги о К. Э. Циолковском, вышедшей в серии «ЖЗЛ». На Западно-Сибирской студии кинохроники заявку тоже приняли радушно, включили в план... Я не знал тогда, какой марафон придет-

ся выдержать этой идее, и пришел к А. В. Доценко и Л. И. Спрыгиной с радостным известием о готовящемся фильме. Помню, как обогатила меня эта встреча в маленькой московской квартирке и. о. главного инженера Государственного института проектирования городов (ГИПРОГОРА), каковым являлся двоюродный брат Ю. В. Кондратюка. Обогастила, разумеется, информацией из первых рук о детских годах моего героя, переданными мне с полным доверием фотографиями, но главное, чем я обогатился,— это буквально обволакивающая меня в их доме интеллигентность, мягкость, сердечность хозяев. Глядя на Александра Владимировича, я воочию представлял себе Ю. В. Кондратюка — мне кажется, что их внутреннее сходство было еще разительнее, нежели внешнее.

Все эти долгие годы, пока фильм не двигался, я ощущал их дружеское участие. Мы переписывались, обменивались материалами, я посылал им на суд написанное о Кондратюке, и оценка всегда была не только дружественной, но и содержала верные замечания. Иногда им не нравились какие-то детали, так в вышедшем наконец фильме «Хлеб и Луна» Людмиле Ивановне показалось, что слишком большое значение придано Горчаковым. Однако, имея свое мнение, они высказывали его прямо, но без резкости. Я и сейчас, когда Александра Владимировича уже нет, не хотел бы терять дружественных отношений с Людмилой Ивановной, с которой, кажется, опять спорю о Горчаковых на страницах этой книги. Я помню, храню ее письма.

«Прискорбно,— писала она в марте 1971 года,— что дела с фильмом идут плохо. Но к данной ситуации приходится относиться философски: сегодня так, а уже завтра может быть иначе. Во всяком случае, советую Вам не бросать темы, в работе над которой Вы сделали уже много. Нельзя в работе всегда ждать немедленной отдачи (правда, этому правилу трудно следовать в Вашей журналистской профессии). К тому же, есть люди, знавшие нашего героя, и эти люди быстро уходят».

Увы, скорость продвижения фильма, да и многих публикаций о Ю. В. Кондратюке, зависела не от меня. 20-минутный фильм шел к экрану 10 лет. Сохранились у меня и иные «сувениры» эпохи молчания: набранная в газетной полосе и снятая в последний момент заметка «Ученому, мечтателю, патриоту». В конце 1980 года я написал объемистый очерк для журнала «Сибирские огни» под названием «Стало целью моей жизни» (Твор-

ческая биография Ю. В. Кондратюка в письмах, документах, воспоминаниях)». Редакция журнала, понимая всю сложность прохождения этого материала, попросила меня заручиться чьей-то влиятельной поддержкой. Я созвонился с академиком В. П. Глушко и попросил его о поддержке: «Вы очень помогли с фильмом, помогите, пожалуйста, еще раз!» — «Присылайте», — кратко ответил Валентин Петрович. Из редакции рукопись послали ему, и она вернулась с его припиской на первой странице:

«Главному редактору журнала «Сибирские огни» тов. А. Никулькову.

Полагаю, что опубликование этой статьи в Вашем журнале представляет безусловный интерес.

С уважением В. Глушко.
15.2.81 г.»

Но 9 апреля 1981 года на той же странице появился лиловый прямоугольный штамп очень солидного московского ведомства — и материал не пошел. До сих пор рукопись хранится у меня — храню автограф замечательного ученого и человека. А очерк все же «прошиб» — только через три с половиной года. Он опубликован в «Сибирских огнях» (№ 10, 1984).

Хотелось бы не оказаться понятым превратно — на собственных примерах, естественно, лучше известных, удобнее рассказывать о «печати молчанья», лежащей на теме «жизнь Кондратюка». Убежден, что с подобными фактами сталкивались в те годы безгласности многие.

В семидесятые годы, особенно во второй их половине, истинная биография А. И. Шаргея — Кондратюка была уже на устах большинства — если не всех! — серьезных кондратюковедов — исследователей и пропагандистов биографии и творчества Ю. В. Кондратюка. От работы к работе, от публикации к публикации вызревала Правда.

Но и в конце 1980 года, как я уже писал, Л. И. Спрыгина предупреждала меня, что «о книге, в которой будет все названо своими именами, сейчас еще не может быть и речи».

Казалось бы, что теперь, когда известны факты и выяснены все подробности обстоятельств и причины смены А. И. Шаргеем фамилии, когда стало ясно, что в этом не было ничего криминального, а напротив — помогали в этом ему весьма уважаемые в то время люди, уже можно было изложить всю правду. Еще вес-

ной 1977 года специальная комиссия ЦК Коммунистической партии Украины определила отсутствие криминала при смене А. И. Шаргеем фамилии. Подробные показания комиссии ЦК КПУ дала сестра Александра Игнатьевича — Нина Игнатьевна Шаргей, по настоянию своей, скончавшейся к тому времени, матери, Елены Петровны Кареевой, долгие годы хранившая молчание о самом факте и обстоятельствах смены братом фамилии.

Еще ранее, весной 1970 года, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР полностью реабилитировала Ю. В. Кондратюка (А. И. Шаргея) по делу 1930 года.

Что же мешало обнародовать все эти данные? Кому было выгодно это молчание? Поистине — «темным силам», как писал мне Анатолий Владимирович Даценко из Полтавы, сообщая о том, что уже сейчас, в эпоху гласности, чинятся всевозможные препятствия фильму свердловчан по сценарию В. И. Севастьянова «Что в имени тебе моем?», снятом в 1987 году. Тогдашний первый секретарь Полтавского обкома партии Ф. Т. Моргун не стал дожидаться, пока фильм выйдет на всесоюзный телеэкран, а обнародовал имя Александра Шаргея в своей речи на торжествах, посвященных 90-летию Ю. В. Кондратюка, проходивших в Полтаве, где был показан и фильм.

«По-разному складываются судьбы людские,— сказал он в своей речи.— Часто люди узнавали про своих знатных земляков лишь после их смерти. Под двойной тайной долгие годы были скрыты имя и дела Ю. В. Кондратюка. Все мы чувствовали, как над этим именем насаивался панцирь запретности, не только для прессы, но и для всех нас, а в придачу к тому шла и еще какая-то тайная суета вокруг его биографии...

Теперь, когда общество очищается и из всего добываются уроки правды, мы открыто говорим и про эту, долгое время запретную, сторону жизни Кондратюка. Ведь даже немногие из полтавчан знают, что имя, данное ему родителями, было Александр».

Эти торжества проходили в Полтаве с большим размахом — был выпущен памятный конверт с портретом Ю. В. Кондратюка, который гасился спецштемпелем, в областной газете «Зоря Полтавщини» этому событию были посвящены целые газетные полосы в двух номерах, и мне было приятно узнать, что Ф. Т. Моргун в своей большой речи процитировал мой очерк в

«Сибирских огнях», а газета опубликовала выдержку из него в виде статьи. В Новосибирске, где событие прошло почти незамеченным, если не считать опубликованной в местной «Вечерке» за несколько дней до него небольшой статьи, я устроил памятный вечер в Доме культуры «Академия» с выставкой материалов об А. И. Шаргее — Ю. В. Кондратюке, демонстрацией фильма «Хлеб и Луна» и рассказом о замечательном ученом, чья судьба была связана с нашим городом шесть лет, где вышел главный труд его жизни. Множество вопросов, на которые пришлось тогда ответить, показали, что многие жители городка науки под Новосибирском никогда прежде ничего о нем не слышали, их интерес граничил с потрясением, испытанным когда-то в 1969 году мною...

А фильм В. И. Севастьянова все шел к экрану, шел, борясь с «темными силами». Обстоятельства смены имени А. И. Шаргеем были из него ясны, и возразить что-либо по этому поводу было трудно. Тогда была «атакована» вторая дата — дата гибели А. И. Шаргея — Ю. В. Кондратюка.

Замечу, что вокруг этой даты тоже кипели страсти, не выходя, как правило, наружу — к широким массам.

В 1960 году труды Ю. В. Кондратюка были переведены на английский язык. А уже в начале 1961 года среди американских ученых-ракетчиков разгорелась борьба за лучший проект полета к Луне, который президент Кеннеди определил как национальную задачу на предстоящее десятилетие. Вернер фон Браун предлагал запустить раздельно две мощных ракеты типа «Сатурн», одна из которых должна была нести космический корабль, а другая — запас топлива на обратный путь. Ракеты предполагалось состыковать на околоземной орбите, после чего весь корабль летел на Луну, прилунился и стартовал обратно. Размеры его при таком «прямом» полете были огромными, расходы на топливо — фантастическими, сложность проекта была очевидной. Этому проекту, поддержанному большинством американских специалистов, противопоставил смелую идею полета со стыковкой и расстыковкой корабля с лунным модулем, достигающим поверхности Луны и стартующим затем обратно, инженер Джон Хуболт. Его идея в точности повторяла идею, высказанную еще за много лет до него А. И. Шаргеем — Ю. В. Кондратюком.

Более чем через 20 лет мы узнали о том, что и в СССР под руководством С. П. Королева готовился проект полета астронавтов (группу возглавлял летчик-космонавт СССР А. Леонов) на Луну. Этот проект, который должна была осуществить разрабатывающаяся мощная ракета-носитель Н1, также предусматривал спуск на поверхность Луны лунного модуля. Вот как описал «Хронику событий» в своей статье «Как мы не слетали на Луну» Сергей Лесков («Известия», 19 августа 1989 года).

«В 1960 году появилось постановление о создании в 1963 году ракеты-носителя Н1 на 40—50 тонн. В дальнейшем проект едва ли не ежегодно пересматривали, мощность ракеты возрастала, сроки переносились, пока, наконец, в ноябре 1966 года экспертная комиссия под председательством академика М. В. Келдыша дала положительное заключение на эскизный проект по лунной экспедиции с использованием ракеты-носителя мощностью 95 тонн, что позволяло высадить на Луну одного космонавта, оставив второго члена экипажа на орбите».

Увы, этот проект тогда так и не осуществился.

А в США, в ходе ожесточенной борьбы с проектом Вернера фон Брауна, победу одержал Джон Хуболт. Его идея была принята, и первый полет на Луну жителей планеты Земля состоялся. Он оказался, как и предвидел еще в 1918 году А. И. Шаргей, надежным и сравнительно экономичным. НАСА присудила Хуболту специальную награду «За выдающееся научное достижение».

«Но его самая большая награда,— писал журнал «Лайф» 15 марта 1968 года,— пришла на последней неделе на мысе имени Кеннеди. В то время, когда он наблюдал запуск «Аполлона-9» — впервые отправляющееся в полет с людьми его детище, лунный модуль LM, он думал о другом ученом, чьи мечты попали к людям со скептическим слухом. Хуболт только недавно прочитал историю Юрия Кондратюка, русского механика-самоучки, который около 50 лет назад рассчитал, что LOR (стыковка на окололунной орбите.— А. Р.) был лучшим вариантом достижения Луны. Советское правительство игнорировало его, и в 1952 году Кондратюк умер в безвестности.

— Боже мой, он прошел через то же, что и я,— сказал Хуболт.— Думая об этом, я не мог не волноваться, когда смотрел, как стартует «Аполлон-9».

В статье Владимира Львова в «Комсомольской правде» 19 июля 1969 года, впервые рассказавшей о Д. Хуболте и его воспоминаниях о Кондратюке, фраза о 1952 годе, разумеется, не цитировалась. Откуда американцы взяли, что Ю. В. Кондратюк «умер в неизвестности в 1952 году»?

Сегодня представляется, что это была всего лишь фальшивая карта в тогдашней политической игре. Но в те годы она заставила встревожиться уже не только добровольных исследователей биографии Ю. В. Кондратюка. Именно тогда по заданию ЦК Компартии Украины стали предметом изучения «методами следовательской работы» белые пятна его биографии. Но дата смерти А. И. Шаргея и тогда не была установлена.

Замалчивание стало делом обычным, а тем временем недоброжелатели ученого стали распространять версии, не выдерживающие никакой критики. Одна из таких небылиц утверждала, что Вернер фон Браун — это и есть Ю. В. Кондратюк, поселившийся в Германии, а потом в США под этой фамилией. Эту выдумку опровергнуть было несложно: биография фон Брауна известна, в немецком исследовательском военном центре в Пенемюнде он работал с 1937 года. Кроме того, он совсем не похож на Ю. В. Кондратюка и низкого роста — его видел, например, В. Н. Сокольский.

Другие пустили выдумку, что Кондратюк во время войны или после нее переехал в США и там работал до 1952 года — иначе, дескать, откуда взялись утверждения «Лайф»? Но и этот вариант неправдоподобен. Во-первых, «Лайф» не преминул бы об этом сообщить в 1968 году — дело прошлое. Но журнал злобствует по другому поводу: Кондратюк, «игнорируемый Советским правительством», умер в неизвестности, то есть на родине — уж они, американцы, в неизвестности умереть ему бы не дали! А на родине представляется невозможным, например, чтобы он, оставшись живым, не сделал никаких попыток разыскать родных, друзей, не позаботиться о сестре и мачехе, как бывало даже в самые трудные для него времена.

Домыслы домыслами, но специальная комиссия ЦК КП Украины, созданная в апреле 1977 года и работавшая под председательством вице-президента АН УССР академика Г. С. Писаренко, располагала и фактами, также, казалось бы, способными скомпрометировать А. И. Шаргея — Ю. В. Кондратюка. О них широкой общественности стало известно лишь после появления в

газете «Труд» за 10 июня 1988 года статьи В. Борисова «Под чужим именем». Вот что там говорилось:

«После окончания войны при разборе фашистских архивов были обнаружены документы, вроде бы свидетельствующие о том, что Юрий Васильевич Кондратюк работал у Вернера фон Брауна на ракетной базе Пенемюнде.

А суть дела такова. В фашистских архивах обнаружили половину тетради Кондратюка с формулами и расчетами по военной технике. Там указывались его фамилия, имя и отчество. Тетрадь нашел на поле боя какой-то немецкий солдат и принес своему командиру. Вскоре она попала к специалистам по ракетной технике. Сделали запрос в лагеря военнопленных. И надо же быть такому совпадению — нашелся полный тезка и однофамилец — Юрий Васильевич Кондратюк. Его спросили: «Твоя тетрадь?» Чтобы вырваться из лагеря, он сказал: «Да». Но когда однофамильца привезли в Пенемюнде и потребовали включиться в работу, выяснилось, что он имел образование в размере 3-х классов».

Вот такая история, которую тоже необходимо осмыслить.

Начнем с тетрадки, вернее — ее половины. Мне представляется сомнительной версия автора статьи о том, что она была найдена «на поле боя» немецким солдатом и была переправлена специалистам фон Брауна.

Тетрадка с формулами и расчетами по ракетной технике могла попасть на базу Пенемюнде другим путем. Вспомним, что во время оккупации Калуги гитлеровскими войсками в доме-музее К. Э. Циолковского пропали многие ценные документы, рукописи, письма. Пропали, в частности, письма Ю. В. Кондратюка К. Э. Циолковскому. А что если найденная в Пенемюнде тетрадка, подписанная Юрием Васильевичем Кондратюком, была послана или вручена лично К. Э. Циолковскому самим автором, а затем в числе наиболее ценных, захваченных немцами в доме-музее, документов была переправлена фон Брауну?

А сам «полный тезка и однофамилец» Ю. В. Кондратюка, доставленный на базу Пенемюнде и ничем не помогший немцам? Допустим даже, что это был сам А. И. Шаргей — Ю. В. Кондратюк, но ведь он не подключился к работам фашистских ракетчиков и был уничтожен! Впрочем, допустить это невозможно — немцы нашли бы способ установить его авторство по отношению к попавшей к ним тетрадке. Лжеавтор их быст-

ро разочаровал и погиб, с настоящим автором они не пожалели бы времени на уговоры.

Несомненно, руководителю государственной комиссии по ознакомлению с постановкой дела на базе Пенеюнде было доложено о находке. Сергей Павлович Королев видел документы о военнопленном Юрии Васильевне Кондратюке, его тетрадь, но разобрался в случившемся, не впал в подозрительность по отношению к Ю. В. Кондратюку, которого высоко ценил и знал лично, упомянул его имя в докладе за несколько дней до запуска первого советского искусственного спутника Земли. Хватило ума, чтобы быстро разобраться, что перед ними не тот Ю. В. Кондратюк, и фашистам. А вот нам потребовались для этого многие десятилетия...

Горький урок на еще одном печальном витке уже посмертной судьбы Александра Игнатьевича Шаргея. В пресловутые годы застоя невозможно было опереться на то, что составляло суть человека и что сегодня называют человеческим фактором, учесть духовный, гражданский и нравственный облик А. И. Шаргея — Ю. В. Кондратюка. А ведь он и являлся самым надежным барьером, ограждающим такую непростую и нелегкую жизнь ученого от необоснованных подозрений, домыслов, искажений! «Устную характеристику к делу не пришьешь» — вот таким было кредо равнодушных чиновников вплоть до тех пор, когда им пришлось учитывать перемены, происходящие в нашем обществе. И «пришивали» они гораздо охотнее «характеристику», утверждающую, что у Ю. В. Кондратюка нет никаких научных заслуг, или — что «никакого Кондратюка вообще не было, его выдумали враги Циолковского».

И пусть Отделом безвозвратных потерь рядового и сержантского состава Советской Армии рядовой Кондратюк Юрий Васильевич «взят на учет в 1980 году, как пропавший без вести в октябре 1941 года». Все говорит о том, что он погиб. И сегодня мы можем принести цветы и возложить их к памятнику на воинском кладбище города Кирова, к памятнику, на котором среди прочих, погибших за Родину, высечено имя красноармейца роты связи Юрия Васильевича Кондратюка...

Вышел, сломав все препоны, совершивший перелом в посмертной судьбе Александра Игнатьевича Шаргея — Кондратюка телефильм по сценарию В. И. Севастьянова. Его поставил на Свердловском телевидении режиссер М. Шаров. (Поистине, Свердловск стал местом, где сосредоточились усилия кинематографистов, воссоздаю-

ших образ и судьбу А. И. Шаргея — Ю. В. Кондратюка, — ведь и первый фильм о Ю. В. Кондратюке, «Хлеб и Луна», снимался в этом городе!»

В рубрике «Размышления после фильма» газета «Советская Сибирь» 17 июня 1988 года поместила эмоциональный зрительский отклик, ярко, с художественно-публицистическим блеском написанный новосибирским журналистом Роленом Нотманом. Его хочется цитировать целиком. Приведу, однако, всего две выдержки. Вот самое начало статьи Р. Нотмана, озаглавленной «Судьба гения»:

«Сию потрясенный. Раздражает любой звук. Душа нуждается в тишине. Неужели правда то, о чем только что поведal экран телевизора? Да, правда, сомнений нет. Кондратюк не Кондратюк, а Шаргей. Он не Юрий Васильевич, а Александр Игнатьевич. Теперь лучше понимаешь, почему гений этого человека так трудно находил признание, почему понадобились десятилетия, чтобы посмертная слава нашла его.

Вскоре после гимназии, зеленым юнцом он дважды был мобилизован белыми. И дважды от них бежал. Что из того?! В более поздние времена мы сажали у себя тех, кто вырывался из фашистского плена. Прозорливы же были родственники Шаргея — Кондратюка, которые передали ему документы умершего от туберкулеза молодого человека. Словно предвидели, что гения надо освободить от подозрений. Словно не сомневались, что и под чужим именем ему достанется трудная, трагическая судьба, и потому хоть немного нужно облегчить ему страдания».

И вот окончание статьи:

«...Будет стоять и сиять в отечественной истории имя Кондратюка — Шаргея. Стоять вечно. Фильм как раз об этом. Фильм, который словно пронизывают прекрасные глаза гения, в которых ум, боль и вопрос: «Поймете ли вы меня, люди?!»

Очень острый и существенный вопрос для эволюции нашего общественного самосознания! Ведь горькие уроки судьбы Александра Игнатьевича Шаргея — Кондратюка не отделимы ни от нашего прошлого, ни от настоящего и будущего. И если «опыт, сын ошибок трудных» замалчивался бы и впредь — кто знает, сколько гениев наше общество потеряло бы, вновь впадая в те же ошибки. Связь времен нерасторжима. И будут, обязательно будут новые, на первый взгляд, парадоксально мыслящие первопроходцы науки, новые гении челове-

ства. И взоры наши должны быть обращены не только в космос, куда они укажут новые, невиданные доселе пути, но и в космос их души, в глубь их замыслов, помыслов, надежд. Счастливой вам судьбы, новые гении человечества!

А в грохоте каждого космического старта всегда будет громко и победно греметь имя Александра Игнатьевича Шаргея.

И будут, будут обязательно памятники, на которых высекут и его настоящее имя! Теперь оно уверенно входит в обиход: на страницы справочных изданий, в биографические книги, посвященные замечательному ученому, в историю мировой и отечественной космонавтики.

И в том, что настоящее имя и настоящая судьба Александра Игнатьевича Шаргея без умолчаний и искажений предаются сегодня гласности — на весь мир! — можно увидеть главную победу многолетних усилий большого отряда исследователей его биографии и научного творчества, трудную победу нового мышления в подходе к нашей истории, включая и историю отечественной космонавтики.

Как оказалось, безукоснительное следование правде, честный взгляд в лицо фактам и полная гласность добытой в поиске истины, исключая уродующие историю фигуры умолчания, — это, говоря словами А. И. Шаргея — Ю. В. Кондратюка, «задача, по существу, не столь уж трудная, если подходить к ней научно, а не с заранее выпученными от удивления и ужаса глазами».

ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ Ю. В. КОНДРАТЮКА

Кондратюк Юр. Завоевание межпланетных пространств./Под редакцией и с предисловием проф. В. П. Ветчинкина.— Издание автора.— Новосибирск, ул. Державина, 7.— 1929.

Горчаков П. К., Кондратюк Ю. В. Применение бетона высокого напряжения к постоянной крепи шахтных стволов//Горный журнал, 1931.— № 11.

Горчаков П. К., Кондратюк Ю. В. Железобетонный копер башенного типа, выполняемый в подвижной опалубке//Горный журнал, 1931.— № 11.

Горчаков П. К., Кондратюк Ю. В. Проходка шахт с механизацией опалубной, бетонной и породоборочной работ//Горный журнал, 1932.— № 12.

Кондратюк Ю. Автобиография (письмо профессору Н. А. Рынину)//Н. А. Рынин. Теория космического полета.— Л., 1932.— С. 342—346.

Кондратюк Ю. В., Горчаков П. К. О неравномерности давления на круглую шахтную крепь в изгибающих моментах в ней//Горный журнал, 1933.— № 4.

Кондратюк Ю. В., Горчаков П. К. Проект наиболее мощной в мире ветроэлектростанции//Социалистическая индустрия, 1934.— № 1—2.

Кондратюк Ю. В., Горчаков П. К. Экспертиза//За индустриализацию, 1935.— 3 марта.

Горчаков П. К., Кондратюк Ю. В. Основные характеристики и перспективы ветроэнергетики//Электрические станции, 1939.— № 10—11.

Кондратюк Ю. Завоевание межпланетных пространств. Издание второе под редакцией П. И. Иванова.— М.: Оборонгиз, 1947.

Кондратюк Ю. В. Тем, кто будет читать, чтобы строить. Завоевание межпланетных пространств//Пионеры ракетной техники. Кибальчич, Циолковский, Цандер, Кондратюк. Избранные труды.— М.: Наука, 1964.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. Глушко Валентин Петрович (1908—1989) — советский ученый, основоположник советского жидкостного ракетного двигателестроения, один из пионеров ракетной техники, академик. Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий.

2. Рынин Николай Алексеевич (1877—1942) — советский ученый в области авиации и начертательной геометрии, автор ряда работ по реактивной технике межпланетных сообщений. С 1921 года — профессор Ленинградского института путей сообщения, где был председателем секции межпланетных сообщений. Издал в 1928—1932 годах трехтомный труд «Межпланетные сообщения», в 3-й том которого включил письмо Ю. В. Кондратьюка. Именем Рынина Н. А. назван кратер на обратной стороне Луны.

3. Циолковский Константин Эдуардович (1857—1935) — советский ученый, заложивший основы современной космонавтики и ракетной техники. Автор многих трудов по теории межпланетных полетов. Вел переписку с Ю. В. Кондратьюком и опубликовал выдержки из его писем в своих работах.

4. Келлерман Бернхард (1879—1951) — немецкий писатель. Роман «Туннель» написан им и переведен на русский язык в 1913 году.

5. Федоров Александр Петрович (2-я половина XIX века) — русский изобретатель. В 1896 году опубликовал в Петербурге труд «Новый принцип воздухоплавания...», в котором описал устройство ракетного аппарата для перемещения в пространстве, исключая атмосферу как опорную среду.

6. Ветчинкин Владимир Петрович (1888—1950) — ученый-аэродинамик. Преподавал в Московском высшем техническом училище, Военно-Воздушной академии, в Московском авиационном институте (с 1928 года — профессор). Разрабатывал проблемы динамики ракетного полета. Именем Ветчинкина В. П. назван кратер на обратной стороне Луны.

7. Цандер Фридрих Артурович (1887—1933) — советский ученый и изобретатель в области ракетной техники. Один из пионеров ракетной техники. Автор трудов, посвященных расчетам ракетных

двигателей и другим вопросам ракетной техники. Именем Цандера Ф. А. назван кратер на Луне.

8. Перельман Яков Исидорович (1882—1942) — советский ученый, популяризатор реактивного движения и межпланетных путешествий. Автор многих научно-популярных трудов. Его книга «Межпланетные путешествия» выдержала десять изданий (с 1915 по 1935 год). Переписка Перельмана Я. И. с Кондратьюком Ю. В. не найдена.

9. Никитин Николай Вагильевич (1907—1973) — советский инженер, лауреат Ленинской и Государственной премий, доктор технических наук, заслуженный строитель РСФСР. Автор проекта Останкинской телебашни в Москве. Сотрудничал с Кондратьюком Ю. В. в 1932—1938 годах.

10. Королев Сергей Павлович (1906—1966) — советский ученый, конструктор ракетно-космических систем, академик, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии. Именем Королева С. П. названо крупнейшее образование (талассонд) на обратной стороне Луны.

11. Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937) — советский военный деятель. Маршал Советского Союза. Оказывал помощь и поддержку, содействуя развитию ракетной техники в СССР, работам ГДЛ, ГИРД, ЛсиГИРД. Организовал в Москве Реактивный научно-исследовательский институт.

12. Злобин Борис Алексеевич (1909—1980) — советский инженер, лауреат Ленинской премии, соавтор и главный инженер проекта Останкинской телебашни в Москве. Сотрудничал с Кондратьюком Ю. В. в 1929—1930 и в 1934—1936 годах,

ЛИТЕРАТУРА
О Ю. В. КОНДРАТЮКЕ (А. И. ШАРГЕЕ)

Гаркуша Александр. Трасса Юрия Кондратюка//...Три, два, один! — М.: Советская Россия, 1989.

Даченко А. В. Жизнь в творческом горении.— Киев: Знание, 1986.

Даченко А. В. «Я полечу туда...» — Харьков: Прапор, 1989.

Ключко Валентина. История одной переписки//Загадки звездных островов. Книга 5.— М.: Молодая гвардия, 1989.

Раппопорт А. «Стало целью моей жизни...». Творческая биография Ю. В. Кондратюка в письмах, документах, воспоминаниях//Сибирские огни, 1984.— № 10.

Раппопорт А. Хлеб и Луна//Крутые дороги космоса.— М.: Искусство, 1988.

Роднонов Валерий. Кто вы, инженер Кондратюк?//Загадки звездных островов. Книга 5.— М.: Молодая гвардия, 1989.

Романенко Б. И. Юрий Васильевич Кондратюк.— М.: Знание, 1988.

Севастьянов Виталий. Гений с чужим именем//Украина, 1988.— № 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
---------------------	---

Часть I. Задолго до старта

Два снимка и пять витков	9
Контуры генеалогического древа	12
Бабушка	16
«Неродной дедушка»	20
Полтавские зори	22
«Вечный студент»	24
Гимназия	27
Снова в столице	38
Лихолетье	42
Киевская рукопись	46
Побег	50
Документы	52

Часть II. Под чужим именем

В новой семье	56
Третья рукопись	61
Кое-что о характере героя	64
Издательский марафон	67
В рабочем бушлате	75
1928 год	84
«Часы с длительным заводом»	93
Камень	99
Клеймо	105
Конкурс	126
Жизнь продолжается	137
Москва	147
«Действительно, все получается в жизни наоборот»	164

Часть III. Жизнь после жизни

Признание	170
Как сломали печать молчанья	179
Печатные труды Ю. В. Кондратюка	195
Именной указатель	196
Литература о Ю. В. Кондратюке (А. И. Шар- гее)	198

**Александр Григорьевич
Раппопорт**

ТРАЕКТОРИЯ СУДЬБЫ

Документальная повесть
о Ю. В. Кондратьеве — А. И. Шаргее

Использованы фотографии А. Н. Полякова,
из собраний А. Г. Раппопорта и В. Г. Иванова

Редактор И. И. Кванская
Оформление художника Е. Ф. Зайцева
Художественный редактор В. П. Минко
Технический редактор М. Н. Коротаева
Корректор О. М. Кухно

ИБ № 2805

Сдано в набор 19.02.90. Подписано в печать 02.08.90.
Формат 84×108/32. Бум. офс. № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 10,50+1,68 вкл. Усл. кр.-отт. 14,39.
Уч.-изд. л. 11,32+1,47 вкл. Тираж 10000 экз. Заказ № 13.
Цена 90 к.

Новосибирское книжное издательство, 630076, Новосибирск,
Вокзальная магистраль, 19. ППО «Печать», 630007, Новоси-
бирск, Красный проспект, 22.